

Соболева Ульяна

Невеста для хана. Продана на 30 дней

1 книга

Глава 1

— Сними эти белые тряпки! Мне они не нравятся.

Обернулась и вздрогнула от ужаса. Это был не мой Павлик, а тот жуткий человек с раскосыми черными глазами. Он стоял возле двери, прислонившись к ней спиной и сложив руки на мощной груди, покрытой черной порослью вверху и татуировками, переходящими на плечи. Голый по пояс, в шелковых штанах с низкой посадкой, открывающих его плоский живот почти до самого паха. Ниже опустить взгляд я не решилась, стало нечем дышать. Огромный, как скала. Весь словно отлитый из темной бронзы. Широленные плечи, сильная бычья шея и рельефные накачанные мышцы, перекатывающиеся под лоснящейся темной кожей, как бугрящиеся канаты. Казалось мужчина занял собой все пространство гостиничного номера. Он может переломать меня пополам одной рукой без особых усилий или свернуть мне шею. И этот страшный взгляд из-под густых черных бровей, который пронизывал меня насквозь еще там на церемонии бракосочетания и потом в зале полной гостей, заставляя покрыться мурашками. Лицо, скрытое до половины бородой, внушало суеверный ужас. Мне никогда не нравились бородатые.

Не знаю, как он проник в комнату. Я ведь закрылась изнутри, а ключи от номера были только у моего жениха.

— Как вы вошли? Убирайтесь немедленно! Кто вы такой?!

Схватила халатик, лихорадочно пытаюсь натянуть на себя и прикрыться. Жуткий гость осклабился, сверкая белоснежными зубами и сделал шаг ко мне, прокручивая между пальцами карточку-ключ. Я все еще думала это какая-то шутка или ошибка. Может быть Паша решил так пошутить в нашу первую брачную ночь и сейчас выскочит из-за двери, улыбаясь своей умопомрачительной звездной улыбкой и размахивая смартфоном. Он любил все снимать и тут же выставлять в соцсеть.

— Кто я? — страшная ухмылочка, — Ты будешь называть меня Хан, Птичка.

Тяжело дыша осмотрелась по сторонам и попятилась к балкону.

— Я закричу, позову охрану. Сейчас сюда зайдет Паша и ...и вышвырнет вас! Убирайтесь из моего номера! Вон!

Подошел ко мне и выдернул из моих рук халатик, разодрал его у меня на глазах и отшвырнул в сторону. В нос ударил запах дорогого парфюма и терпкий аромат мужского тела. Он меня пугал. Никогда раньше я не видела полуобнаженного мужчину так близко.

— Сюда никто не придет. Твой Паша особенно. Он проиграл в карты и отдал тебя в уплату долга — МНЕ. Я пришел взять свой выигрыш. Снимай с себя все эти тряпки по-хорошему, залазь на стол и раздвигай ноги. Я голоден и хочу трахать тебя сейчас!

Ранее

— Я так счастлива, так счастлива!

Кружилась по комнате, раскинув руки, чувствуя, как пышное свадебное платье, встает колоколом и закручивается вокруг ног, а волосы колышутся и хлещут по раскрасневшимся щекам. Кровь бурлит, пенится от счастья.

— Сумасшедшая, прическу испортишь.

— Не испорчу, тетя. Не испорчууууу. Я сегодня за Павлика замуж выхожу. О Божееее! За Павлика Звезду! Аааааа. Я сама в это не верю.

Схватила тетушку за руки и заставила прыгать вместе со мной. Ее полные щеки раскраснелись, а рыжие пряди волос выбились из закрученной на затылке «гульки».

— За самого красивого мужчину. За звезду эстрады. Заааа само совершенствоооо. За талантищеее, — я не знала каким еще титулом наградить жениха, в которого была беззаветно влюблена. А кто был не влюблен в лунного мальчика? В Павла Звезду, чья карьера так стремительно взлетела вверх после «Фабрики Талантов». Я влюбилась, как только увидела его по телевизору, а потом моталась на концерты, стояла с блокнотом и ждала автографа, если

повезет. Мне не везло. Он ни разу меня даже не заметил. А потом объявили этот отбор и... свершилось самое невероятное чудо.

О, как же он красив. Его волосы отливали перламутром, а голубые глаза походили на клочки весеннего неба. Он был похож на ангела, сошедшего с небес. Моя комната увешана его портретами и каждый раз, когда я туда заходила, то представляла себя рядом с ним. Представляла, как он увидит меня и полюбит с первого взгляда. Мне исполнилось всего лишь восемнадцать, я ходила на балет, рисовала акварелью и писала стихи. О нем. Все, что я творила было только о нем и для него. Ведь без любви нет вдохновения, а я вся была пропитана любовью к Павлику.

— Все. Хватит скакать, моя дурочка. У меня давление как подпрыгнет и вместо свадьбы будешь скорую вызывать и компрессы мне ко лбу прикладывать.

Тетя Света сжала мои запястья и остановилась, разглядывая меня и улыбаясь.

— Я вижу, как ты счастлива, девочка моя, и я счастлива за тебя втройне. Не знаю каким чудом он выбрал именно тебя среди всех этих фанаток, среди чокнутых поклонниц и тысяч ярких женщин...

— Это судьба. Просто судьба. Так должно было случиться. Потому что я предназначена ему самой судьбой. Я его, а он мой.

Никто не верил, что я, Вера Измайлова, попаду на шоу и... и получу в женихи самого Павлика Звездного. Что он выберет именно меня. Когда прислали приглашение на первый раунд тетя даже не сказала мне об этом. Подумала, что это розыгрыш.

Куда нам до всяких шоу. Живем обе на ее пенсию, я только в университет поступила и на работу официанткой устроилась. Квартира старенькая бабушкина и мебель в ней тоже бабушкина. В гости кого-то позвать стыдно настолько все ветхое.

Приглашение тетя мне сама отдала, когда я уже отчаялась его получить, когда поверила, что меня никогда не позвали бы на такое шоу и тихо плакала у себя в спальне от отчаяния и обиды.

— Почему? Чем я хуже их всех? Я уродлива? Кривая или косая? А может проклята? Или там на деньги смотрят? Неужели везде смотрят только на деньги? Все покупается и продается! И люди тоже!

— Ну что ты моя девочка, ты самая красивая и ты дашь фору любой из этих тупых куриц. Они по сравнению с тобой шлюшки дешевые.

— Какую фору, тетя? Он фото мое увидел в этих... в этих ужасных джинсах и... даже рассматривать не стал. Куда мне с ними тягаться? Не надо было ничего отсылать. Дура... дура... дура.

— Глупенькая моя, увидел и обалдел. Приглашение еще неделю назад пришло — с курьером принесли.

Она гладила меня по голове в этот момент, но едва произнесла слово «приглашение» я подскочила и схватила ее за мягкие полные плечи, не веря своим ушам.

— Приглашение?

— Да, приглашение. Ты ведь девочка у меня красивая. Куколка моя. Они не могли не прислать. Просто не могли.

— И ...и где приглашение?

— Ты ведь не собираешься туда ехать, Вера?

Я не верила, что она говорит это на самом деле. Не верила, что тетя скрыла от меня приглашение на первый раунд отбора и теперь пытается отговорить от такого шанса.

— Почему?

— Потому что нечего нам там делать. Ты не такая, как они. Ты скромная, хорошая девочка. Сожрут тебя там, не глядя. Куплено все на шоу этом, понимаешь? Нет там чувств и правды. Только бизнес и деньги. Боюсь, что обидят тебя... птичку мою.

Я смотрела ей в глаза и видела там этот блеск разочарования, жалости и собственной вины.

— Да и тебе нечего туда надеть, моя хорошая. Мы совсем на мели. Все продано и проедено.

— А мамино платье? То, с Франции. Зеленое с бархатными вставками. Ты говорила она его всего один раз надела перед... перед аварией.

— Оно будет велико на тебя. Да и сколько ему лет? Наверняка моль побила.

— Помнишь, как Скарлетт О'Хара наряд из штор сшила? Кстати, то платье тоже было зеленое. Мы его подошьем. Тетя, любимая моя, ну пожалуйста. Я так хочу его увидеть... пусть он не выберет меня, но я хотя бы увижу. Это же сам Павел Звезда! Пусть потом домой и ни с чем... но я хотя бы на жизнь посмотрю, на людей, в столице побываю.

— Вся в мать свою. Ей тоже не сиделось.

Проворчала тетя и пошла в свою комнату, а я за ней.

— Ты говорила, что мама с папой счастливы были.

— Говорила... я много чего говорила. Был бы он нормальным человеком, отец твой, не сел бы выпившим за руль и не убил бы свою беременную жену и сам бы не умер от травм.

Как всегда, при этих словах ее глаза наполнились слезами, и она решительно открыла шкаф. Достала дрогнувшей рукой платье и показала мне.

— Велико будет. Ростом ты не знаю в кого мелкая такая. Ушивать придется.

Он был ослепительнее, чем по телевизору и ярче, чем само солнце. Красивый профиль, ровный нос. Высокий, грациозный, даже чуть женственный, от чего его очарование казалось каким-то неземным. Утонченность и ухоженные длинные соломенные волосы сводили с ума всех женщин, что говорить обо мне восемнадцатилетней дурочке — я смотрела и хлопала глазами, чувствуя, как колотится мое сердце. Гладкий лоб, волевой подбородок, тонкие скулы. Он поглядывал на всех присутствующих скучающим взглядом и снисходительно улыбался представленным ему претенденткам. Мне он улыбнулся точно так же.

— Посмотрите на это ужасное платье? Откуда она его достала с какого сэконд хэнда? — послышался женский голос позади меня, и я внутренне напряглась.

— Сняла со своей мертвой прабабушки, когда ту хоронили. — хихикнула другая.

— Думаешь?

— Конечно. С морга вещички забрала и в шкаф... нет, в сундук спрятала. Так и передают от прабабки к прабабке!

— Ага, в нем только милостыню у метро кланчить.

Когда я обернулась, девушки демонстративно замолчали и сжали губы, сдерживая смех. Я постаралась успокоиться и не прислушиваться.

— Посмотрите на ее туфли. Век динозавров. Полный отстой. На рынке за пару тыщ купила в распродажу.

— И эти волосы. Жесть. Она б еще кокошник надела. Косу заплела — деревня мля! Почему на шоу нет селекции? Я бы сэлфи сделала, так эта убогая в кадр лезет стыдно выставить в инсту.

— У прабабки-покойницы волосы займы взяла. Коса накладная, девочки. Что вы понимаете? Писк моды.

Снова расхохотались и я резко обернулась к ним, они замолчали, отворачиваясь и поглядывая в стороны и на потолок. Я медленно выдохнула, вспоминая как обещала тете ни во что не вляпаться и пытаюсь сдержать ярость, но не справилась. Одна из высокомерных куриц прошла мимо меня, и я подставила ногу, а когда она падала дернула за волосы. Растянувшись на полу, с задранной юбкой, оторванными накладными дредами, курица уже не выглядела столь великолепно, а ее подружки теперь весело хохотали над ней самой.

— Анька говорила ее волосы так великолепны, что еле уложить смогла.

— Они были великолепны до того, как забыли отрасти. — сказала я и поддела одну из дред

носском туфли. — кажется искусственные.

— Ах ты ж... дряяянь!

Девка бросилась на меня с кулаками, но я всегда умела за себя постоять и уже через мгновение под глазом Анны красовался багровый синяк.

— Что здесь происходит?

Начальник охраны павильона появился как из-под земли и грозно посмотрел на каждую из нас.

— Эта... эта девка вцепилась мне в волосы и ударила меня. Кто допустил ее сюда? Эту бомжиху в грязных тряпках и стоптанных туфлях? От нее воняет тройным одеколоном! — она демонстративно зажала нос, а у меня потемнело от злости перед глазами.

— Я не бомжиха. Меня пригласили.

Ничего не успела сказать, как меня схватили под руки и потащили прочь из залы.

— Я же показывала приглашение.

— У нас таких с приглашениями знаешь сколько? Давай по-хорошему вали отсюда не то все кости пересчитаю. Или пацанам отдам во все дыры тебя отымеют. Давай. Пошла отсюда!

Выдернула руку из цепких пальцев охранника, второго пнула по коленке и едва они разжали руки побежала обратно в залу, уцепилась за многочисленные шнуры и переходники от камер и оборудования, и чуть не упала, вылетев в центр павильона.

— Хан вернулся ты слышал?

— Какого черта? Разве его не пристрелили? Он потребует... — в голосе Павлика послышались панические нотки, но он не договорил как раз в этот момент я на него и налетела со всего разбега.

— Что происходит, Аркадий Иванович? Что это? — взвизгнул Павлик и шарахнулся от меня в сторону.

«Этим» судя по всему, была я.

Глава 2

— Простите. Каким-то образом эта оборванка пробралась на кастинг. ее сейчас выведут. — охранник уже сцапал меня за шиворот и тряхнул как тряпку.

— Я не оборванка! Я — Вера Измайлова. Меня пригласили. Или это шоу не для всех?

— Как-как? Измайлова? Не помню такую, — пожав плечами сказал Павлик, а я на секунду потеряла дар речи от его близости и красоты, но времени на молчание у меня не было, так как жесткие пальцы охранника- мордovorота сдавили мой локоть, чтобы дернуть к себе снова.

— На видео... я танцевала и стихи для вас написала.

Сиваков что-то шепнул Павлику и тот, изменившись в лице, повернулся ко мне.

— Черт... Да, вы правы. Я забыл... Возьмем ее.

Посмотрел на меня и снова на Сивакова:

— Не хватало еще потом выслушивать, что набирали только из своих. Пусть разбавит элиту. — шепнул ведущий, — ну и заказ... ты ж знаешь. Она подходит.

— Конечно подхожу. — в отчаянии взмолилась я, — Я ведь так вас люблю и буду лучше всех. Они здесь ради денег и славы, а я ради вас самого.

Лицо Павлика расплылось в улыбке и взгляд смягчился. А у меня дух захватило от ямочки на его щеке и от этой легкой не бритости, от его чувственных губ.

— Если ты получила приглашение — значит останешься здесь. Шоу для всех. Особенно для талантливых. — тронув мои волосы добавил, — и влюбленных.

Наверное, в этот момент я и понравилась ему. Или позже. Когда он танцевал со мной. Да, скорее всего именно тогда. Ведь был этот момент как в книгах... что-то щелкнуло, екнуло и захлестнуло безумием, любовью с первого взгляда. Ведь это точно любовь, когда бабочки порхают в животе и по коже мурашки от одного его взгляда.

Но тогда Звезда многозначительно взглянул на Сивакова, проходившего мимо стоящих в ряд претенденток, и рассматривающего их, как лошадей в стойле, когда говорил, что возьмет меня.

— Верное решение, Павлик. Не зря тебя так любят твои поклонницы. Ты сама доброта, — равнодушно сказал ведущий и тут же призывно улыбнулся одной из претенденток.

— Жаль... жаль я не главный герой шоу, — щелкнул языком и поладил обнаженное плечико смуглой девушки.

Разве он не женат этот Сиваков? Кажется, в одной из газет было написано, что у него трое детей имеется и жена.

Раскрасневшаяся, влюбленная, очарованная и покоренная звездой (с разных букв с большой и с маленькой) я мчалась на такси домой. Всем претенденткам вызвали машину. Кого-то забрали на шикарных иномарках. Когда-то и мы жили по-другому и у нас тоже была машина и квартира в центре города.

Но об этом я слышала лишь из рассказов тети. Как и о своей матери с отцом. К несчастью мне не довелось узнать их. Они погибли в аварии. Ехали с какого-то приема, и отец не справился с управлением машину занесло на встречную под колеса «Камаза». Отец был инженером-архитектором, мать играла в театре. Тетя говорила мне, что она была невероятно красивой и талантливой. ее ждало великое будущее, но она встретила моего отца и... все. И в столицу не поехала. Мама погибла сразу... а отец долго лежал в коме, перенес множество операций. Тетя квартиру продала, чтоб его вытянуть с того света, хотя и считала убийцей своей сестры, но папа не выжил.

Маму вырастила моя тетя. Как и меня. Бабушка умерла при родах, а дед через год после нее от инсульта. Восемнадцатилетняя Светочка удочерила свою сестру и вырастила ее, как родную дочь, а теперь вот и меня.

С личной жизнью не сложилось. Вся ее жизнь была в моей маме и во мне. Тетя не вышла

замуж и не родила своих детей. ее зарплаты учителя едва хватало на нас и на коммунальные выплаты. Мы все распродали и мамино золото, и картины, и дорогой сервиз. Даже люстру из чешского стекла. И едва сводили концы с концами. На нашем столе не было мяса и рыбы, не водились сладости, только то что испечет тетя. Шоколад я видела на свой день рождения и на новый год. Мы с мамой Светой сэкономили каждую копейку.

Спустя неделю после последнего раунда к нам пожаловал Сиваков и сообщил, что я избрана невестой Звезды и финальный раунд уже будет просто красивым спектаклем, в конце которого Павлик сделает мне предложение и подарит кольцо. Вместо меня в обморок упала тетя, а я онемела и не могла ответить ни на один вопрос ведущего, который лучезарно улыбался и даже не присел на предложенный ему стул. Я может быть и заметила бы как брезгливо он морщит нос, но новость о том, что выбор пал на меня обескураживала до такой степени, что я ничего не слышала и не видела. Меня не смутило даже то, что нас не снимали. Как сказал Сиваков «не надо шокировать зрителей такой нищетой».

Потом они ушли с тетей на кухню, а я чуть не заверещала на весь дом от счастья. Мама Света вышла из библиотеки с какими-то бумагами в руках, а Сиваков удалился, огласив дату регистрации брака.

— Так быстро все произошло, — пожимала плечами тетя, — а где подарки для невесты? Где помолвка и приемы в ее честь? Не думала, что этот Звезда такой скряга. Разве не у него два дома и несколько иномарок?

Но я так привыкла к скромности и экономии, что не думала о подарках и драгоценностях. Ведь самым драгоценным подарком была эта свадьба. За три дня до торжественного дня меня отвезли в самый модный свадебный салон, сняли с меня мерки, я стояла на табурете перед огромным зеркалом и ойкала, когда меня кололи иглками, пришивая белые кружева, цветы и жемчуг к пышному белоснежному платью из атласа с очень низким декольте, тесным корсетом, стянувшим мою талию до каких-то мифически тонких объемов, переходящему в широкую юбку с фижмами из великолепной ткани, украшенной жемчугом и золотистыми нитями, под ней скрывался целый ворох нижних юбок. Все это снимала съемочная бригада, мне тыкали в лицо камерами и то и дело поправляли микрофон. И мне не верилось, что все это волшебство происходит со мной. Я вот-вот стану женой Паши. Конечно нам мало удалось пообщаться за это время только на постановочных свиданиях, которые снимали в разных ракурсах, но я была уверена, что у нас любовь. Самая настоящая. Как в кино. И с замиранием сердца ждала той самой заветной ночи, когда я стану принадлежать ему по-настоящему. Как в тех клипах, где он целовал других девушек, опрокидывая на постель и они выгибались под шелковыми простынями, когда он их целовал. Или на капоте машины или... да какая разница где ведь вместо них я всегда представляла себя.

И сейчас я стояла в невероятном платье с кружевной вуалью, приколотой бриллиантовой брошью к венку из белых искусственных роз и закрывающей мое лицо до половины, перед алтарем рядом с Павлом, пахнущим самым сладким сном и сводящим с ума своей неземной красотой. И не было никого счастливее меня в целом свете. Нас венчал сам Епископ Иннокентий в белой тиаре, с рассыпанными по ней бриллиантами и драгоценными камнями он возвышался над чашей со святой водой и при каждом произнесенным им «аминь» брызгал на нас ею под щелканье фотоаппаратов и нацеленных на нас огромных видеокамер. Пока я не произнесла сакральное:

— Да! Клянусь! Навсегда! Любить пока смерть не разлучит нас!

И посмотрела на своего мужа, который держал тонкими белыми пальцами обручальное кольцо...

Как вдруг широкие двойные двери торжественной залы распахнулись, и Епископ замолчал, а гости оглянулись, и я вместе с ними. В торжественную залу вошли странные гости. Их было человек десять. Одетых во все черное. Не русские. Они перекинулись парой слов на непонятном мне языке. Впереди всех вышагивал очень высокий мужчина широкий плечах настолько, что закрывал собой стоящих позади него людей. Я бы назвала его огромной черной пантерой, а не человеком. Он двигался, как смертоносное животное и его лицо с густой бородой казалось высеченным из камня. Все черты крупные, грубые. Резко выделяющиеся надбровные дуги, широченные скулы, выступающие вперед, как и глубоко посаженные раскосые черные глаза выдавали в нем восточные корни. Он осмотрел весь зал, словно отсканировал и перевел взгляд на нас с Пашей, а потом сел в первом ряду. В руках у него была алая роза. Он крутил ее в цепких пальцах и посматривал то на меня, то на моего жениха. Когда взгляд его жутких глаз останавливался на мне я слегка вздрагивала. В них не отражалось ничего кроме глубокого мрака и какого-то кровожадного голода, способного

умертвить все живое вокруг.

Он мне не нравился. От него исходил запах опасности, запах смерти. Как будто эта свадьба легко могла стать похоронами, если только он этого захочет.

— Хан пришел.

— Видели? Он вернулся.

— Говорили, что он мертв, разве нет?

Я повернулась к жениху и встретившись с ним взглядом опять ощутила прилив всепоглощающей радости. Какая разница кто там пришел в гости. Я сегодня стала женой Павлика Звезды. Я жена знаменитости, таланта, самого красивого и любимого мною мужчины. Не знаю, что там ждет меня впереди, но точно нечто прекрасное.

После торжественной церемонии все гости сели за огромный, широкий стол, который ломился от самых разнообразных блюд. Но я от волнения есть не могла, думала только о том, чтобы все эти люди поскорее разъехались, и я осталась наедине с Пашей. За столом он сидел рядом со мной, но на меня почти ни разу не взглянул. Только когда позировал перед камерами, обнимал меня за плечи и у меня сердце обрывалось от радости видеть его светлые глаза, направленные на меня и сладкую улыбку, наконец-то подаренную мне.

А потом снова появился этот человек, прошел тяжелой походкой вдоль стола и стихли все разговоры, ощутилось внезапно нахлынувшее волной напряжение, словно воздух стал тяжелым и раскаленным как перед грозой. Страх. Он буквально витал в воздухе и как болезнь передавался от одного к другому. Я тоже его невольно ощутила. Незнакомца усадили неподалеку от нас. Позади него стали два человека в черном, сложив руки впереди и глядя в никуда, как роботы. Обслуга и организаторы праздника впадали рядом с ним в прострацию, млели и тряслись. Я видела, как мелко подрагивали руки официанта, когда он ставил перед гостем фужер и заказанное блюдо.

Мужчина вдруг резко повернул голову, и я ощутила, как мощно давит тяжестью его взгляд, невыносимо жесткий и пронзительный. Я помнила, как он смотрел на меня еще во время церемонии, как будто нагло шарил по моему телу, словно просачивался сквозь одежду и трогал везде какой-то липкой грязью и оскорбительной похотью. Я старалась тогда на него не смотреть. Мне было страшно.

А сейчас меня как будто загипнотизировали. Незнакомец слегка мне улыбнулся, и эта улыбка была такая же неприятная, как и его черные непроницаемые глаза. Он поднес к лицу красную розу, вдохнул ее запах, продолжая смотреть на меня. Я тут же резко отвернулась, сгребла пальцами салфетку, смяла, стараясь не нервничать. Как же это отвратительно позволять себе так нагло улыбаться чужой невесте. Ощутила, как покраснели щеки и от чего-то стало ужасно не по себе, как будто это я виновата в том, что этот мужчина так на меня смотрит. Как будто моя одежда слишком откровенна или я как-то не так себя веду. Я невольно взяла Пашу за руку.

— Что? — раздраженно спросил он.

— Кто этот человек? Почему он так на нас смотрит?

— Какая тебе разница? Это мой гость. Дорогой гость. Улыбайся ему.

И снова отвернулся, высвободив руку и увлеченно беседуя со своим соседом-свидетелем. Ко мне подошел официант и протянул мне розу.

— Вам передали вместе с поздравлениями.

Судорожно сглотнула, не решаясь взять.

— Что думаешь? Бери! — послышался голос жениха, — И спасибо скажи. Думает она. — увидел мой растерянный взгляд и направленную на нас камеру, — я же сказал это мой гость. Возьми цветок ты сделаешь мне этим приятно. И улыбайся. На нас все смотрят! Передай драгоценному гостю нашу благодарность.

Улыбнулась Паше и взяла розу и тут же выронила ее, уколов палец до крови. Официант подал цветок снова, а я положила его на стол и поднесла палец ко рту. Встретилась взглядом с черными раскосыми глазами незнакомца и вздрогнула всем телом. Его взгляд был еще более кровожадным чем раньше. Пробрал меня до костей.

Отвернулась, стараясь выровнять дыхание и успокоиться. На гостя я больше не смотрела, тем более заиграла музыка и мой муж пригласил меня на первый танец. Когда я встала из-за стола, то нечаянно смахнула розу на пол и с удовольствием наступила на нее, ощутив под туфелькой мягкие лепестки и хруст ломающегося стебля.

Точно так же уже совсем скоро сломают и меня саму...

Глава 3

Мне было страшно и в то же время по телу проходила дрожь предвкушения. Сегодня я буду принадлежать Павлику и только ему. Стану по настоящему его женщиной. И страшно потому что никогда и ни с кем ничего не было. Берегла себя. Хотела, чтоб красиво и по любви, хотела, чтоб помнить и не стыдно было. Тетя старой закалки у меня, она всегда говорила «умри, но не давай поцелуя без любви»*1.

Со мной все было очень сложно в плане любви и свиданий. Парни меня мало интересовали. Настоящие. Я Павлика любила. Все песни его слушала, знала наизусть... и мечтала... мечты оказывается сбываются. Я много и хорошо училась, сидела дома за книгами, балетная школа, потом художественная. Времени на мальчиков не было. Да и не нравилась я особо тем, кто обычно учит хороших девочек плохому. У меня была тетя с ее безграничной любовью, мои книги и учеба. А еще мои мечты и фантазии, в которых я была только с одним мужчиной — с Павлом.

С тех пор как я побывала на его концерте меня уже никто и ни что не интересовало. И сейчас я стояла перед зеркалом в белоснежном нижнем белье, покрытом кружевами и не верила, что все это происходит на самом деле и я действительно стала женой Павлика Звезды. На мне все невероятно дорогое. Безумно красивый лифчик открывал полушария груди, чуть приподнимая их вверх и крест-накрест застегивался на спине. Трусики-шортики обтягивали бедра и просвечивались, и я стеснялась, что под ними все так видно... а еще больше кровь прилиwała к лицу, когда я думала о том, что Павлик их снимет. Белые чулки с широкой резинкой красиво обтянули ноги и мне было непривычно видеть себя в таком виде с кружевным поясом на талии и жемчужными застегками, придерживающими чулки. Я казалась себе красивой... впервые в жизни.

И мечтала, как Павлик войдет в дверь номера, захлопнет ее, схватит меня в объятия и, уложив на постель, сделает меня своей. Как это происходит я себе представляла. В интернете видела, в книгах читала. Но там это было про кого-то, а не про меня. А сейчас все это случится со мной, и я была уверена, что Павлик будет очень нежным. Как в фильме «Три метра над уровнем неба». Попросит меня сказать ему, когда остановиться и его глаза будут светиться от любви ко мне.

А потом я стану взрослой, стану какой-то особенной для него, и он будет гордиться тем, что он был у меня первым. Не только в постели, а вообще и во всем. В нашей спальне не будет видеокамер и он сможет целовать меня по-настоящему, а не в подбородок и я признаюсь, что это первый поцелуй в моей жизни.

В номер постучали и я, затаив дыхание, набросила белый шелковый халатик и открыла дверь. Разочарованно выдохнула — это была официантка с подносом, на котором красовалось шампанское, фрукты и два бокала.

Я посмотрела на часы и тяжело вздохнула. Уже одиннадцать вечера. Гости начали разъезжаться по домам. Почему он не оставит их всех и не придет ко мне?

— Скажите... а там в низу в ресторане уже все закончилось?

Официантка улыбнулась мне и поставила бокалы на столик, украсила их белыми цветами.

— Не знаю. Но музыка еще играет.

Наверное, он не может уйти, там эти телевизионщики чертовы. Как же они надоели. Интересно отвезли ли тетю домой? Я взяла сотовый и набрала маму Свету.

— Ты уже дома?

— А чего это ты мне звонишь? Разве у тебя сейчас не брачная ночь с твоим супругом?

— Гости еще не уехали, и он пока с ними.

— А ты одна? Где ты?

Х- Я уже в номере.

— Не пойму, что может быть дороже прекрасной, любимой новобрачной?

— Тетяяя! Павлик не герой твоих любовных романов. Сейчас все по-другому. Там телевидение,

журналисты. Он ведь Звездаааа. Я вышла замуж не за обыкновенного мужчину.

— Ну и правильно. Сняли бы, как он уносит свою невесту в номер. Вы когда уезжаете в путешествие?

— Должны завтра рано утром. — подумала о том, что мы отправимся на яхте плавать по океану и радостная дрожь пробежала по всему телу.

— Ясно. Ты мне хоть позванивай... Ох, что-то беспокойно мне совсем.

— Ну что ты, мама Света. Все хорошо будет вот увидишь. Ты не представляешь какая я счастливая.

— Ладно. Не буду себя накручивать. Конечно все хорошо. Поздравляю тебя еще раз, моя девочка. Мама была бы в восторге... как жалко, что она не видит какая ты у меня красивая и умная малышка. — ее голос дрогнул и я, на секунду представила ее лицо в этот момент. Представила слезы на ее глазах и сама расстроилась.

— Не плачь! Ты мне обещала!

— Не буду... не буду. Вот молитву прочту вам в дорогу, валерианки выпью и попробую уснуть. Непокойной тебе ночи.

— Тетя! — щеки зарделись, но она уже отключила звонок... Если бы я тогда знала, что слышу ее голос в последний раз и что через несколько минут начнется мой персональный ад... я, наверное. Говорила бы с ней со всем по-другому. Я бы хотя бы попрощалась.

Походила по номеру туда-сюда и набрала Павлика сама. Он не ответил. А после третьего раза сбросил звонок. А вдруг что-то случилось? Позвонила администрации отеля.

— Простите, что беспокою... ааа... а в ресторане уже закончился праздник? Это невеста... я хотела спросить не видели ли вы жениха?

— Они сейчас в казино. Хотите что-то передать?

Я прислонила трубку к груди и разочарованно выдохнула.

— Нет... ничего. Спасибо.

Казино? Вместо того, чтобы прийти ко мне? Но почему? Может его заставили телевизионщики и так надо по программе? Тогда почему он мне не отвечает? Хорошо... я не буду расстраиваться я просто его подожду. Он обязательно скоро придет. Павлик любит меня. Я это чувствую. Он ведь сам меня выбрал. Так сказал ведущий. И когда мы были на свидании он сжимал мою руку и гладил мои пальцы. Но чувство обиды подступало издалека и в горле слегка першило от разочарования. Совсем не так я представляла себе эту ночь... И в глазах уже пощипывали слезы.

Я сняла халатик и подошла к зеркалу снова... Потянула шпильки с прически, позволяя волосам рассыпаться по плечам и по спине до самых ягодич. Тетя гордилась моей косой, любовно ее расчесывала и заплетала на ночь и когда я предлагала ее обрезать она кричала, что проклянет меня, а я смеялась, но волосы не трогала.

— Как можно отрезать это золото? У меня рука не поднимается. Твои волосы ослепительны, Верочка. Они — это и есть ты сама. Никогда не трогай их. Они твоя гордость.

Я провела рукой по волосам и отбросила их назад, тряхнула всей копной и в эту секунду услышала мужской голос у себя за спиной:

— Сними эти белые тряпки! Мне они не нравятся.

Обернулась и вздрогнула от ужаса. Это был не мой Павлик, а тот жуткий человек с раскосыми черными глазами.

Он стоял возле двери, прислонившись к ней спиной и сложив руки на мощной груди, покрытой черной порослью вверху и татуировками, переходящими на плечи. Голый по пояс, в шелковых штанах с низкой посадкой, открывающих его плоский живот почти до самого паха. Ниже опустить взгляд я не решилась, стало нечем дышать. Огромный, как скала. Весь словно отлитый из темной бронзы. Широкие плечи, сильная бычья шея и рельефные накачанные мышцы, перекатывающиеся под лоснящейся темной кожей, как бугрящиеся канаты. Казалось

мужчина занял собой все пространство гостиничного номера. Он может переломать меня пополам одной рукой без особых усилий или свернуть мне шею. И этот страшный взгляд из-под густых черных бровей, который пронизывал меня насквозь еще там на церемонии бракосочетания и потом в зале полной гостей, заставляя покрыться мурашками. Лицо, скрытое до половины бородой, внушало суеверный ужас. Мне никогда не нравились бородатые.

Не знаю, как он проник в комнату. Я ведь закрылась изнутри, а ключи от номера были только у моего жениха.

— Как вы вошли? Убирайтесь немедленно! Кто вы такой?!

Схватила халатик, лихорадочно пытаюсь натянуть на себя и прикрыться. Жуткий гость ослабилась, сверкая белоснежными зубами и сделал шаг ко мне, прокручивая между пальцами карточку-ключ. Я все еще думала это какая-то шутка или ошибка. Может быть Паша решил так пошутить в нашу первую брачную ночь и сейчас выскочит из-за двери, улыбаясь своей умопомрачительной звездной улыбкой и размахивая смартфоном. Он любил все снимать и тут же выставлять в соцсеть.

— Кто я? — страшная ухмылочка, — Ты будешь называть меня Хан, Птичка.

Тяжело дыша осмотрелась по сторонам и попятилась к балкону.

— Я закричу, позову охрану. Сейчас сюда зайдет Паша и ...и вышвырнет вас! Убирайтесь из моего номера! Вон!

Подошел ко мне и выдернул из моих рук халатик, разодрал его у меня на глазах и отшвырнул в сторону. В нос ударил запах дорогого парфюма и терпкий аромат мужского тела. Он меня пугал. Никогда раньше я не видела полубоженного мужчину так близко.

— Сюда никто не придет. Твой Паша особенно. Он проиграл в карты и отдал тебя в уплату долга — МНЕ. Я пришел взять свой выигрыш. Снимай с себя все эти тряпки по-хорошему, залазь на стол и раздвигай ноги. Я голоден и хочу трахать тебя сейчас!

*1 Цитата Чернышевский "Что делать?"

Глава 4

— Вы лжете..., - мой лепет был еле слышен. От ужаса я не могла сказать ни слова. Хан смотрел на меня исподлобья и сделал тяжелый шаг в мою сторону, отодвигая меня к стеклянному столу с шампанским.

— Я не пришел сюда болтать, я пришел трахаться. Закрой рот и откроешь его тогда, когда я разрешу.

Приказной тон, полная уверенность в своем превосходстве. Подавляющая, жесткая. Он явно привык что ему все подчиняются, а кто не подчиняется он подчиняет сам. Да так, что кости хрустят. Протянул лапищу и с треском без усилий порвал кружевной лифчик. Я тут же закрыла грудь руками, но он силой сдвинул запястья и опустил мои руки по швам. Несколько секунд смотрел мне в глаза своими страшными раскосыми азиатскими глазами, потом опустил взгляд на мою грудь, и я дернулась всем телом. На меня никто и никогда не смотрел без одежды, от стыда и от ужаса хотелось кричать, и я дернулась еще раз, пытаюсь освободиться. Хан поднял голову и у меня дух захватило от этого жуткого похотливого блеска в его глазах. Там жила тьма. Кромешная и беспросветная бездна. У человека не может быть такого взгляда.

— Будешь сопротивляться — я тебя разорву, поняла?

Кивнула и застыла, глядя на него как кролик на удава, понимая, что чуда не случится, никто не спасет меня. Это все происходит на самом деле. И его слова не были просто угрозой. Скорее констатацией факта. Он был огромен и мог разорвать меня так же легко, как и мой халатик. Этими ручищами с выступающими жгутами вен и перекатывающимися, вздувающимися мышцами под черной чешуей татуировки. Чтобы не смотреть ему в глаза я смотрела на этот рисунок — черный тигр с оскаленной пастью и обнаженными в ударе когтями. Страшный, как и его обладатель. Похож скорее на машину смерти. А не на человека. Тело спортсмена и качка, все мышцы как живые двигаются под кожей. Он или не вылезал из спортзала или... серьезно занимался спортом, жил им. Если бы я увидела его при других обстоятельствах я бы восхитилась этой красотой, но не сейчас... сейчас эта сила говорила только об одном — он меня раздавит, размажет и мокрого места не останется. И страшно представить скольких он уже раздавил. Может это из-за той розы. Какой же дурой я была, что раздавила ее. Такие люди не терпят обид и оскорблений.

Этот Хан что-то сделал с Павликом... иначе не зашел бы ко мне с этим ключом. Павлик не мог меня проиграть — этот жуткий человек лжет. Я надеялась, что кто-то узнает обо всем и в номер ворвется охрана отеля. Я все еще верила, что меня кто-то спасет.

Тяжело дыша смотрела на татуировку, не двигаясь, замерев, сжавшись всем телом. Muskusный запах от его близости усилился, как и жар исходящий от смуглой кожи. Услышала треск собственных трусиков и тихо всхлинула. Едва он оставил мои руки, как я молниеносно закрыла грудь и пах.

— Убрала! Ты делаешь только то, что я скажу! Поняла?

Нет, я не понимала. Я ничего совершенно не понимала. Я впала в состояние шока и до безумия боялась насилия и боли. Настолько боялась, что от отвращения, страха и унижения меня тошнило и лихорадило. Взял меня за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза, но лучше бы я смотрела куда угодно, но только не в них. Они были для меня самым страшным в нем:

— Сегодня ночью я буду тебя иметь, Птичка. Хочешь ты этого или нет. У тебя есть выбор: или делать, как я скажу и все будет хорошо, или злить меня и все будет плохо и очень больно. С последствиями. Понимаешь меня? Я кажется по-русски говорю.

Он говорил вкрадчиво и с акцентом. Слова звучат правильно, но гласные более растянутые и твердые. Кивнула и снова опустила взгляд на татуировку. Лучше смотреть на тигра. Тогда страх становится абстрактней.

— Я люблю, когда мне в глаза смотрят.

Посмотрела в глаза, изо всех сил стараясь сдержаться и не расплакаться. Его лапа легла мне на грудь и у меня от стыда подогнулись колени. Я смотрела ему в глаза с мольбой и уже зарождающейся ненавистью от понимания, что все это не шутка и этот человек собирается сделать то, что сказал. Ущипнул за сосок, подержал грудь в ладони. Не ласково, не нежно, а

как-то потребительски, словно ощупывая товар, на который совершенно наплевать.

— Я... я нечаянно уронила ту розу.

— Я редко делаю подарки, Птичка, и очень не люблю, когда их не ценят. И хватит ломаться. Мне начинает надоедать.

Скользнул грубой шершавой ладонью по животу вниз к моим скрещенным ногам, заставив сжать их и судорожно всхлипнуть.

— Ноги раздвинь.

А я не могла этого сделать, физически не могла. Слышала его, понимала, но тело меня не слушалось. Вклинился бедром между моими коленями, и я начала задыхаться, продолжая смотреть в черные дыры его блестящего кровожадного взгляда. Погладил мой лобок чисто выбритый перед свадьбой, накрыл промежность ладонью и вдруг я ощутила, как в меня что-то больно врезалось, растянув сухое отверстие. От неожиданности глаза широко распахнулись и наполнились слезами. Это было больно, жутко и мерзко. Хан засунул в меня палец глубже и пошевелил им, а я ощущала, как плотно охватываю его и сжимаю от чего боль становится еще сильнее. Задыхаясь, застывшим взглядом продолжаю смотреть на татуировку.

— Маленькая, — послышался его хриплый от возбуждения голос, — ты очень маленькая. Девственница. Не наврал слизняк.

Как будто говорит сам с собой. А мне от дискомфорта, стыда и шока хочется умереть, рыдать, биться в истерике и все тело дрожит, ноги дрожат и подгибаются. Хочется выть и орать, но я его настолько боюсь, что не смею даже слово сказать. Вытащил палец, прекратив пытку, оставив неприятное ощущение жжения и, схватив меня за руку, потянул к своим штанам:

— Развяжи.

— Н..не надо... — стало еще страшнее.

— Развяжи я сказал!

— Пожалуйстаааа, — очень-очень тихо.

Ладонью ощущаю выпуклую твердость под шароварами и мне уже не просто жутко я на грани истерики. И в этом животном нет ни капли жалости, ни капли сочувствия. Он вообще не похож на человека. Даже запах его звериный и дыхание горячее, как у зверя. Дрожащие пальцы потянули тесемки и шелковые черные штаны скользнув по сильным бедрам упали к его ногам. Он переступил через них. Каждое движение грациозно несмотря на его габариты. Не знаю зачем я туда посмотрела. Вниз, Ниже живота, с дорожкой черных волос чуть ниже пупка. Не надо было... Надо было закрыть глаза, зажмуриться, не думать не о чем и не смотреть. Он был огромен везде. У меня перехватило дыхание — ЭТО не могло поместиться в нормальную женщину... а меня он разорвет на части... Из густой черной поросли чуть покачивался, приподнимаясь и доставая до пупка толстый, полностью обнаженный от крайней плоти, член. Теперь я понимала почему это животное так сказало. Что разорвет меня... От истерики закрыла глаза, глотая слезы. Инстинктивно дернулась назад, пытаюсь освободиться.

— Зачем... зачем я вам? Я еще никогда... не надо, прошу вас. Я боюсь... вы сделаете мне больно.

— Сделаю. — согласился он и подтянул меня обратно к себе, положил мою ладонь на свой орган. Меня подбросило, как ужаленную, и я попыталась одернуть руку, но он удержал. Пальцы до конца не смогли обхватить его член, от ощущения вздувшихся, переплетающихся вен под ладонью, рука задрожала так, что я ощущала эту дрожь всем телом.

— Зачем? Я захотел. Тебя.

Коротко. Безэмоционально. Как окончательный приговор. И после этого моя жизнь прежней некогда не станет. Мне даже страшно подумать, что будет после. И будет ли.

— Вы меня убьете?

Короткий, сухой смешок и от него становится еще страшнее, потому что ему плевать на мои мольбы, на мой страх и на то что я маленькая, как он выразился... а он настолько огромный.

— Если продолжишь скулить вполне может быть. Двигай рукой. Вверх-вниз.

Неосознанно сделала как он говорит, содрогаясь от гадливости, от презрения и ненависти. Но сильнее всего был страх и чувство обреченности, граничащее с паникой. Он глухо застонал, а я почувствовала, как по щекам потекли слезы.

— Что? Не нравлюсь?

Отрицательно качнула головой, чувствуя, как дрожит нижняя губа.

— Пожалуйстаааа....

— Сучка, да, я не Звезда, — отбросил мою руку, развернул спиной к себе, удерживая за затылок наклонил и силой уложил на стол, заставив стать на колени и распластаться грудью на холодном стекле. — тебе же заплатят за этот спектакль так какая, блядь, разница с кем?

Закусила губы, чувствуя, как дрожат ноги, впилась скрюченными пальцами в стол, зажмурилась. Ощутила, как что-то мокрое размазали там внизу, а потом в меня уткнулось твердое, горячее и огромное. Сделал попытку протолкнуться, и я инстинктивно вся сжалась, закусив губы до крови. Так сжалась, что вытолкнула член обратно.

— Разожми мышцы, — прохрипел у моего уха, — слышишь меня?

Я слышала, но расслабиться не могла, совершенно. Я дико боялась боли, боялась, что меня это вторжение просто убьет. Никогда не думала, что это будет все так ужасно... с таким ублюдком, с самым настоящим зверем, а не с любимым мужчиной.

— Не могу, — срывающимся голосом.

Он попытался еще несколько раз протолкнуться, причиняя мне трением пока только дискомфорт и внушая ужас.

— Нет, блядь... не так.

Приподнял за талию и как тряпичную куклу перевернул на спину. Я так и не открыла глаза. Только не смотреть на него иначе с ума сойду. Раздвинул мне ноги в стороны, надавливая на разведенные колени, поднимая их к груди. Ощутила, как снова прижимается своим огромным членом к моим нижним губам. Что-то рычит сквозь стиснутые зубы, проталкиваясь внутрь, а я голову запрокинула и вижу всю комнату вверх тормашками и слезы не по щекам катятся, а по вискам вверх к волосам. Кричать сил нет. Только кажется, что меня медленно разрывают и сейчас все мое тело пойдет трещинами. Наклонился ко мне ниже, поддерживает мои ноги руками.

— Впусти и не будет так больно. Прими меня.

Но как я не пыталась расслабиться — больно было все равно. Больно и страшно. До меня доносятся хриплое, сжатое рычание и его дыхание-кипяток обжигает мне грудь и шею. Внезапно боль стала невыносимой настолько, что я вскрикнула и заплакала, широко раскрыв глаза, не веря, что это происходит на самом деле. Неужели эту пытку можно вытерпеть долго? Мне кажется я после него умру.

Зверь остановился, давая мне почувствовать всего себя во мне. Такое впечатление как будто меня раскрыли до предела, до треска и внутри все наполнено вот-вот порвется.

— Маленькая, такая маленькая девочка...бляяаяядь, какая же ты маленькая. — голос срывается и акцент слышен уже очень сильно.

И я сама теперь знала насколько я маленькая. Только пусть больше ничего не делает. Иначе я не выдержу. Но ему было плевать. Я ощутила, как поршень внутри двинулся взад-вперед, натянутость стала еще невыносимей. Никакой ласки или нежности. Не касается меня, не гладит. Ничего из того, что я могла себе представить в сексе. Ни одного поцелуя или слов утешения. Только грудь мою иногда сжимает ладонями. Он думает только о себе. Двинулся еще раз, сдавливая мои ноги. Это ведь закончится когда-нибудь. Не может длиться вечно... Тетя говорила, что рано или поздно все имеет свой конец и боль тоже. Но моя казалась мне бесконечной. Каждая секунда — столетие.

Каждый толчок, как раскаленным железом по внутренностям. Не могу привыкнуть, не могу подстроиться, не могу ничего. Дышать не могу. Только хватаю ртом воздух, а он не поступает в легкие и мне кажется я задыхаюсь.

Приподнял за затылок, привлекая к себе.

— Я тебя трахаю, а не убиваю, поняла? Дыши и на меня смотри.

Приоткрыла глаза и вздрогнула от того что его две черные бездны настолько близко и в них мое отражение мечется от ужаса и боли. Трахает... он меня разрывает, имеет как последнюю подстилку хотя и знает, что я не такая. Уже знает. Его лицо вблизи очень гладкое и матово-бледное. Кожа обтянула выступающие скулы, и черная борода приоткрывает красиво очерченный рот. Он сжимает челюсти при каждом толчке, выдыхая со свистом.

— Да. Вот так. Уже лучше.

Кому лучше? Только не мне... Мне уже никогда лучше не станет. Тело все еще дрожало от напряжения. Пока не перестала думать об этом, не обмякла в его руках и страдание начало отступать, ослабевать, как будто мое лоно уже привыкло к этому поршню внутри. Он начал двигаться сильнее, быстрее, а я запрокинула голову и так и смотрела на перевернутое окно номера, чувствуя как колышутся мои волосы и стонет под нами стеклянный стол, подпрыгивает моя грудь и как жжет там внизу, где его член входит в меня и у меня все огнем горит от каждого толчка, а ноги свело судорогой от того, что он так сильно развел их в стороны.

Рано или поздно все прекратится и ... он уйдет. Услышала, как Хан что-то прохрипел на незнакомом мне языке, как сильно врезался в меня замер и тут же вышел, на живот потекла липкая горячая жидкость под его протяжный низкий гортанный стон, он уткнулся лицом мне в грудь, содрогаясь в конвульсиях оргазма. Какое-то время так и стоял, вздрагивая и тяжело дыша. Поднял голову и посмотрел на меня, усмехнулся уголком рта.

— Красивая Птичка. Не зря заплатил.

Потом встал с пола, послышались шаги, хлопок двери и звук открываемой воды. А я не могу даже пошевелиться. Ноги свести вместе не могу. Мне стыдно, больно и хочется исчезнуть. Сдохнуть хочется прямо здесь.

Глава 5

Приподнялась с трудом, скрещивая дрожащие колени. Волосы на лицо упали. Я не уверена, что смогу пойти потом до душа. У меня болят ноги и там... там как будто клеймо поставили, а бедра изнутри мокрые и я знаю, что это моя кровь. Что теперь будет? Он ведь уйдет? Как я Паше в глаза посмотрю после всего? Я ведь могла кричать и сопротивляться? Могла ... а я струсилась и позволила. Надо встать, вымыться и уехать отсюда. Забыть, как страшный сон.

Хан вышел из душа. Остановился. Я голову подняла и сквозь слезы на него посмотрела. Стоит возле ванной, обмотанный полотенцем, расставив сильные, длинные покрытые черными волосами, ноги. На икрах тоже татуировки. Издалека не видно, что там набито. Какая мне разница... пусть просто оденется и уйдет.

— Чего сидишь? В душ иди.

На него не смотрела только на пол. На ковер. Попробовала встать, но ноги подогнулись, и я чуть не упала. Не успела ничего сделать как он на руки подхватил и отнес в ванну, поставил под душ и воду открыл.

— И грим весь смой. Мне без косметики нравится. Мыла поменьше, чтоб собой пахла.

Я долго смывала с себя кровь и его семя, глядя как розовая вода, закручиваясь убегает в сток. Потом с ужасом потрогала себя там в поисках чего-то ужасного, ран или разрывов, но ничего не нашла кроме саднящего, болезненного ощущения, что его член все еще во мне и ужасно чувствительной, растертой плоти. Вот и все. Вот он мой первый раз. Ничего ужасней я представить себе не могла.

Села на край ванной и тут же встала — промежность сильно болела. В саму ванну упали белые розы, которыми были обложены углы. Какая насмешка. Черными надо было обложить. Я надеялась, что пока буду мыться это животное уйдет. Он уже получил что хотел. Я ему не нужна. Глупая и наивная идиотка я надеялась, что все кончилось. В дверь сильно постучали.

— Давай быстрее. Ты утонула?

О Боже. Он здесь? Что ему еще надо? Пусть убирается.

Но я все же вытерлась, выбралась с ванной на дрожащих ногах и вышла. Остановилась в дверях, судорожно сглотнув слюну, увидев, как Хан развалился на постели, обмотанный полотенцем и бросает в рот виноградины. Занял собой почти всю постель, резко контрастируя с белыми простынями темной, смуглой кожей. На его груди поблескивают капли воды. Особенно ярко смотрится мокрый черный тигр. Такое тело обычно ставят на обложки журналов. Но мне оно внушает ужас, а не восхищение, особенно его орган под полотенцем.

— Сюда иди, — похлопал по покрывалу и мне стало плохо, я ощутила, как побледнела и закружилась от страха голова. Если он меня сейчас еще раз тронет я точно умру.

— Ты слушаешься и у тебя все хорошо помнишь, Птичка?

Кивнула и, придерживая полотенце подошла к постели. Легла возле самого края, отвернувшись от него, поджав ноги.

— Ко мне повернись. — перевернул меня, и я легла на другой бок, глаза закрыла. Не хочу смотреть на него.

— Как тебя зовут?

— Вера.

— Глупое имя.

Наверное, да... глупое. Вера. Я верила, что моя первая брачная ночь и мой первый раз будет самым прекрасным... и вместо этого получила адский кошмар.

Протянул руку и содрал с меня полотенце.

— Я люблю, когда женщина голая и всегда доступная.

Снова перехватило дух от ужаса, что он возьмет меня опять.

Улыбка тут же пропала.

— Что случилось?

— Меня... меня... О, Боже! — беспомощно осмотрелась по сторонам, чувствуя, как наворачиваются слезы. Начало снова всю трясти и мои пальцы, лежащие на стойке, подпрыгивали от лихорадки.

— Я сейчас позову начальника охраны, хорошо?

Кивнула, закрывая руками глаза, а перед ними скачущий на мужике Паша и в ушах его гортанные стоны, как и голос Хана, когда он говорит, что Павлик меня проиграл... в карты. Девушка куда-то позвонила, протянула мне стакан воды.

— Попейте. Вам надо успокоиться. Все будет хорошо.

Я сделала несколько глотков, прикрывая глаза, наполненные слезами. Мне надо действительно успокоиться и уезжать отсюда. Я потом поплачу, потом буду сходить с ума. Сначала обезопасить себя от Хана.

— Что произошло? — обернулась — позади меня стоит мужчина в костюме с рацией и с наушником в ухе. Пожилой с седыми волосами, но в отличной спортивной форме.

— Дмитрий Алексеевич, девушка говорит, что ее обидели у нас в гостинице. Просит вызвать полицию.

Дмитрий Алексеевич перевел взгляд на меня.

— Ну это наша невеста, вы разве не узнали. Не надо полицию. Мы сами полиция. Идемте вы мне все расскажете.

Он повел меня по коридору в какие-то подсобные помещения, открыл одно из них с тремя компьютерами и узким топчаном.

— Посидите здесь. Я улажу несколько дел и вернусь. Мы все решим. Я вас закрою снаружи. Так безопаснее.

— Я домой хочу. Вызовите мне такси.

— Непременно. Но сначала надо разобраться что произошло, верно?

Я кивнула, сжимая стакан с водой, и чувствуя, как меня трясет еще сильнее. К маме Свете хочу, голову у нее на коленях спрятать и плакать, рыдать, выть. Чтоб она своими ручками боль мою забрала. Чтоб утешила меня. Какая же я дураааа... какая я идиотка тупоголовая. Двери закрылись и снаружи повернулся ключ. Я прилегла на топчан и закрыла воспаленные глаза. Между ног все еще саднило и ощущалось жжение, напоминая о том, что все происходящее правда.

Сил почти не осталось и ужасно хотелось спать после ужасной ночи и моря пролитых слез. Ненадолго закрыла глаза и вздрогнула, когда ключ опять повернули, подскочила в надежде, что сейчас все закончится. Вернулся Дмитрий Алексеевич, ободряюще мне улыбнулся.

— Вас отвезет в полицию наш водитель, а потом уже мы во всем разберемся. Нам бы не хотелось, чтобы сюда пришли полицейские. Репутация отеля, вы же понимаете?

— А... а как же заявление? Вы даже не выслушали, что произошло. Вся эта свадьба... это шоу...

— Выслушаем обязательно. — прервал меня и взял под руку, выводя с подсобки, — Сначала поезжайте в участок. Там все расскажете. Идемте.

Он повел меня коридорами не к главному выходу, а куда-то вглубь здания.

— Куда мы идем?

— Ну вы же в халате и босиком. Вас увидят люди. Зачем огласка? Выйдем с черного хода. Машина вас уже ждет.

Но едва мы вышли на улицу я увидела черный джип с тонированными до черноты стеклами. Появилось странное ощущение в груди, попятилась назад, но Дмитрий Алексеевич вдруг схватил мою руку, выкрутил назад и закрыв мне рот ладонью, потащил к машине, дверь

распахнулась и меня буквально зашвырнули на заднее сидение, упав на живот, я уткнулась лицом в чье-то колено, тут же резко поднялась на руках и задохнулась от ужаса — на меня смотрели узкие черные глаза Хана.

— Ты принадлежишь мне, Птичка. Ты забыла? — и повернувшись к водителюскомандовал, —
Поехали!

Глава 6

Так и стою на коленях, не в силах справиться с дрожью и с паникой, и посмотреть на него снова. Мне страшно. А он отвел с моего лица волосы, погладил их. Медленно, перебирая пряди, опускаясь к затылку. И это не успокаивает, а наоборот, заставляет затаиться, очень тяжело дыша.

— Зачем? — едва шевеля губами, — Зачем я вам?

Мне жутко услышать ответ, а он и не торопится отвечать. Все еще гладит мой затылок, потом вдруг сжимает волосы в кулак и сильно подтягивает к себе, наклоня над своим пахом и расстегивая ширинку. Попыталась отпрянуть, но его рука огромная, сильная, как будто железная, от ощущения, что он и правда сломает мне шею темнеет перед глазами.

— Вот за этим. — ткнул меня еще ниже, — за тем, что ты должна делать молча и покорно. Будешь послушная — не пострадаешь! Поняла?

Я смотрела как пальцы чуть приспускают штаны, он слегка тряхнул меня, выводя из оцепенения и требуя реакции.

— Поняла? — в голосе сталь, и тон не терпит возражений.

— Дда, поняла.

Подняла на него глаза полные слез, но наткнулась на полное, холодное равнодушие. Ни одной эмоции. Мрак. Без единого проблеска света. Он психопат или маньяк, а может просто зверь. И он может сделать со мной что угодно.

Протянул руку и распахнул полы халата так что стала видна моя грудь, колыхающаяся от движения машины. Хан смотрел на нее остановившимся взглядом потом протянул руку и потрогал мои соски. Покрутил сначала один, потом другой. Что-то пробормотал себе под нос. А я бросила взгляд на переднее сидение, но между нами и водителем была затемненная перегородка.

— Подвинься ближе ко мне, — подалась вперед, опираясь на руки и не понимая, чего он хочет. А потом задохнулась, когда увидела, как его смуглые пальцы извлекают член. Он еще не стоит, и Хан сжимает его у основания рукой, и нагибает меня так, чтоб моя грудь коснулась его органа, который слегка дергается когда соски скользят по головке. Он трется им о мою грудь, по самым кончикам. Пока не рычит недовольно:

— Покрути свои соски — они не стоят.

На автомате трогаю свою грудь, сжимаю пальцами, пощипываю.

— Сильнее крути, чтоб встали.

Отбросил мою руку и сдавил сосок так, что я тихо всхлипнула и почувствовала, как он запульсировал и заныл.

— Вот так, наклонись ниже, — теперь его член скользил между моих грудей и цеплял головкой соски, я видела сильное запястье, вены, вздувающиеся в такт сжимающемуся кулаку и это орудие пытки, которым он чуть не разорвал меня ночью. Сейчас оно казалось мне еще больше и толще, чем несколько часов назад. Каждая вена добавляет объем, а отсутствие крайней плоти обнажает адскую мощь. Внутри словно в ответ снова засадило и стало страшно, что там все разорвалось. Наклоняет меня ниже, и я чувствую, как усиливается мускусный запах.

— Возьми его в рот.

Нет. Только не это. Пожалуйста не это. Он не поместится, и я не умею. Я задохнусь. Меня стошнит... и это чудовище убьет за это.

— Я не могу...

Пальцы на затылке стали жестче, и он наклонил меня над самым органом, почти касаясь головкой моих губ.

— Это никого не волнует. — и вдруг приподнял мое лицо, заставляя смотреть на себя, — послушай, как тебя там, Вера, хватит ломаться и играть в какую-то сопливую игру. Тебе

заплатили за твою целку, за твой рот и за все дырки на твоём теле, которые я собираюсь оттаракать как захочу и когда захочу. Поэтому открывай рот и соси так чтоб мне понравилось. Мне хорошо — тебе хорошо. Поняла? Иначе просто порву.

— Вы меня с кем-то перепутали... я не ...мне не платили. Я ...на шоу пришла. Я за Па... шу, — и слезы при одном упоминании его имени на глаза навернулись. — замуж вышла... мне не платили...

— Открой рот. — чуть раздраженно, совершенно меня не слушая.

Почему? Что я говорю или делаю не так? Это же насилие... человека нельзя вот так выкрасть, нельзя вот так использовать. Я не вещь!

— Я не шлюха... слышите? Не шлюха!

— Мне плевать кто ты. Я заплатил. Для меня шлюха. Соси.

Тычком вниз, так что горячая головка ткнулась в подбородок, я невольно хотела схватить глоток воздуха, и в ту же секунду ощутила, как его член погрузился так глубоко, что я невольно дернулась вверх, чтобы избавиться от вторжения, но огромная ладонь удержала меня за затылок, наклоняя еще ниже. Услышала тихий гортанный стон и слово на чужом языке. Тело Хана чуть выгнулось навстречу ко мне. От солоноватого вкуса рот наполнился слюной, а от осознания, что его орган у меня во рту ощутила легкий спазм тошноты в горле. Наклонил еще ниже, толкаясь глубже и я чуть не подавалась, из глаз потекли слезы, а горло вспыхнуло болью, руки хаотично шарили по сидению, по его паху в инстинктивных попытках оттолкнуть и с каждым толчком я впадала в панику все сильнее, крутилась, задыхаясь, захлебываясь. Пока не начала отталкивать его изо всех сил, ничего не видя из-за слез, давясь и выгибаясь из-за судорожных позывов.

Хан сжал мои волосы и потянул вверх, выходя из моего рта и пристально глядя мне в глаза.

— Где они тебя откопали, блядь? В какой глуши? Ты бездарна настолько-насколько красива. Не стоишь таких денег.

— Отпустите... пожалуйста... я никому ничего не скажу.

Судорожно сглатывая смотрю на него и мысленно умоляю чтоб все это прекратилось. Пусть отпустит. Я же бездарная, не такая. Пусть отпустит меня. О Божеее пуууусть.

— Бери руками. Давай. Не зли меня. Я хочу кончить.

Обхватила толстый ствол двумя ладонями.

— Трись об него грудью. Она мне нравится.

Я старалась, терлась изо всех сил, скользила по члену сосками, пыталась сжать его между грудей. Когда-то видела такое в интернете. Мужчина задышал чаще, глядя на мои руки, на свой член скользящий по моей коже протянул руки и сдавил его моей грудью сам, начал толкаться приподнимая бедра, хватаясь то за соски, то за сами полушария. А я смотрела на его лицо. Вблизи оно было еще более устрашающим. Тяжелые веки то закрывались, то открывались, обнажая этот дьявольский взгляд. Он дышал все чаще, давил на мою грудь сильнее и его красный красивый рот открывался все шире, по мере того как он ускорял свои движения.

— Красивый птичка, — акцент усилился от возбуждения, он двигался яростней, жестче и я вижу, как налилась головка его члена, как стала багрово красной и на самой вершине показалась мутноватая капля. Это сейчас закончится... На каком-то подсознательном уровне... про себя. Я точно знала, что закончится.

Хан выдохнул рычанием какое-то длинное слово еще раз и на мою грудь брызнула белая струя. Пока он кончал я продолжала смотреть на его лицо... Какой же он жуткий, огромный и дикий. Не человек. Животное, не брезгующее сырым мясом и кровью. А по венам разливалось облегчение... В ближайшие несколько часов он меня не тронет.

Хан откинулся на спинку сидения и посмотрел на меня осоловевшими глазами.

— Еще раз попытаешься сбежать — выдеру, как последнюю суку.

— Вы... вы меня отпустите?

Он прикрыл глаза, потом швырнул мне салфетки.

— Вытрись и замолчи.

На мой вопрос так и не ответил и я очень тихо задала его снова.

— Когда вы меня отпустите?

— Через тридцать дней если не осточертеешь мне раньше.

— Куда мы едем?

Он не ответил, закрыл глаза и расслабился, а я забила в другой угол сидения. Я должна попытаться выжить, продержаться. Это не может продолжаться долго. Тетя будет меня искать... наверное. И тут же понимание, что нет, не будет. Никто не будет. Для всех меня нет на тридцать дней... А за это время он меня уничтожит.

Джип подъехал к огромному дому в пять этажей. Он напоминал старинный особняк, какие рисуют на картинах или показывают в кино. Гротескное здание черного цвета, окруженное косматым, разросшимся садом. Широкие окна, разбитые на узкие секторы, сверкают начищенными до зеркального блеска стеклами, отражая блики фонарей. Которые горят повсюду, возвышаясь на витых столбах, они освещают здание и придают ему еще большей мрачности. Хан идет впереди меня своей тяжелой поступью, его иссиня-черные волосы так же отливают в свете фонарей. Костюм сидит на нем, как влитой, и широкая спина заслоняет от меня центральный вход, который маячит далеко впереди. Я плетусь сзади все так же босиком в махровом халате с отеля. По сравнению с ним и с этим огромным домом я кажусь себе маленькой молю, с оборванными крылышками. Повсюду царит тишина. Справа между деревьями виднеется искусственный пруд, а слева два огромных вольера и в них мечутся туда-сюда черные тигры. Их желтые глаза сверкают и светятся фосфором в полумраке. Мускулистые, сильные, смертоносные твари казались игрушечно смешными по сравнению с тем, кто шел впереди меня. И я ни секунды не сомневалась, что стоит ему на них взглянуть и они подожмут хвосты.

Где-то вдалеке раздается странное поскрипывание, присмотрелась вдалеке раскачивается детская качеля. Это она издает отвратительный скрип.

Когда мы вошли внутрь здания Хан молча отдал пиджак немоу слуге, который склонился перед ним в поклоне и не поднимал головы пока хозяин дома не прошел мимо и не бросил.

— Как всегда.

Слегка обернулся на меня.

— Ко мне ее отведи. — посмотрел мне в глаза своими мертвыми глазами — будь послушной и жди меня в комнате.

Ничего другого я делать и не собиралась. Если и было что-то страшнее этого человека, так это его ужасный дом похожий на чудовище, заглотившее меня в свое чрево и собирающееся сожрать.

— Голая жди, — добавил и свернул в узкий темный коридор, а я пошла следом за немой слугой в странных черных одеяниях, расшитых вышивкой по краю длинной рубахи подпоясанной широким поясом. Я не могла определить на каком языке они говорят, откуда они. Не грузины, не азербайджанцы точно. И с теми и другими мы жили по соседству, и я даже кое-что знала на их языке. И эти узкие глаза...

Я поднималась по широкой лестнице разглядывая черные головы тигров на лакированных перилах. Со стен смотрят картины в черных рамках с завитками, на них изображены хищные звери, холодное оружие на шкурах животных, украшенное сухими ветками. Жуткие композиции из перьев и сухих цветов. Мы прошли мимо огромной библиотеки со стеллажами книг до самого потолка и мимо домашнего кинотеатра с экраном на всю стену и кожаными креслами, стоящими полукругом и блестящими черной кожей при свете красноватых рампы.

Меня провели на второй этаж, распахнули двустворчатую дверь с массивными ручками, пропуская вперед.

Судорожно сглотнув, я вошла в спальню и тут же задохнулась от ужаса, увидев огромную, занимающую полкомнаты, постель, застеленную черным покрывалом, ноги тут же утонули в ковре. Я прошла по комнате и села на краешек постели, тяжело дыша и сложив руки замком.

Где я? Кто этот человек? Что я вообще о нем знаю или могу узнать?

А если он психически болен и нападет на меня, будет истязать? Несколько минут я сидела и не двигалась. Потом оцепенение начало отступать. Время шло, а он не приходил, и я все же встала с постели, прошлась по комнате, разглядывая вычурную мебель. Постояла у зеркала величиной во всю стену, подняла голову и увидела полностью зеркальный потолок, и я отражаюсь в нем полностью. Жалкая и маленькая.

Опустила голову и посмотрела на шкафчик, стоящий ближе к окну. На нем красовалась свежая газета. Протянула руку и взяла ее, поднесла к лицу.

«Гамерлан Дугар-Намаев, известный всем как Хан, был выпущен под залог из тюрьмы. Вопреки всем слухам о его смерти.

Каким образом судья дал добро на его освобождение остается загадкой. Человек, который не ставит чужую жизнь ни во что, который сам лично ломает людям хребты и черепа, как яичную скорлупу, избивает, доводит до состояния комы, нарушая все правила, не должен возвращаться в цивилизованное общество.

Помешанный на грязи, извращенном сексе, состоящий в монгольской группировке, кровожадный и беспринципный зверь, должен был сидеть за решеткой до конца своих дней. Но все знают, что в нашем мире все решают связи, деньги, власть и мафия...»

Я опустила взгляд на снимок на нем Хан стоял голый татуированной спиной к фотографу, его кулаки были сжаты и обмотаны кровавыми тряпками. Судорожно сглотнула и опустила газету. Монгол... Вот что это за язык. Монгольский. И показалось что я где-то уже слышала его имя. Но где?

Меня обуял ужас. Зачем я ему? Такой человек наверняка мог купить себе любую женщину. И это имя... я повторила его про себя несколько раз. Красивое. Конечно же знакомое и громкое. Но оно вызывало такой же страх, как и его хозяин.

Я вернулась на постель. Так и сидела на краешке в ожидании. Не раздеваясь. Мне надо было осмыслить, понять, что именно со мной произошло и как с этим жить дальше..., а точнее, как среди всего этого выжить. О Паше вспоминать больно, так больно, что внутри все обрывается... Он ведь действительно меня продал. А я, а я была ослеплена своей дурацкой любовью настолько, что ничего не замечала...

Прилегла на краю, подобралась вся, обняла колени руками и закрыла глаза. Я не собиралась спать, но меня отключило мгновенно. Я была слишком уставшей, потрясенной и выжатой эмоционально. Проснулась от ощущения чьего-то присутствия, тут же все тело окаменело от напряжения. Хан находился в комнате. Он был раздет до пояса и стоял возле камина, в котором потрескивали дрова. Огонь отбрасывал блики на темные стены, отсвечивал на контуре его сильного тела. Мне было видно его лицо сбоку. Четко вырезанный профиль, подсвеченный оранжевым. И от этого все черты казались еще более резкими, грубыми.

Влажные черные волосы лоснились и блестели. Узкие глаза сощурены и отблески пламени пляшут в черных безднах. Он меня как будто не слышал и не видел. Не шевелился, погруженный в какой-то транс. Каменная глыба, жуткое изваяние, вросшее в пол. Все мое тело сковывало суеверным страхом рядом с ним. Какая-то невозможно мощная первобытная сила скрывалась в этом человеке, бугрилась у него под кожей, растворялась в ауре, наполняя воздух искрящейся насыщенностью. И я, как и в нашу первую встречу, ощущала дрожь во всем теле.

Хотелось сорваться с места и бежать как можно дальше, выпрыгнуть в окно, скатиться по лестнице. Но я, как и на свадьбе смотрела на него и не могла отвести взгляд, как замороженная, как под гипнозом. Я не знаю зачем встала с постели и сделала несколько шагов по направлению к нему. Совершенно неожиданно Хан обернулся, схватил меня за горло, поднял на вытянутой руке и силой тряхнул. Бездна сверкнула огненной магмой, обожгла до мяса, вызвав панический ужас. Он пронес меня через всю комнату и опрокинул на постель навзничь. Скованная страхом, не понимающая чем сейчас вызвала такую ярость, я молча смотрела ему в глаза.

— Никогда не подходи ко мне сзади!

Совершенно спокойным голосом, хриловато-тихим. И жуткие глаза кажется совершенно беззрачков. От них становится так холодно и так тоскливо. В них появляется какое-то безумие... он смотрит и кажется я умру только от одного этого взгляда.

Смотрел-смотрел. Склоняя голову то к одному плечу, то к другому и вдруг схватил меня за волосы, заставив запрокинуть голову.

— Сука! Я же убил тебя! Ты еще живая?

Дернулась, пытаюсь вырваться, но его пальцы сдавили мое тело так сильно, что мне стало страшно пошевелиться. Рука сжала горло с такой силой, что казалось он меня сейчас раздавит. Я все же начала вырываться, и с глаз потекли непроизвольно слезы.

— Не... надо... вы ...обещали... не убивать...

Смотрит остекленевшим взглядом, сдавливая, обездвижив сильными ногами, зажав мое тело между ними. И мне жутко от того, что он не в себе. Я это вижу.

— Сукаааа! Продажная, грязная сука!

Вот и все. Я сейчас умру. Он меня раздавит или задушит.

— Ос... та... но. ви... тесь....Та... мер... лан!

Не знаю, что его остановило. Не знаю, что заставило разжать руки и не сломать мне шею. Возможно его собственное имя. Голова зверя дернулась и взгляд вдруг начал меняться, становится осмысленным. Волосы, упавшие ему на влажный лоб, прилипли к коже, а губы дрожали. Руки на моей шее начали постепенно разжиматься, а я закашлялась до истерики, согнулась пополам, отползая от него в сторону, глядя как он опустил бессиленно на пол и обхватил огромными руками голову.

Потом вдруг встал и вышел из спальни, дверь захлопнулась, а я стояла по другую сторону постели и дрожала всем телом, обхватив шею руками, пытаюсь отдышаться и все еще ощущая его руки на своем горле.

Глава 7

Особняк Батыра Дугар-Намаева походил на ханский дворец и выделялся рядом с соседними домами вычурным массивным забором и куполами на крыше. По всему периметру видны глазки видеокамер, со двора слышен низкий лай собак. У особняка остановился джип, ворота медленно открылись и пропустили машину во двор. Видно было как засуетились люди в черных национальных монгольских костюмах (очередной выбрык старого хозяина) и молчаливо склонили головы, встречая гостя. Со стороны можно было подумать, что все они немые роботы, готовые простоять в неудобных позах часами. Им запрещено разговаривать без надлежащего указания хозяев дома.

Внук Батыра — Тамерлан Дугар-Намаев вальяжно прошел мимо вольеров с рычащими и бросающимися на решетки ротвейлерами. Когда один из массивных кобелей буквально повис на прутьях ограды, скалясь и захлебываясь лаем, гость повернулся к псам и, остановившись, внимательно посмотрел в глаза кобелю. Какие-то доли секунд и вожак, поджав хвост, отступил вглубь вольера, а за ним смолкли и все остальные. Слуги с тревогой переглянулись. Но головы так и не подняли до тех пор, пока мужчина не вошел в дом и за ним не захлопнулась дверь.

Один из таких же молчаливых и покорных слуг хотел провести, гостя к хозяину в комнату, но Тамерлан приподнял руку и решительно направился сам в покои деда. Он не осматривался по сторонам, словно ему было неинтересно и совершенно безразлично произошли ли изменения за те десять лет с его последнего визита в родовой особняк. Когда-то он знал здесь каждый угол, изучил каждую мелкую царапину, ему не нужно было снова осматривать этот дом, чтобы убедиться — здесь ничего не изменилось за время его отсутствия и дело не в интерьере, а фотографическая память с выверенной точностью подбрасывала изображения даже самого потайного уголка в берлоге старого скорпиона.

Перед Ханом распахнули дверь, впуская его в комнату Батыра, в которой собралась многочисленная родня, скорее напоминающая стаю стервятников, готовую разодрать здесь все на мелкие ошметки, едва самый старый из них отдаст душу дьяволу.

К нему все повернули головы и на лицах отразилось недоумение, непонимание, страх и ненависть.

— Что ты здесь делаешь? — Взвизгнула одна из дочерей Батыра и наткнулась на угрюмый, мрачный взгляд своего племянника, ее рот слегка дернулся, как от нервного тика.

— Кто тебя сюда звал? Как ты смел прийти в этот дом? — выступая вперед нагло рявкнул Данзан — старший зять Батыра. — После всего что сделал!

Хан исподлобья посмотрел на Данзана и тот едва заметно отпрянул назад. С диким тигром сцепиться никто не решился бы даже вдвоем, даже вчетвером или вдесятером. Тигр. Так его здесь называли с ненавистью с самого детства. С тех пор ничего не изменилось.

— Я его позвал, — слышался скрипучий голос Батыра, и все обернулись к умирающему Скорпиону. Старик был настолько бледен, что сливался с подушкой, а его седые, всклокоченные волосы казались похожими на насыпи из талого снега, разметавшегося вокруг его головы.

Это было неожиданным заявлением для всех присутствующих... Десять лет назад в этом доме Батыр Дугар-Намаев проклял своего внука, лишил наследства и права называться его фамилией, которая была одинаковой с фамилией отца Тамерлана, пришедшегося Батыру троюродным племянником. — подойди, Лан... я хочу тебя видеть.

— Убедиться, что я все еще жив после твоих проклятий? — ухмыльнулся внук и, не обращая внимание, на родню сделал шаг к постели.

— То, что ты жив, я знал и так. Хочу ... хочу увидеть своего единственного внука перед тем, как сдохнуть.

РАНЕЕ...МНОГО ЛЕТ НАЗАД

Она прятала его в подвале, когда отец приходил домой и бил ее ногами. Спрятала и в это раз, закрыв на засов, чтоб он не выбежал и не бросился на ее мужа. Чтобы не впился ему в лодыжку зубами, как в прошлый раз, и не получил удар кулаком по голове. А маленький девятилетний мальчик пытался сломать дверь и бился в нее всем своим худым телом, тряс ее,

ломал ногти, выл, пока там наверху кричала единственная женщина, которую он любил, а вместе с криками раздавались глухие удары. Он будет их слышать долгие годы во сне и просыпаясь молча смотреть в потолок, сжимая кулаки, и ожидая своего часа. Тигр умеет ждать. Тигр разорвет обидчика... потом... когда окрепнет и наточит когти с клыками, когда научится нести в себе смерть.

Его не выпустили даже когда все стихло. Он просидел там несколько дней пока засов не отодвинули и бабка Сугар, с печальным вытянутым лицом, в черном платке на седой голове, обвязанным вокруг шеи, не выпустила его, пытаясь поймать и обнять, но мальчишка вырвался и бросился вверх с диким криком «мамааааа».

Он ее так и не увидел. Гроб не открыли. Всем сказали, что ее сбила машина. Не было следствия, допросов, разбирательств. Менты к ним даже не пришли. Да и не придут. Дугар-Намаевы неприкосновенны. У них слишком много денег, чтобы закрыть рот каждому, слишком много власти, чтобы уничтожить любую, даже самую породистую шавку, посмевшую тявкнуть в их сторону. Мафиозный клан, существующий уже несколько десятилетий, внушал страх даже сильным мира сего и имел обширные связи по всему миру. За глаза их называли синдикат «Красный лотос» именно этот торговый знак красовался на всем золоте, принадлежавшем клану Дугар-Намаевых, основному источнику его дохода была добыча золота в Монголии. Легальная и нелегальная. А там, где золото, там и наркотики с оружием.

Но девятилетнему ребенку было наплевать на клан. Он слушал ложь о смерти матери и стискивал челюсти до хруста, глядя с ненавистью на убийцу, пустившего лживую слезу и на свою семью, покрывающую этого проклятого ублюдка. И понимал, что еще не время... он слишком мал, чтобы перегрызть ему глотку, слишком мал, чтобы наброситься на своего дядю, деда, бабу, на многочисленную родню фальшиво оплакивающую Сарнай. Красивую, хрупкую, молчаливую Сарнай, которая умерла в страшных муках, и никто из этих мразей за нее не заступился. Никому из них он никогда этого не простит.

Той ночью он сбежал из дома. Они могли его искать сколько угодно, но никогда бы не нашли, уже тогда Лан был живучей маленькой тварью, способной приспособиться к любым условиям. Три года жизни на улице изменили его до неузнаваемости. Если Дугар-Намаевы еще и искали пропавшего внука самого Батыра, то теперь его сложно было узнать в уличном звереныша, нападающем на людей, чтобы отобрать кошелек, роющемся в помойке и мало похожего на человека. Разве что раздеть его донага и обнаружить на бедре клеймо клана — лотос. Его выжигали каждому ребенку мужского пола сразу после рождения. Подменить, украсть или убить безнаказанно члена клана было практически невозможно.

Ему было двенадцать, когда он угодил в колонию с агрессивными и отмороженными несовершеннолетними преступниками. Он был самым маленьким из них. Но это никого не волновало ни начальника колонии, ни зверье, которое там обитало. За малейшую провинность пацанов избивали плетками. Жесткая дисциплина, каждое неповиновение — адское наказание после которого можно было выблевать собственные кишки.

Его избили в первый же день. Мелкого, худого, нерусского новенького ослабевшего от жажды, голода и побоев ментов, никто не пожалел. Ему устроили первую встречу. Радужную и кровавую. Маленький Тигр давно прославился своим отвратительным характером, наглостью и хитростью. Он вводил добычу из-под носа старших и бывалых уличных карманников. Его давно ненавидели, но не могли поймать. А теперь он сам пришел к многим в руки и казался совершенно беззащитным. Они били его вдесятером ногами, кулаками, локтями и топтали коленями, выдирали ему волосы, ломали ребра, оборвали ухо.

Он не сопротивлялся и не давал сдачи, сгруппировался и смотрел в одну точку, глухо постанывая. Когда его перестали бить, сплюнул кровь и, посмотрев на зачинщика прошипел:

— Ты первый!

И он действительно был первым убитым зэком в колонии. Спустя месяц его нашли в туалете с ложкой, застрявшей в горле. Кто-то забил ее ему в самую глотку так, что пацан захлебнулся собственной кровью. Виновника не нашли.

Но после этого к Тигру никто никогда не подходил, его считали психопатом. Через несколько месяцев в колонии появился еще один новенький небольшого роста, поджарый, весь забитый татуировками. Китаец. Ему попытались устроить такой же прием, как и Тигру, но отмороженный ублюдок владел какими-то заковырыстыми приемами и раскидал всех, кто к нему приблизились.

Они подружились два мальчишки с раскосыми глазами. Один с сильно узкими, прикрытыми

набухшими веками, а второй с более открытыми, миндалевидной формы. Но всем было на это наплевать их называли «узкожопыми обезьянами» и кривляли, растягивая глаза к вискам и подсовывая язык под нижнюю губу.

В карцере с Тигром они сидели на пару после того, как ломали кости обидчикам. Чаще это делал Китаец, легко и непринужденно, играючи, а Тигр наблюдал и пытался повторить — чаще всего безуспешно.

— Научи меня. Я хочу это делать так же хорошо, как ты.

— Ты не готов. Ты слишком слаб.

— Я выше и сильнее тебя!

— Физически да... но это ничего не значит.

— Научи меня. Я буду стараться.

— Сомневаюсь, что ты сможешь. В тебе живет слишком много злобы.

— Я отправлю ее в спячку.

Вскоре Лан овладел всеми приемами, которым его научил новый друг. С колонии вышел только Тигр — Китаец умер от заражения крови, когда один из эков пырнул его длинным ржавым гвоздем в бедро. Через несколько дней полиция нашла неподдающееся опознанию тело без кожного покрова, с полностью раздробленными костями. Медэксперт написал в заключении, что на момент пыток несчастный был жив. Его опознали не сразу... а когда опознали СМИ взорвала новость о том, что был зверски убит зять самого Батыра Дугар-Намаева. Убийцу не нашли, несмотря на могущество, власть и связи Золотого Скорпиона.

Больше никто не смел к приблизиться к Хану он превратился в неумолимую машину смерти. В его жизни появились уличные бои без правил, алкоголь и шлюхи разных мастей. Но он всегда был одиночкой. На вид совершенно спокойным, а на самом деле смертоносным зверем. Он выходил на бой и превращался в животное опасное, дикое, желающее только одного — смерти соперника. Он бил, ломал кости, выворачивал наружу мясо и получал за это деньги и самых красивых шлюх.

Он трахал их пачками. Его тренер и импресарио находил для него самых дорогих и красивых девочек. Хану нравились русские блондинки. Слабость. Белая кожа, розовые соски, нежная плоть. Им платили достаточно, чтоб они и исправно под ним стонали, сосали его большой член и бесследно исчезали, не надоедая и не рассчитывая на нечто большее, чем быть дыркой для его спермы.

С каждым боем Хан становился все известней в своих кругах. Одиночество, боль от воспоминаний о жуткой смерти матери, отчужденность от всех, превратили его в равнодушного, безжалостного и хладнокровного убийцу. В каждом из своих противников он видел отца. Он убивал его снова и снова. И не было ни одного боя, который он бы не выиграл. Хан богател. Его состояние росло пропорционально поверженным соперникам. Никто не знал откуда в нем столько силы. Ему устраивали проверки на допинг, на наркотики и он оставался неизменно чист. То, что Хан вытворял на ринге приводило всех в замешательство. Он наносил такие сокрушительные и выверенные удары, от которых противник сразу же вырубался или отказывался биться дальше. Никто не знал какими приемами владел монгол. Особенно никто не мог повторить коронный удар Хана, который моментально отправлял противника в нокаут. Так теперь его называли — Хан. Мало кто соглашался выходить с ним на бой. Только самые сильные и борзые. Начались поездки за границу, турниры, ему предлагали бешеные деньги за выход на ринг, и он сам мог решать с кем драться, а с кем нет. Ему было насрать кто готов оплатить его кулаки и жизнь. Хан сам выбирал себе хозяина. Мог отказать драться. Его невозможно было купить, если он этого не хотел.

Однажды ему предложили драться в одном из особняков, развлечь богатого магната. Ему был обещан гонорар такой величины, что за него можно было купить кусок участка в Раю или самый красивый котел в преисподней. Тамерлану предлагали проиграть. Впервые слить бой в угоду заказчику. Тот хотел, чтобы его протеже выиграл у самого Хана. Были сделаны огромные ставки.

Хан было отказался, пока импресарио не озвучил имя заказчика. Батыр Дугар-Намаев. И Лан согласился. А потом с дичайшим наслаждением нанес свой коронный смертельный удар противнику, глядя Золотому Скорпиону прямо в глаза и понимая какие чудовищные убытки

тот сейчас понес, а помимо них еще и опозорился ставкой на слабака.

— Тебя просто пристрелят, — дрожащим голосом шептал Леня и бегал вокруг Хана, — просто снесут голову. Ты не представляешь кому перешел дорогу. Я же говорил тебе проиграть! Какого хера, Хан?

— Насрать.

Притянул к себе шлюху и откинул голову на спинку кожаного кресла. Со стороны он выглядел огромной, расслабленной черной кошкой. Ручьи пота стекают по мощной, мускулистой груди,двигающейся ходуном, дергается кадык, когда в рот льется ледяной напиток с мятой и лаймом. Раскосые глаза приткрыты и длинные ресницы слегка подрагивают. В профиль видно горбинку на переносице. Притянул девку за затылок, распахивая полотенце и нагнул над своим пахом.

— Соси.

Двери комнаты распахнулись, и Скорпион в кипельно-белом костюме вошел в помещение вместе с тремя накачанными типами, помахивая белоснежной тростью. Леня от неожиданности потерял дар речи, начал суетиться, попытался вывести шлюху, но Тамерлан удержал ее за затылок, снова нагнул над своим членом и, даже не повернул голову в сторону деда.

— Ты нарушил договор.

— Пришел взять проигранное лично, какая честь, — поглаживая девку по голове, как собачку.

— Я обычно беру штраф не деньгами.

Скорпион кивнул одному из своих людей и тот направил на Хана пушку.

— Подожди пару минут пока я кончу, — произнес хрипло, закатывая глаза, запрокинул голову и толкнулся в рот блондинке, полотенце сдвинулось со смуглого бедра и обнажился белесый шрам в виде цветка лотоса.

Батыр вздрогнул и седые косматые брови сошлись на переносице. Рука старика легла на ствол пистолета, стиснутого в руке одного из головорезов, и опустила его вниз.

— Вот я и нашел тебя, Лан.

— Потому что я этого захотел! — прохрипел с наслаждением и обильно кончил в рот шлюхе, оттолкнул от себя, сделал глоток напитка и прикрыл глаза, — Называй меня Хан. Лан уже давно сдох.

Глава 8

Сон был тревожным и очень поверхностным уснула я только под утро и открыла широко глаза, когда солнце начало щекотать мои голые ноги. Выпорхнувшими тонкими лучами из-за темных штор. Приподнялась на постели оглядываясь лихорадочно по сторонам в поисках своего мучителя, но я была в комнате совершенно одна. Встала и подошла к окну, слегка раздвинула шторы и тут же замерла — увидела его внизу на площадке, полуголого, в черных спортивных штанах босиком.

Хан тренировался. Даже несмотря на мой страх и ненависть к этому зверю эта необычная картинка заворожала. Он делал резкие выпады руками, ногами, невероятные кувырки, сражаясь с невидимым противником. Я видела издали как лоснится его темная кожа, как блестит в лучах солнца от пота. Звериная быстрота, грация я словно наблюдаю за диким хищником и это восхищает и в то же время заставляет цепенеть от понимания насколько он силен, натренирован и опасен. Я словно слышу, как рассекают воздух его руки, как наносят глухие удары сильные ноги, пряди волос колышутся и падают на лицо, татуировки вздымаются волнами на бугристой спине, перекатываются по накачанным бицепсам. При всей его массе каждый прыжок кажется настолько легким, невесомым, словно он летает, а не двигается, словно он умеет бежать по воздуху. Гибкий, стремительный, мощный.

Двое слуг принесли кирпичи, выложили из них своеобразную конструкцию и я, затаив дыхание, смотрела как Хан одним ударом ребра ладони раскрошил их на осколки. А потом сбивал мелкие предметы с головы своего помощника или тренера и ни разу не задел его лицо или голову. И я вдруг представила себе, что было бы если бы он ударил этой своей рукой человека, как раскололась бы голова на части, лопнула как арбуз. И от страха снова пошли мурашки по коже.

Внезапно он почувствовал мой взгляд и резко повернул голову в мою сторону. Даже издали я видела насколько черные и мрачно-пронзительные у него глаза. В них нет ни намек на какую-либо радость.

Ощутила боль в шее и накрыла ее пальцами. Отпрянула от окна и пошла в ванную. Посмотрела в зеркало и всхлипнула, увидев на шее следы от его пальцев и сердце забилося быстро и гулко. Разве это я? Та девушка в зеркале без улыбки с опущенными уголками губ, с потухшим взглядом и синяками под глазами. Неужели все что происходит действительно правда? И я в рабстве у этого жуткого человека...? Неужели все это может происходить в наше время? Ведь меня должны искать. Хоть кто-нибудь.

«Не будут. Раньше, чем пройдут проклятые тридцать дней никто не будет тебя искать».

Колени подкосились, но я удержалась за раковину, не сводя глаз с своего отражения, потом закрыла лицо обеими руками. Одну ночь я пережила, как пережить еще двадцать девять? Наклонилась, чтобы плеснуть в лицо холодной воды, а когда подняла голову то чуть не заорала от ужаса — он стоял у меня за спиной и смотрел мне в глаза. Как он вошел так бесшумно? Он же такой огромный, такой ...мощный.

Забрал у меня расческу, спустил халат с плеч, и он соскользнул на пол. Нет... только не это. Не надо опять. Я не хочу. Пожалуйстааа. Потрогал мою грудь, покрутил соски, как он это делал и раньше. Сильно, больно, так что они тут же занули, засадили и сжались в камушки. Удовлетворенно потер их большими пальцами и тут же развернул меня лицом к ванной.

— Наклонись и прогнись.

Без эмоций, обыденным тоном, как если бы попросил меня подать ему полотенце. Помедлила и тут же меня нагнули грубо и насильно, раздвинул ноги коленом, опуская мою голову ниже.

— Не дергайся, второй раз уже не так больно. Но порвать могу. Поэтому спокойно и не сжимайся.

Накрыл мою промежность пальцами и едва дотронулся у меня от ужаса все тело передернулось, и я не просто сжалась, а сдавилась так, что казалось я стала каменная. Ощутила, как с трудом протиснул в меня палец и выдохнул с раздражением.

— Не расслабишься — покалечу.

Больно было, как и в первый раз. Особенно с первым толчком из глаз искры посыпались и слезы потекли по щекам, зажмурилась, вцепилась в край ванной.

А он пристроился сзади, поставил ногу на бортик и принялся насаживать меня на свой член, который представлялся мне огромной дубиной с узлами вен, и я чувствовала каждую из них, как будто у меня внутри все раскалилось и жгло и от боли сводило бедра. Он толкался куда-то очень глубоко и мне казалось порвет меня насквозь. Каждый толчок сопровождался рыком и сопением. Дыхание жгло мне затылок, с которого он убрал мои волосы и удерживая одной рукой за плечо, а другой за бедро мощно входил в меня, ускоряя темп.

Пока не толкнулся очень глубоко и не вытащил член, извергаясь мне на спину и на ягодицы. Отошел от меня, и я услышала, как он моется над раковиной.

А я так и стояла над ванной не в силах разогнуться, смотрела на черный кафель и на свое отражение в нем. Смазанное, еле различимое. Вот так вот меня стирает этот человек. Я уже не я, а какое-то блеклое подобие. Разве секс должен приносить такую боль и отвращение? Разве это не должны быть объятия и ласки, а не вот так вот... Или ему наплевать что я чувствую совершенно? Разве мужчина не хочет, чтоб его желали? Почему он так со мной?

Неожиданно Хан вдруг взял меня под руку и развернул к себе, внимательно посмотрел мне в глаза и в его зрачках промелькнуло какое-то недоумение и даже раздражение.

— Смирись. Просто смирись иначе сломаю. Я хочу — ты радостно даешь. Это все.

Можно подумать я сопротивляюсь или он хочет, чтоб я ему улыбалась и изображала страсть? Не дождетя. Мне страшно и больно. И если он хочет трахать меня... пусть трахает, как есть. Пусть видит, как мне плохо с ним. Если это имеет хоть какое-то значение для этого животного.

— Таблетки сегодня получишь. В тебя кончать буду.

И вдруг обхватил мое лицо ладонью и приподнял, разглядывая шею. Никаких изменений во взгляде, скорее задумчивость. Как будто увидел поцарапанную полированную поверхность. Тронул и я вздрогнула от боли.

Хан тут же отпустил мою шею и вышел из ванной.

У меня еще не было сил идти или двигаться. Болел низ живота и ноги. Его член я словно еще ощущала у себя внутри. Протянула руку, открыла кран, набрала в ладонь холодной воды и приложила к промежности — жжение стало стихать.

Когда почувствовала, что могу двигаться, забралась в ванну и вымылась, замоталась в полотенце и чуть неуверенной походкой вышла в комнату. Захотелось громко закричать... но я не смогла, только со слезами осмотреться по сторонам и зайтись от безысходности.

Дверь осторожно открылась и в комнату вошла молодая женщина. Тоже из obsługi, в длинном черном платье, чуть ниже колен, с покрытой головой. У нее было миловидное лицо и походка с короткими, едва слышными шагами. Она принесла платье, две коробки и какую-то баночку. Поставила ее на стол, а потом положила платье из голубого трикотажа на постель, рядом с ним поставила обувь и нижнее белье.

Потом повернулась и подошла ко мне, держа в руках баночку. Я отшатнулась, когда она слишком приблизилась.

— Твой синяки... Хозяин сказал мазать, переодеться и завтракать.

— Нет.

Качнула головой. Никаких завтракать. При мысли о еде начало тошнить и скрутило желудок.

— Хозяин сказал.

— Не хочу завтракать. Уходите.

— Хозяин злиться. Очень-очень злиться. Нельзя не хочу.

Подошла и заглянула мне в глаза, протянула руку, а я отпрянула еще дальше.

— Намазать синяк и не будет вечером. Я помогать Тахиа*1 одеться.

— Пусть злится. Я не хочу есть. Я не голодная.

Легла на постель и отвернулась к стене, чтобы не видеть ее.

— Если Тахиа все делать, как сказала господин все будет хорошо. Надо быть покорная Тахиа и покладистая, надо угождать и будет Тахиа целая и довольная.

— Тахиа? — не оборачиваясь спросила я.

— Тахиа... так назвать Хан.

И я меня вдруг прорвало, я вскочила с постели и отшвырнула платье, выбила из ее рук мазь.

— Я не Тахиа! Я Вера! Верааааа! Не надо мне давать собачьи клички. Я Верааа. Я — человек. Это мое имя! Меня мама так назвала! Вера! Вы знаете, что означает это слово! Оно мне сейчас дорого!

Зарыдала и сползла на ковер, свернулась клубком заходясь от слез. Ощутила, как мягкие руки женщины легли мне на голову и тихонько гладят.

— Только смириться. Иначе умрет Тахиа. Жить надо... Хан — это хорошо.

— Это ужасноооо... божеее... как же это ужасно... — рыдала я, а она все гладила и гладила, примостила мою голову к себе на колени и гладила. Потом все же намазала мне шею и пока мазала тихо приговаривала:

— Если домой хотеть надо смириться. Надо. Хан еще никого сюда не приводит. Только Тахиа.

Когда стихла истерика, Замбага... так звали эту женщину, все же помогла мне одеться, потом расчесала и уложила мои волосы в красивые косы, которые она плела быстро и ловко по всей поверхности моей головы и вплетала в них ленточки, перевязывала в узоры. ее руки были мягкими и заботливыми... А я думала о том, что мне надо успокоиться и придумать как связаться с тетей и бежать отсюда. Я должна выбраться из этого ада иначе он и правда меня покалечит. Я не выдержу принимать его в себя еще двадцать девять дней я просто умру.

*1 — Птенец. Цыпленок (монгольский прим. автора)

Он завтракал молча, агрессивно, отрывая куски мяса руками, макая баранину в соус. Даже ест, как животное. Внутри меня все противилось этому пожиранию пищи, иначе я это назвать не могла. Хан запивал еду каким-то сильно пахнущим напитком, налитым в широкую полукруглую чашку.

Такие понятия, как вилка, нож ему явно были незнакомы или чужды. Вспомнилась моя мама Света, которая аккуратно резала мясо на кусочки перед тем, как положить в рот. Чистые руки, салфетки. Вилка в левой и нож в правой. Учила меня культуре поведения за столом, вежливости, тактичности... Балет, рисование, стихи. Кому это надо теперь? Точно не вот этому зверю. Примитивному и страшному. Если бы смерть можно было изобразить я бы нарисовала его портрет. Он смотрелся бы для меня намного гармоничней, чем скелет с косой.

Тяжело дыша я смотрела как, он ест и внутренне содрогалась. Мне казалось, что точно так же этот человек поглощает и меня саму. Раздирает на ошметки и смачно, жадно проглатывает, а соус — это моя кровь. К горлу подступила тошнота.

— Ешь! — кивнул на мою тарелку.

Я отрицательно качнула головой. Он больше ничего не сказал. Доел свое мясо, допил напиток, вытер пальцы и рот салфеткой, смял ее и положил рядом с тарелкой. Ему позвонили, и Хан ответил на своем гортанном чужом языке, перекатывая и растягивая гласные. Он возвышался над столом скалой, сжимая пальцами спинку стула. Несмотря на дикий страх, который Хан внушал мне, его облик все равно притягивал взгляд, так же как манит красота хищника за решетками вольера. Под конец разговора его сильные пальцы сжали спинку стула так сильно, что та затрещала, но его голос звучал на одной и той же ноте и выражение лица совершенно не изменилось. Он вдруг схватил мою тарелку и вывернул ее содержимое на пол, отключил звонок и, посмотрев на меня мрачно сказал:

— Пока не съешь — останешься здесь.

И вышел пружинистой походкой атлета. Я поковыряла вилкой по пустой тарелке и посмотрела на баранину, рассыпанную на полу вместе с рисом. Это не завтрак. Это обед. И как собака есть с пола я не стану. Он напрасно считает меня настолько ничтожной и трусливой.

Угроза, что я останусь в столовой до какого-то неизвестного времени меня не напугала. Какая разница где. Я могу сидеть где угодно суть от этого не изменится. Этот дом огромный, траурный склеп и мне некомфортно в каждом его углу. Отодвинула тарелку и отпила травяной чай. Который мне, как ни странно, понравился. В доме царила гробовая тишина. Я еще какое-то время посидела, подождала неизвестно чего и встала из-за большого и длинного стола, подошла к двери и дернула ручку — заперто снаружи. Побродила по зале, накрыла мясо тарелкой — мне не нравилось, как оно выглядело на полу и подошла к окну, выходящему в сад. В нависающих над деревьями сиреневых сумерках я видела искусственное озеро и плывущего по нему черного лебедя, и немного дальше детскую горку. Зачем здесь качели и детская площадка я так и не поняла. Такие, как Хан, вряд ли вообще имеют хоть отдаленное представление о детях. Но сад был красивым и ухоженным. Весь в цветах с продуманным дизайном. Вернулась за стол. Долго рассматривала узоры на скатерти, тарелки, чашки, вензель на вилках. Села на узкий диван у стены, потом прилегла и задремала. Отключилась. Я теперь не погружалась в сон и не просыпалась медленно, а словно проваливалась в темноту и выныривала из нее без всяких прилюдий. Проснулась от ощущения тревоги. Подскочила, оглядываясь по сторонам и с облегчением выдохнула — я все в той же обеденной зале, совершенно одна. И сюда, судя по всему, никто не заходил. Посередине комнаты перевернутая тарелка. Тогда откуда они знают съела я завтрак или нет.

«В камеры смотрят. За каждым твоим шагом следят».

Я снова прошла по зале и вернулась к окну. Прислонилась к нему лицом, наблюдая за плавающим вдалеке лебедем. Красивая, гордая птица с подрезанными крыльями, чтобы не улетела. Такая же узника, как и я. И вдруг мое внимание привлекла калитка, спрятанная за розовыми кустами вдалеке. Она была витой, высокой, но я вдруг отчетливо представила, как перелезаю через нее. Тронула ручку, надавила вниз и сердце радостно подпрыгнуло — не заперто.

И как в детстве, когда действие опережает мысль, я обнаружила себя на улице, стоящую на заднем дворе, окруженную розовыми кустами, статуями из черного мрамора в полном одиночестве. Я бросила взгляд на стены в поисках видеокамер — в таком доме они непременно должны быть. Но ничего не увидела. Скорей всего глазки спрятаны так, чтоб их было не видно. Обернулась к ограде, прикидывая смогу ли действительно вскарабкаться на калитку — смогу. А куда потом? Потом мчаться к дороге и ловить попутку... По крайней мере именно так я себе это представляла, так было в кино и в книгах. И самое главное мне казалось, что это просто.

Выдохнула, осмотрелась по сторонам и быстро побежала к калитке. Казалось она так близко и в тоже время так далеко. Когда поравнялась с витыми, железными прутьями, украшенными литыми головами тигров с разинутыми пастьями, уже хотела поставить ногу на перекладину снизу и вдруг услышала странный звук. Он напоминал низкий рокот, как будто что-то тарыхтит рядом со мной, какой-то мотор или.... Обернулась... и от страха чуть не заорала, но голос пропал... потому что меня преследовал зверь. Черная тварь со сверкающими глазами не торопливо принохивалась к воздуху и, чуть пригнув массивную голову, шла на меня, виляя из стороны в сторону длинным бархатным хвостом. Выброс адреналина был такой силы, что у меня зашло сердце и я чуть не сползла на землю. Прислонилась спиной к ограде и, быстро и рвано дыша смотрела как неторопливо на меня идет сама смерть.

И сейчас счет на секунды кто быстрее я залезу на калитку или она меня сцапает. Это было стремительно и совершенно безрассудно. Перед глазами пронеслись картинки, в которых Хан душит меня, толкает к ванной, трогает за лицо... Я вскарабкалась на калитку, поранилась о завитки, проколола ладонь, перепрыгнула на другую сторону и теперь уже побежала, сломя голову, куда глаза глядят по лесопосадке..., но все же обернулась еще раз — тигр стоял на задних лапах и принохивался, а потом легко перепрыгнул через ограждение.

Такого сумасшедшего ужаса я не испытывала никогда в своей жизни я бежала так быстро, как могла, ветки рвали мне платье, хлестали по ногам, несколько раз я упала, раздирая колени в кровь. Проклятая кошка где-то рядом, идет по пятам. Я буквально слышала ее дыхание, шипение, но остановка означала смерть, а лесополоса не кончалась узкая тропинка вилась и вилась между деревьями. Я окончательно выбилась из сил, но едва останавливалась слышала рокот у себя за спиной. Уже стемнело, а я все бежала и грудь раздирало, а горло словно сгорело с него вырывалось сиплое дыхание. Когда вместо дороги я наткнулась на еще одно ограждение на это раз высокое с закрученными витками колючей проволоки я громко застонала вслух.

А потом застыла на месте — тигр выпрыгнул в нескольких метрах от меня и сверкнул ярко-желтыми глазами. Бежать больше некуда. Загнанная, окровавленная, уставшая я смотрела

как зверина идет на меня, разинув пасть. Она довольна, загнала добычу и теперь может всласть полакомиться.

Подошла вплотную ко мне и на меня пахнуло запахом зверя из открытой пасти, а обнаженные клыки были настолько близко, что казалось вот-вот вопьются в мою плоть. Хищник принюхался, щекоча мне кожу длинными усами, облизал свою жуткую морду длинным языком.

Мамааааааа. Мамоооооочкаааа. Как же страшно.

— Молодец, Кая, хорошая девочка, поигралась и хватит, домой иди, — голос Хана впервые обрадовал, если можно так выразиться в данной ситуации, у меня подкосились ноги и я чуть не упала, но меня схватила сильная рука и я распахнула веки. Узкие глаза впелись в мои и по моему телу прошла судорога всепоглощающего ужаса. Нет, это что угодно только не спасение. Мне кажется он бы смаковал как его домашняя кошка обгладывает мои кости, но по какой-то причине не дал ей этого сделать.

— Торопишься сдохнуть уже сегодня?

А потом вдруг ударил меня наотмашь по щеке так, что я отлетела назад к ограде и ощутила, как рот наполнился кровью. Я тут же сгруппировалась и закрылась от него руками в ожидании неминуемого продолжения наказания, но он что-то сказал кому-то на своем языке, и я услышала, как удаляются его шаги, а меня схватили под руки и поволокли в сторону дома его молчаливые тени, готовые выполнить любой приказ беспрекословно.

Глава 9

Я сидела на коленях в спальне Хана и, закрыв глаза, раскачивалась из стороны в сторону. Он вернется. Я точно знала. Вернется и накажет меня уже по-другому. И в ответ на эти мысли свернулись все внутренности.

— Ангахай...

Приоткрыла веки, удерживая саднящую щеку и тут же встретилась взглядом с раскосыми глазами Замбаги, она приложила к моей щеке лед. Еще одна ходит неслышно, как призрак.

— Собираться надо.

— Куда? — спросила тихо и обреченно.

— Не знать. Хозяин не докладывает Зимбаге. Наказать тебя может хочет или избавиться. Он злой очень. На тебя. Сказал умыть и одеть, вывести к машине.

— Избавиться?

Она пожала плечами, а у меня все внутри похолодело. Почему-то показалось, что она может быть права и монгол решил убить меня. Я ему не понравилась и разозлила его. Не надо было убегать. Боже! Неужели он вывезет меня куда-то и ... живьем закопает или разрежет на куски в лесу. Воображение рисовало самые жуткие способы убийства и ни один из них не казался мне киношным. Хан животное и способен на любые зверства.

— Могла надоест. Хан любит покорных. А ты нет, ты не покорная. Одевайся и не зли его больше.

Протянула мне мое же белое свадебное платье, и я истерически рассмеялась. Опять? Это платье? Откуда оно у нее? Это такое издевательство?

— Нееет... неееет. Я его не надену.

Отрицательно качая головой и пятясь назад.

— Хан сказал это надеть.

Теперь мне стало не просто страшно, а мною овладела самая настоящая паника. Почему снова это платье? Куда мы поедем? Пока Зимбага затягивала корсет, поправляла рукава, надевала на меня перчатки и фату я в оцепенении смотрела перед собой. Нет, он не может меня вот так убить. Я же... же понравилась ему, я же живая, я... Я ничего такого не сделала. Просто хотела на свободу.

Она замазала след от удара тональным кремом, подвела мне глаза и накрашила губы, а я смотрела в зеркало и цепенела от жуткого ощущения необратимости. Это конец. Он меня уничтожит. Подстроит мою смерть... Таким, как Хан это не составит труда. Вот и наигрался. Или я доигралась.

Вниз к машине я шла, как на заклятие, на негнущихся ногах, сцепив руки замком и чувствуя, как самообладание покидает меня, и я готова на коленях просить его не убивать. Пощадить. Я ведь ни в чем не виновата. Я случайная пешка в какой-то игре Паши или ведущего, или не знаю кого.

На улице меня встретили все те же молчаливые слуги, помогли сесть в машину. Хан сидел рядом с водителем и едва я подалась вперед, чтобы что-то сказать между нами поднялась затемненная перегородка.

Я не видела куда именно мы приехали. Все произошло стремительно. Машина остановилась, меня вытащили под руку, и я оказалась в полутемном коридоре напротив своего мучителя. Наверное, здесь все и произойдет... Здесь я останусь навечно. Хан повернулся ко мне и пронизал меня страшным взглядом, а мне захотелось закричать от этого выражения лица, как будто он сейчас вынесет мне смертный приговор. Черты заостренные, выдающиеся, словно прорисованные черным грифелем такие четкие, грубые и все же притягательные. Сверкнул взглядом, и я инстинктивно сжалась, приготовилась к тому что он меня снова ударит. Отступила, а Хан пошел на меня. Небрежно, как всегда легко, как та черная кошка на улице. Загоняет свою жертву, чтобы потом сцапать в углу. И так, и есть. Я для него жертва. Он отловил меня, приволок обратно в свою клетку, и я не знаю каким будет наказание. Хан был в

ярости, но сдерживался, и эта сдержанность пугала и заставляла паниковать. Когда человек полностью себя контролирует он опасней в тысячи раз, чем тот, с кого выплескиваются эмоции.

— Только не убивайте меня... Я хотела домой.

Хан схватил меня за волосы, прижал спиной к шершавой стене коридора. И я не отрываясь смотрела ему в глаза, с мольбой и надеждой, пусть только не делает мне больно. А зрачки Хана в ответ стали широкими, поглощая всю радужку и затягивая меня в черноту.

— Ты знаешь зачем я привез тебя сюда, Ангаахай?

Отрицательно качнула головой.

— Ты сейчас станешь моей женой. Здесь. За этой дверью.

В ушах зазвенело и стало нечем дышать. Я не понимала совершенно что происходит. Он просто надо мной издевается.

— Зачем? — тихо выдохнула.

— Мне надо!

И во взгляде скорее неприязнь и мне от этого еще страшнее. Зачем... если он меня почти ненавидит.

— А... а Паша? Я же замужем!

Пожал огромными плечами.

— Ты уже несколько часов как вдова.

— Выйдите все вон я хочу остаться с ним наедине.

Едва слышный голос Батыра с властными, не терпящими возражения нотками, всегда имел свое действие над всеми членами клана. Они будут его бояться даже мертвого. Одного взгляда короля клана было достаточно, чтобы самые быстрые прикусили свои языки.

— Отец! — Тетя Тамерлана посмотрела на племянника с нескрываемой ненавистью, а потом прижалась губами к руке старика, — Подумайте... зачем он нам? Он же убийца! Он... не достоин переступить порог нашего дома!

— Я сказал ВОН пошла! — шепотом, но она побледнела отпустила старческую руку и выскочила из спальни, упев бросить Тамерлану:

— Будь ты проклят!

Он триумфально оскалился ей вслед и подошел вплотную к постели деда.

— Сядь.

Постучал морщинистой рукой по атласному покрывалу.

— Я постою.

— Упрямый сукин сын.

— Соскучился по мне?

— Сядь, мне тяжело на тебя смотреть.

— Так не смотри, — пожал плечами, — во мне мало что изменилось с нашей последней встречи. Зачем я здесь? Решил исповедаться?

Дед сухо засмеялся и закашлявшись потянулся за стаканом с водой. Внук и не подумал ему помочь. Стоял напротив постели, сцепив руки за спиной и смотрел на старика разве что с любопытством.

— Я умираю.

— Не факт.

— Врачи говорят мне осталось жить считанные месяцы, а то и дни.

— Я солгу, если скажу, что мне жаль.

— И я буду знать, что ты лжешь... — и снова сухой, лающий кашель до хрипоты и легких судорог. Тамерлан подождал пока приступ окончится, и дед прикрыл глаза, отдыхая, набираясь сил.

В кармане штанов затрещал сотовый и Хан достал смартфон, посмотрел на дисплей потом на тяжело дышащего деда и ответил на звонок:

— Да.

— Она сбежала. Открыла окно в столовой и... и ушла.

— Так поймите.

Посмотрел на вычурные позолоченные часы, тикающие на стенке.

— Кайя... мы уже выпустили ее из вольера, как вы велели. Я не знал, что ОНА сбежала. Я могу объявить тревогу и...

Хан остановился и сдавил сотовый, сжимая челюсти и чувствуя, как его наполняет ярость. Дикая, первобытная. Маленькая, русская дрянь таки решила поиграть с ним в прятки. Нежная, белая сучка, которую он собирался трахать еще не один день. Он получил ее за бешенные деньги. На них можно было накормить целый город, купить три яхты или личный самолет. Хан не планировал такие растраты... Но он привык получать все, что хочет и захотел монгол именно ее.

На то шоу заявился лично к слизняку Паше, который задолжал Хану огромную сумму и явно решил, что долг ему простился, судя по выражению его смазливой пидорской рожки. Ему понравился эффект от его появления. Их испуганные взгляды и запах дерьма. Их трусы промокли от экскрементов, когда все они поняли, что он жив. А монгол вдруг заметил блондинку. Рядом с Пашей. Овечка в белом платье с невинными глазами. На самом деле продажная дырка. Каждая из этих шлюшек стремится получить как можно больше. Им плевать как. Им насрать перед кем раздвигать ноги. И Хан хотел задрать ее свадебное платье, навалиться сверху и спустить в нее свой голод. После краткосрочной отсидки у него еще не было секса. А секс он любил. Разный, много-много грязного секса.

*Хан знал, как здесь все работает. Обычно после съемок их везут к Ломбарди или Казаху, е***т там во все щели, а потом выплачивают гонорар и отпускают домой. Здесь все было иначе. Паша действительно женился и это был грандиозный проект. За тридцати дневное шоу были уплачены огромные деньги, все серии феерического шоу выкупили телеканалы.*

Но Хану было насрать. Он ее хотел. Наблюдал за ней полночи. Сжав широкие челюсти, смотрел на длинную шею, на тонкие руки в перчатках, на золотые локоны, голубые глаза, на пухлые губы... он тут же представил их на своем члене и мысленно уже выкупил ее у певуна и со всей дури трахал в рот, вцепившись в светлые локоны.

*А потом эта сука высокомерно растоптала его розу. Этого не смел бы сделать никто. Но она посмела. В эту секунду Хан уже точно знал, что получит ее и вые***т так, что маленькая шлюха пожалеет о том, что посмела его унижить. Как грациозно она играла влюбленную невесту, как изящно и красиво продавала свое совершенное тело и точеное кукольное лицо, как лезла целовать слизняка Пашу под вспышками фотокамер. А Хану почему-то хотелось свернуть ей шею. Она его раздражала и в то же время будила в нем адскую похоть. У него яйца наливались от одного взгляда на ее грудь под белым атласом и пульсировал член от мысли что она целка. Когда Паша трусливо заикаясь сказал, что ему нечем отдать долг Хан кивнул на девчонку:*

— На нее сыграем в покер. Выиграешь — прощу тебе долг. Проиграешь — возьму ее себе на тридцать дней вместо денег.

— Хан... Я не могу. Тут... шоу. Тут все спланировано наперед. Съемки, бабло такое, что тебе и не снилось. Хочешь трахни ее, да и все. Она целочка. Тебе понравится. Только потом отдать надо.

— Я сказал на месяц хочу. Или возвращай долг сейчас!

— Я... у меня сейчас нет. Но после шоу будут новые концерты, новый спонсор и...

— Мне похуй на твои концерты. Не вернешь долг я вытащу тебе сердце и сожру у всех гостей на глазах. Я хочу эту девку. Садись за стол, Паша. Играть будем.

Тамерлан прижал сотовый к уху.

— Подстрелить тигрицу?

Секунда раздумий и резкий ответ:

— Нет. Какия мне дорога. Пусть играет. Его девочка дороже русской шлюхи.

Выключил звонок и услышал голос деда:

— Я мог бы простить тебя и принять обратно... внук.

— Слишком предсказуемо! Мне ничего не нужно от тебя! — с презрением и разочарованием сказал Хан и двинулся в сторону двери. — Я давно уже не являюсь частью твоего клана. Ты изгнал меня и лишил права носить твою фамилию. Не скажу, что я горевал по этому поводу.

— Стоять! Ты заслужил! Ты убил моего единственного сына!

Тамерлан молниеносно вернулся к постели и навис над стариком, крупные черты его лица исказились и выражение отрешенного, циничного равнодушия исчезло:

— Он насильничал мою мать! Годами трахал ее у всех вас под носом! А потом ты спихнул ее Тахиру!

— Она... она сама залезла к нему в штаны! Маленькая мерзкая шлюха опозорила нашу семью!

Задыхаясь выпалил дед и схватил внука за воротник рубашки.

— Ты лжешь! — заскрежетал челюстями Хан и на его выдающихся, спрятанных под густой бородой, скулах заиграли желваки, — Это грязная ложь! Первый раз он взял ее, когда ей исполнилось двенадцать! Вряд ли она умела залезать кому-то в штаны! Ты позволил ему избивать ее!

— Он прикрыл позор нашей семьи. Он женился на этой... на этой дряни.

Ударил ладонями по подушке с обеих сторон от головы деда, но тот даже не вздрогнул. Напугать Батыра еще никогда и никому не удавалось, даже его психопату внуку.

— Не смей о ней так говорить! Не смей! Вы все убили ее! И ты не наказал убийцу!

Старик приоткрыл тяжелые веки и притянул внука ниже к себе.

— Он был твоим отцом...

— Очередная ложь! Ты знаешь кто был моим отцом! Вы выдали ее за Тахира беременной! Я выблядок от кровосмесительной связи твоего старшего выроodka с родной сестрой! Если бы я мог вытащить его с того света и убить снова я бы это сделал!

Глава 10

Оттолкнулся от подушки и выпрямился. Все эмоции тут же исчезли с его лица остался только убийственно-тяжелый, мрачный взгляд, направленный на венценосного родственника, не сводящего с внука лихорадочно горящих глаз.

— Знаешшшшшь... откуда?

— Зря я сюда пришел. Ты как был старым подонком, так им и остался. И мне на хрен не нужно твое прощение. Но ты вряд ли позвал меня именно за этим. Давай. Вываливай правду, дед. Не тяни.

— Ты мой единственный единокровный наследник. Плоть от моей плоти! Я хочу все оставить тебе!

Тамерлан прошелся по спальне и налил себе в стакан воды, залпом осушил.

— И что я должен для этого сделать? Отсосать у дьявола?

Он был единственным, кто позволял себе так говорить с самим Батыром Дугур-Намаевым. И единственным кому это сходило с рук.

— Ты должен жениться!

Хан раскатисто захохотал, запрокинув голову и расплескав воду с графина, какое-то время громко смеялся и качал головой, как от забавной шутки.

— Разве мы это уже не проходили? А?

— Тебе нужны наследники. Клану нужны наследники. Я умираю. Кровь Дугур-Намаевых должна возродиться.

Тамерлан посмотрел на деда и в эту секунду их лица были невероятно похожи. Два острых взгляда, впившихся в друг друга, как клинки.

— Она гнилая — твоя кровь. И одну попытку ее возродить я уже сделал. Мы оба знаем, чем это закончилось.

— То была ошибка и ты был слишком молод, а я просчитался. Ты женишься на Жаргал. Породнишься с Инджиевым. У меня с ним есть некоторые дела. Когда он сдохнет унаследуешь и его империю.

— Какие далеко идущие у тебя планы, дед. Я не собираюсь жениться и мне насрать на твое наследство.

Открыл стеклянные створки шкафа и достал хрустальную красную розу, покрутил ее в пальцах. Его отражение разбилось на миллионы осколков в зеркале за стеклом, сделанном в виде мозаики.

— Лжешь! Я видел, как только что загорелись твои глаза. В тебе моя кровь. Ты похож на меня больше, чем мой сын. Женись! И все это достанется тебе! Я даю тебе сутки! Ровно сутки! Через двадцать четыре часа я впишу в завещание мужа Сувдаа. Этот дом, эти земли, золото, моя империя все достанется ему! Все, что по праву должно принадлежать тебе. Женись и дай мне внука, Тамерлан!

Тамерлан не оборачивался, он смотрел на свое разбитое на части отражение и крутил в пальцах хрустальный цветок. Прищурив глаза, он рассматривал все его грани.

— Дарственная там на полке, перед тобой. В ней поставлено твое имя. Все честно. Как только ты приведешь в мой дом свою женщину все это станет твоим.

Хан сгреб бумаги и развернув, пробежался по ним цепким взглядом. Потом снова посмотрел на деда.

— А знаешь... Я таки женюсь.

— Я знал, что ты меня не разочаруешь! — старик ударил радостно ладонью по покрывалу и прикрыл набухшие веки.

— Думаешь не разочарую?

— Я в этом уверен. Ты же мой внук!

Прозвучало довольно-таки гордо, голос Батыра немного окреп и бледность отступила с лица. Он возбудился и был доволен. Он победил.

— О, да. Ты прав — я ТВОЙ внук. Завтра привезу в твой дом свою новую жену, дед. Надеюсь ты к тому времени еще будешь жив.

Сломав хрустальную розу, бросил ее осколки на полку и пошел к двери.

— Я любил Сарнай больше всех... я очень ее любил.

— Ты в это действительно веришь?

Он вышел из спальни и прошел мимо, выстроенных в ряд родственников, когда поравнялся с Очиром, то подался в его сторону и тот в ужасе отпрянул назад.

— Убирайся! — прошипела ему в след его жена, а он не оборачиваясь пошел в сторону ворот.

Сел за руль, с ревом сорвался с места, вдавливая педаль газа и включая громкоговоритель на сотовом.

— Да, господин.

— Живая?

— Живая. Бегают по лабиринту.

— Я передумал. Девка нужна мне. Держи Кайю под прицелом. Но без моей команды не стрелять.

— Да, Господин. У нас все под контролем.

Набрал еще чей-то номер и спросил:

— Что там у тебя?

— Все чисто. Можете включать новости. Все каналы разрываются от сенсации.

— Я тебе верю. Молодец. Получишь двойную оплату.

— Рад угодить тебе, Хан.

Ему нравилось выжимать педаль газа до упора, до точки невозврата, так чтоб почувствовать ее под собой. Оседлать и сдавить коленями хребет этой худой суки с торчащими ребрами, пустыми глазницами и длинными пальцами и с кривыми когтями. Ему казалось он засадил ей по самые гланды и трахает на бешеной скорости саму Смерть. Она трясется под ним, елозит задом, скребет по асфальту покрывками, дымится, ревет под двигателем и содрогается в конвульсиях, а он давит и давит педаль. Ждет, когда дрянь сбросит его и подмяв под себя разможжит ему череп об асфальт, протащив под колесами его черное сердце. Но самая из дорогих в мире шлюх тащилась прогибаться под ним, а ему нравилось ее грязно драть. Это был самый честный и святой союз. Никакого предательства.

Но сейчас он давил педаль газа и не представлял под собой голые кости на четвереньках... он мысленно видел, как бродит по лабиринту его девочка Кайя, как она заполучила себе игрушку намного интереснее кролика или курицы и будет играть до последнего, пока не надоест. Она сытая и не нападет быстро. Только на это и оставалось надеяться... Иначе... Хан не хотел думать о том, что случится, если тигрица нападет на девчонку и ему придется отдать приказ стрелять по Кайе.

И этого он никогда ей не простит. Маленькой, белокожей сучке, которая как нельзя кстати оказалась у него в доме. В виде еще одного экзотического развлечения. Он любил развлекаться. Любил делать это на широкую ногу. Феерические эротические шоу с лесбиянками, групповой секс, дикие и грязные оргии. Травка в кальяне, самый дорогой в мире алкоголь, гонки и ринг. После боя трахать сразу двух сучек или смотреть как они трахают друг друга, а потом обе отсасывают у него причмокивая и давясь. Он перепробовал все, любую грязь, любую дикость. Привык потакать любому своему желанию. Если не он себя будет

баловать, то кто? Сама Смерть преподносит ему подарки в виде не мереного количества бабла, постоянных побед и раздвигает перед ним ноги... обычные девки готовы лизать ему пятки лишь бы один раз засветиться перед камерой с самим Дугур-Намаевым.

Но всегда хочется большего. Всегда хочется нового, особенного, не испробованного. Именно это ощущение появилось при взгляде на огромные глаза девчонки. Очень чистые, светлые, красивые, как у дорогой куклы в витрине магазина. Она напоминала ему лебедя. Белого, стройного, с длинной шеей и грациозным телом. Несмотря на то, что Хан понимал, что девчонка продажная ему все равно казалось, что в ней чисто. Что он впервые вбивает свой член в чистоту и не пачкает его после других, что в ней не было чьей-то спермы, языка, пальцев. Пломбу снял он сам. И это заводило. Сильно. Так заводило, что ему хотелось послать все на хер и трахать ее двадцать четыре на семь.

Нет, он не был героем-любовником и не причислял себя к таковому. Последнее, что волновало Хана — это как к нему относится та или иная «дырка» за которую он заплатил. Они могли выть и кончать, могли просто подставлять ему свои отверстия. Он не делал ничего для их удовольствия потому что считал, что это ОНИ здесь для ЕГО удовольствия. А чьи-то радости волнуют в этой жизни меньше всего. Единственная женщина за чью улыбку он мог умереть была его мать. Она же была единственным человеком, который его любил. С тех пор Хан не знал и понимал значения этого слова. Пока не появилась Кайя...

Его одинаково возбуждал как женский оргазм, к которому он не прикладывал никаких усилий, так и скукоженные от боли лица, потому что его член редко куда вмещался без треска. Ему было тесно почти всегда и везде, а им... ему было насрать каково им. Это все равно что думать насколько бифштексу нравится, когда его пожирают.

С русской блондинкой каждый раз выходило иначе. Он сдерживался. Смотрел на ее наполненные слезами глаза, на дрожащие нежные губы и сдерживался. Ему не хотелось сломать ее раньше, чем она надоест. Не хотелось порвать или причинить адскую боль. Но ему невыносимо ХОТЕЛОСЬ. Слово вся похоть этого гнилого мира сконцентрировалась между ног этой голубоглазой малышки. Входил в узкую дырочку и матерился, грыз щеку, чтобы не заорать от заоблачного кайфа, смотрел на тоненькую талию, выпирающие позвонки, лопатки, округлую маленькую задницу и хотелось погладить, провести пальцами, приласкать. Впервые ему вообще чего-то хотелось, кроме как совершать фрикции. Она вызывала эти непонятные и чуждые зверю ощущения. И ее грудь небольшая, упругая с мелкими сосками, от вида которых он был готов по звериному шипеть. Когда входил в нее в ванной, пристраиваясь сзади, раздвигая коралловую плоть своим ноющим от похоти членом невольно любовался кукольностью и нежностью даже там, от вида как его узловатый член втискивается в эту узкость он готов был тут же спустить и залить всю ее спермой. Никогда раньше не присматривался к их плоти. А здесь возбуждился до оргазмических спазмов.

Думал вытрахает эту блондинку и надоест. Как обычно. Сразу и с первого раза. Пресыщение до тошноты и коленом под зад. Не надоело. И во второй раз было фееричнее, чем в первый. Появилось ощущение, что он хочет возвращаться домой и всегда иметь возможность поставить русскую на колени и долбиться в ее белую плоть, очищаться внутри самому и пачкать ее... Да. Она его птица. Белая лебедь. Руки-крылья. Сломать в локтях, чтоб не улетела и клевать коршуном ее грудь, ее отверстия, погружать в них пальцы и член. Играть с ней. Трогать. Раздевать, одевать, кормить.

Еще до того, как дед позвал его к себе Хан решил, что никаких тридцати дней не будет, а слизняк Паша слишком долго коптит это небо.

Ему пора в ад в покрытый копотью котелок, где черти будут шпарить кочергой его раздолбанный зад. Заодно пусть прихватит с собой и одну из шалав, которая сыграет для публики новоиспеченную жену Звезды. Ангахай будет только его. Хана. Новые документы, новая жизнь. В ней нет никого кроме Тамерлана. Он ее хозяин. А теперь милостью деда, гореть ему в аду, и муж. Пожалуй, выгоднее сделки не придумать. Потом, когда надоест, стать вдовцом проще простого.

Увеличил звук на приемнике: «Ужасная смерть... жуткая потеря и катастрофа. Разбился самолет с молодоженами. Павел Звезда и его юная жена Верочка погибли. А ведь всего лишь несколько дней назад мы радовались выбору... радовались счастью нашего любимого...»

Вырубил на хер лицемерное соплепускание и включил на всю громкость Менсона, газ до упора. Бросил машину возле ворот и ловко, как пантера перелез через ограждение, приземлился на ноги.

Прислушался к тишине и стрекотанию кузнечиков. Шорох в стороне, и он представил себе,

как девчонка бежит босиком по узким коридорам его любимого лабиринта, который с высоты птичьего полета выглядел, как цветок. Еще одно творение Тамерлана. Лабиринт красной розы. Созданный в честь матери. Такой же жуткий и сложный, как и ее жизнь.

Тигрица бежала за девчонкой, преследовала, загоняла жертву. Хан увидел, как мелькнула сбоку огромная тень, сжал в ладони кинжал и стиснул челюсти. Кайя заманивает добычу в тупик. Она наигралась. Теперь можно устроить пиршество. И если он не успеет от маленького лебеда останутся одни перья. Он бежал по следам Кайи, что есть мочи, бежал так быстро как не бегал с времен изнуряющих тренировок. И в этот момент не знал точно, что именно им движет желание насолить деду или вид окровавленных перьев, валяющихся на зеленом газоне. Он сам себе не хотел признаваться, что с лебедем расставаться не хочет... Не сейчас.

Выскочил на участок перед ограждением и увидел, как Кайя склонила голову перед прыжком. У него будет ровно секунда на то чтобы вонзить кинжал ей в артерию. Убить одним ударом и ... разорвать тишину собственным воем.

— Псс, — кошка обернулась. Глаза горят фосфором, пасть вот-вот раскроется в оскале перед броском. Выпрямился во весь рост и отрицательно качнул головой, не отпуская взгляд зверя.

— Нет, Кайя.

Позади нее девчонка. Бледная, как смерть. С изодранными в кровь коленками. Взгляд застыл. Смотрит перед собой и ничего не видит. Глупая... такая глупая невинность. Таких сейчас нет. То ли грандиозная дура то ли... то ли не повезло ей. Таких безжалостно крошат в пыль. И он бы раскрошил. Но пока что она нужна ему. Может быть потом. Когда придет время стать вдовцом.

Сдавил нож сильнее, понимая, что, если Кайя не остановится ему придется убить свою любимую девочку, разбереденную запахом крови и охотой.

— Иди к папочке, — сказал по-монгольски и поманил к себе ударом ладони по ноге. Тигрица повернула морду к девчонке, повела носом, потом снова посмотрела на хозяина. Тряхнула головой и, развернувшись спиной к насмерть перепуганной жертве, подошла к Хану. Потерлась блестящими боками о его ноги, ткнулась холодным носом в руку. Он выдохнул с облегчением.

— Домой иди. Все. Поигралась и хватит.

Потрепал по бархатной шерсти между ушами, скупно потрепал, не особо балуя, а тигрица довольно заурчала, облизала пальцы хозяина и пошла в сторону дома. В два шага преодолел расстояние между собой и девчонкой. Сдавлив кулаки на секунду ошалел от желания свернуть этому глупому лебеду голову. Луна осветила красивое женское лицо, застывшее в гримасе ужаса с мольбой в глазах. Замахнулся, ударил по бледной щеке, развернулся на пятках и пошел к дому.

Навстречу ему вышла Замбага и склонила в почтении голову.

— Что?

— Сегодня плохо ела и плакала. Рисовать больше не хочет. Скучает.

— Я зайду к ней. Позже. Приготовь все к отъезду.

— Передала это вам.

Протянула лист бумаги. Хан изменился в лице на какие-то доли секунд. Забрал лист, свернул вчетверо и сунул, не глядя в карман.

Глава 11

— Нет, не надо!

Бесит. Это ее «не надо». Бесит и заводит. Они никогда не говорили ему «нет». Ни одна. У всех были притворно-счастливые лица и увлажненные лубрикантами дырки, открытые рты и вываленные языки, ждущие его член и яйца, готовые их отполировать по первому щелчку пальцев. А она плакала и просила, вызывая внутри этого мерзкого червяка, щекочущего внутренности, заставляющего сомневаться, останавливаться. Это злило. Он не привык себя останавливать, не привык медлить. Трахаться — это почти так же как есть. Хочется — бери, насыщайся. Но эти трепыхания, эти слезы. Ему хотелось, чтоб их не было. Чтоб как с другими... И в то же время именно это и отличало ее от всех других. Ведь ее тело для него не такое. Оно сладкое, оно манит, оно будоражит и чем он сам не знал. Но у него вставал от одной мысли о ее гладком лобке и расселине чуть ниже. ее плоть напоминала ему цветков с закрытыми лепестками.

— Открой рот.

Приоткрыла розовые губы очень мягкие, по-детски припухлые. Он повел по ним двумя пальцами, окунул их внутрь, касаясь маленького языка.

— Оближи мои пальцы.

Смотрит на него этим загнанным взглядом и там ненависть вперемешку со страхом. Ему когда-то нравились обе эмоции. Яркие, сочные, то, что надо. Пока не надоело. Но от чего-то сейчас они его даже раздражали. Она должна себя вести иначе. Как угодно, иначе. Она умеет. Он знал, что умеет. Видел, как они блстели эти глаза, когда на Пашу своего смотрела, жалась к нему, висела на его руке и преданно в рот заглядывала. Если б он ее разложил, то точно не ныла бы, а раздвинула ноги. И радостно отдала ему свою целку. Стонала бы с ним и кончала. С красавчиком своим гребаным.

Проводит языком между его пальцами, по фалангам, щекочет их, и Хан ощущает мощный прилив крови к паху. Яйца налились, набухли до пульсации. Головка члена мучительно упирается в штаны. Наблюдая как, девчонка старается и при этом все равно дрожит.

— Соси их. Обхвати губами и соси.

Втянула в себя, создавая вакуум и он чуть не зарычал вслух. Вся в белом. В том самом платье, в котором он увидел ее впервые, в фате и цветах, с его пальцами во рту. Смуглая рука на фоне белой кожи кажется грязной. Просунул пальцы дальше, еще дальше. К горлу. Она останавливается и злит его еще больше своими мокрыми ресницами и выражением страдания на лице.

Резко поднял за талию и усадил на обеденный стол, предварительно столкнув тарелки с праздничным ужином.

— Подними платье и сними трусы. Отметим первую брачную ночь.

— У меня... у меня там очень болит. — опутив ресницы и с румянцем на бледных щеках.

Передернул плечами, сам стянул трусики и раскидал ее ноги в стороны, поставив их пятками на стол, раскрывая ее для себя. Обожгло раскаленным железом, когда увидел аккуратные розовые складки, очень светлые и нежные. Потянул корсаж ее свадебного платья с треском вниз, так чтоб вытащить грудь. Дернулся от вида маленьких сосков. Ему всегда нравилась женская грудь, но ее небольшие и округлые полушария буквально заставляла взвиваться от похоти. Как будто нарисовали нарочно для него. Под заказ. Точно по вкусу. Снова погрузил пальцы ей в рот.

— Намочи их. Сильно. — засмотрелся на ее старания, на впадающие от усилий скулы и выпяченные губы.

Провел дорожку по груди вниз и коснулся плоти, потер, глядя в голубые глаза с дрожащими слезами на длиннющих кукольных ресницах. Обычно он никогда этого не делал. Не стремился доставить им удовольствие. Но сейчас захотелось. Захотелось увидеть, как из ее глаз исчезнет страх, захотелось чтоб там появилось иное выражение. Отыскал клитор между складками. Очень маленький, розовый, как и она вся. Потер вкруговую, вверх-вниз. Давно он так не прикасался к женщине. С тех пор как... Передернулся всем телом, отгоняя все мысли и сосредотачиваясь на плоти блондинки. Рассматривая, изучая, сканируя и возбуждаясь все

сильнее.

— Не надо. — застонала, когда он раздвинул нижние губы широко в стороны, наклоняясь и с хриплым дыханием пожирая взглядом ее естество. Она красивая даже там. Похожа на розу.

— Замолчи! — рыкнул на нее и посмотрел на свои пальцы,двигающиеся по нежной коже. Ему нравилось то, что он делает, нравилось перекачивать клитор между подушечками, опускаясь вниз к узкой дырочке, раздвигая ее, погружать кончик пальца внутрь и с возвращаться к твердеющему узелку. Но влажно там не становилось, и он с трудом протискивался в горячую тесноту. Хан заставил девчонку снова облизать его пальцы и вернулся к своему занятию. Сам он никогда их на вкус не пробовал. Брезговал. Отлизывать всяким шалавам.

Она молчала, и он молчал. Трогал ее влагилице, ощупывал его, растирал, погружал в нее опять смоченный ее же слюной палец и смотрел как он исчезает внутри, крепко зажатый мышцами. Блядь, какая же она узкая, тесная, крошечная. Его член болел и ныл, дергался и разрывался от возбуждения. Поднял голову и увидел отрешенный взгляд, направленный в одну точку. Внутри что-то дернулось и затопило черной яростью.

Нет, ей не нравилось. Ничего не нравилось из того, что он делал. Чертова дрянь. Брезгует им. С самого первого дня брезгует. Ну и на хер все. Резко толкнул ее вперед, опрокинул на спину, развел ноги в стороны и с ревом вонзил в нее свой закаменевший и готовый разорваться адскими струями, член. Дернулся несколько раз и бурно кончил, мотая головой из стороны в сторону. Потом какое-то время смотрел на ее лицо, накрытое от мощных толчков вспенившейся и растрепанной белой прозрачной вуалью. Кукла... красивая, безжизненная, идеальная. Хочется одновременно и сломать, и играть. Второе перевешивает первое.

— Завтра с семьей своей познакомлю. И поедем в путешествие. Ты же хотела путешествовать с тем недоноском?

— Мне все равно.

Отвернулась, смотрит в никуда.

— А мне нет. Будем веселиться.

— Мне не весело.

— Какая мне разница каково тебе.

Слез с нее, застегнул ширинку, поправил штаны и снова сел за стол, жадно вгрызся в мясо, наблюдая, как девчонка слезла со стола, поправила платье и пошла в сторону двери.

— Сядь. Я не хочу есть один.

Так же молча вернулась и села за стол. Сидела пока он не доел. Бледная, истонченная, дрожащая. Ему вдруг показалось, что она как будто вся просвечивает и сжатая какая-то. Напряженная до предела. Неужели и правда настолько больно? Он же ее не драл, как обычно дерет своих любовниц. Давал к себе привыкнуть. И аналом с ней не занимался. Пожалел, можно сказать.

— Что? Так сильно болит?

— Какая вам разница?

Так же глядя в одну точку.

— Никакой. Я буду брать тебя даже если болит. Начни привыкать или подстраиваться.

— Как?

— Как-нибудь.

— Вы меня теперь никогда непустите?

Снова ее «шарманка» про отпустить. От чего-то это тоже ужасно бесило. Можно подумать ей будет лучше в ее вонючей квартирке с тараканами, старой теткой и дырами в карманах. Да, он все о ней узнал. Это труда не составило. Информации на полстраницы. Ничего интересного. Но проверить стоило перед тем как назвать своей женой. Хотя, по документам за него вышла замуж совсем другая женщина правда с ее фотографией со студенческого билета.

— Никогда. Ты ведь моя жена. Ангаахай. Теперь только смерть тебя от меня освободит.

Тонкие пальцы сжали вилку, и он усмехнулся. Она его ненавидит и скорее предпочла бы смерть. И это даже было бы интересно, если бы не было настолько безразлично. Скучно. Ненависть ему прискучила, страх прискучил, все насточертело. Ей тоже нечем его удивить. Только своим телом и красотой, которая пока что не надоедает. И... слезами. Но и они уже начинают слишком горчить.

— Зачем вам это надо?

— Меньше знаешь — дольше живешь. Выучи наизусть.

Вытер рот салфеткой, положил на стол.

— Пошли спать. Я устал.

Увидел ужас на ее лице и зло засмеялся.

— Да, я буду тебя трахать еще и еще. Утром, днем и вечером. Скоро привыкнешь. А не привыкнешь — значит не повезло. Придется терпеть.

Отодвинул стул и направился к двери. Он не видел, как девчонка медленно встала со стула и наклонилась чтобы поднять с пола клочек бумаги, который он обронил.

Развернула его и застыла с широко распахнутыми глазами — на белом тетрадном листе была нарисована семья: мужчина, женщина и девочка. На первый взгляд совершенно обычный и нормальный рисунок. Но если присмотреться, то по коже расползаются ледяные мурашки. У девочки нет ног и лица. А женщина без головы. Вместо нее из шеи торчит стебель с цветком. Возле девочки мужчина... Огромный, страшный. Держит девочку за руку. Чем-то похож на Хана. И рядом большая черная кошка.

Не было никакой свадьбы. Нас просто расписали. Какой-то мужчина в темном костюме молчаливый с непроницаемым выражением лица. Не было никаких «вы согласны?» или «поцелуйте невесту». Хан молча поставил подпись, потом дернул меня под руку и наклонил над столом.

— Подписывай.

— Не... могу.

— Я сказал подписывай! Жить хочешь?

— Нет! — и посмотрела ему в глаза. На секунду они стали черного цвета, как деготь. Без зрачков.

— Думаю у тебя есть те, кого бы ты не хотела похоронить уже сегодня.

Я тут же представила любимое и родное лицо мамы Светы и не на секунду не усомнилась в том что этот зверь не задумываясь лишит ее жизни. Он бы лишил ее и меня. Только я оказалась ему нужна. Зачем? Известно одному дьяволу и Хану, которого наверняка боится сам ангел смерти.

Пробежалась взглядом по бумаге и дернулась когда увидела имя, под которым мне надо было поставить подпись — Вера Сергеевна Игнатьева.

— Это не мое...

— Твое! — оборвал, не дав договорить и сжал руку так, что у меня потемнело перед глазами. — Молча поставила подпись. Без комментариев!

Я поставила свою подпись и послала ему про себя проклятия. Страшные. Черные. Во мне было столько ненависти сколько никогда и ни к кому раньше. Я не представляла, что вообще способна на такие ужасные эмоции.

— Ты будешь в очереди под номером бесконечность.

Наверное, я все же сказала это вслух. Судя по выражению лица моего новоиспеченного мужа-палача. Но даже не испугалась. Мне было лишь жаль маму Свету. Я больше никогда не вернусь к ней и не увижу ее. А она... вряд ли она сможет пережить разлуку со мной. Хан дал

мужчине деньги и тот протянул протянул ему свидетельство. Мне почему-то показалось, что это свидетельство о моей смерти.

Дальше мы молча ехали обратно в дом Хана. Для меня это был не дом, а тюрьма. Жуткое место, где меня ждала только боль, насилие и тоска. Вряд ли этот страшный человек будет долго моим мужем. Здесь нет любви. Здесь вообще ничего нет. Только безразличная звериная похоть. Но ради нее не женятся. Ему есть с кем ее удовлетворять. Я ему нужна. И скорей всего ненадолго. Мне даже страшно представить насколько мучительной будет моя смерть, когда Хан решит избавиться от меня. Если только я не умру под ним от очередного болезненного проникновения. Как только я думала о его члене во мне, то тут же начинала дрожать от панического ужаса и от ожидания страданий. Как я могла раньше представлять, что секс — это прекрасно. Как могла вообще думать, что женщина может получить от этого удовольствие. Это мука. Это жуткая и самая ужасная пытка.

Когда мы вернулись домой не было цветов, не было гостей и поздравлений. Такая же черная мрачность и тишина с тиканьем настенных часов. Только на столе букеты бордовых роз и праздничная сервировка. Когда Хан приказал мне раздеться, я ощутила, как сердце замерло и сковырнулось страхом, неприязнью и ожиданием адской боли.

Но в этот раз мой мучитель решил разнообразить наш секс и превратил его еще в более худшую пытку. Вместо быстрого соития он растянул мои мучения на долгие и бесконечные минуты стыда и неприятных, отталкивающих, вызывающих дрожь отвращения, ощущений. Его пальцы, теребящие мой клитор, вторгающиеся в сухое влагалище невозможно долго, до раздражения кожи и болезненной чувствительности, когда кажется вся плоть покрыта микро трещинами и щиплет от трения. И клитору больно. Никаких приятных ощущений. Как будто наждачкой по оголенному мясу. А потом этот самый страшный ад. И никаких изменений. Внутри долбиться дубина огромных размеров, которая кажется раздерет меня на куски. Все так же больно, все так же неприятно и никогда мне к этому не привыкнуть. Я чувствую, как он толкается мне в низ живота и кажется достает до кишок. Рычит по-звериному, скалится. А мне хочется умереть под ним. Хочется, чтоб это быстрее закончилось навсегда.

Когда Хан слез с меня и вышел из обеденной залы, я думала только об одном — что еще раз я просто не выдержу и сойду с ума. Сжимала руки в кулаки, а по дрожащим ногам течет его сперма, я смотрела на выпавший из его кармана клочок бумаги и думала о том, что так больше не может продолжаться.

Может быть я бы пережила тридцать дней. Постаралась бы как-то справиться. Но больше нет сроков. Это пожизненное. И я слишком слабая. Я не выдержу. Не умею. Не могу. Я хочу к маме Свете. Я хочу спрятаться, закрыться. Я хочу, чтоб он больше никогда меня не трогал.

И этот рисунок... Не знаю кто его нарисовал. Не знаю кто настолько прочувствовал мою внутреннюю боль. Мне показалось что эта женщина с цветком вместо головы — это я. Я не видела больше никого кроме нее. Ни Хана, ни странную безногую и безликую девочку, ни жуткую черную тварь, которая гоняла меня по лабиринтам. Я видела только ее — обезглавленную несчастную жертву. Может быть это намек? Может я должна умереть прямо сейчас?

Рука протянулась за ножом лежащим возле тарелки. Я схватила его скрюченными пальцами и сдавила, продолжая смотреть на рисунок и ощущать саднящую боль между ног. Пусть все закончится. Отодвинула манжет платья, обнажая вены и всматриваясь в синие, тонкие извилистые ниточки, задыхаясь от ужаса и понимания какой-то неизбежности. Замахнулась и запястье вдруг сжала чья-то сильная рука. Я вскинула голову и встретилась взглядом с темными глазами Замбаги.

— Дура! — она выдернула из моей ладони нож и дала мне пощечину. И это было спусковым крючком, по моим щекам потекли градом слезы. Меня словно разорвало, и я содрогалась от рыданий, вздохнул, в голос.

— Ты что творишь? Это проще простого! Это выбор слабаков! Неудачников! От тебя только это и могло бы ожидаться! Все... все змеи в серпентарии обрадовались бы твоей смерти и его поражению.

Не знаю о чем она и мне все равно.

— Я не могу... не могу больше, — рыдая и всхлипывая, не видя ничего перед собой даже ее лица и не понимая, что она говорит сейчас без малейшего акцента.

— Смоги. Не будь идиоткой. Ты знаешь чьей женой ты стала? Знаешь кто ты теперь? Ты Дугур-

Намаева. Ты жена наследника золотой империи. За твое место многие отрезали бы себе руки и ноги, пили бы дерьмо и мочу, вылизывали пол и жрали грязь. Стать женой внука самого Батыра...

— Мне все равно....он ужасен. Он жуткий. Я... его ненавижу.

— Ты можешь его ненавидеть. Ты можешь сейчас перерезать вены и сдохнуть. Никто не станет горевать о тебе, а он найдет другую дуру и женится на ней.

— Пусть... пусть найдет. Я не могу... мне больно, мне ужасно больно и мерзко.

Она тряхнула меня за плечи и заставила смотреть на себя, вытирая мне слезы.

— Да. Твоя свадьба не такая, о какой мечтают маленькие девочки и муж далеко не принц. Но ты... ты можешь стать королевой, царицей таких несметных богатств, что тебе и не снились. Ты можешь владеть самым сильным и могущественным мужчиной, которого бояться даже те, чья власть неоспорима. Ты женщина, Ангаахай. Красивая, молодая женщина у которой есть все, чтобы свести мужчину с ума. Роскошное тело, лицо диковинной красоты... если добавить сюда хитрость и мозги — ты сможешь быть не просто счастливой, а купаться в самом невиданном счастье во Вселенной.

— Нееет. Какое счастье? Ты с ума сошла? Он же зверь. Он же чудовище дикое и нет в нем ничего человеческого.

— Он мужчина. И он выбрал тебя... Ты здесь, и ты его жена. Приручи зверя.

— Как? Боже как? Я до смерти боюсь его...

— Это он тебя должен бояться.

— Нееет!

— Да. Будет бояться тебя. У женщины есть такое оружие, против которого бессилён мужчина. Любой. Самый сильный, страшный и безжалостный. Все они в душе дети и каждый ребенок хочет ласку и нежность. Каждый. Заставь его ощутить эту нужду в твоей ласке, в любви и заботе, и все будет брошено к твоим ногам.

Я смотрела на нее и слезы все текли и текли. А пальцы сжимали рисунок.

— Я не смогу... он причиняет мне боль. Когда он... когда я с ним мне так больно, что хочется умереть.

Она усмехнулась и сжала мои дрожащие руки.

— Потому что ты жертва. Потому что ты бежишь от хищника и заставляешь его схватить и драть добычу. А ты не беги... не беги от него. Пойди навстречу. Попробуй. Соблазни, завлечи, измени правила.

— Что это значит?

— Если ты умная, то поймешь. А если дура... то так тебе и надо. Больше останавливать не стану. Умирай. Зачем мне госпожа ничтожество? Я подожду другую... которая сможет стать царицей возле него.

— Ты... ты предана ему. Но почему? Он же чудовище!

Я не могла понять и принять этой фанатичной преданности в ее глазах.

— Для тебя. А для меня мой Бог и спаситель. Жизнь за него отдам.

Она развернулась чтобы уйти, а я протянула ей рисунок и тихо спросила.

— Что это?

Зимбага тут же изменилась в лице и отобрала у меня лист бумаги.

— Где ты это взяла? — спросила она, округлив раскосые глаза и глядя то на меня, то на рисунок.

— Он обронил...

Она судорожно сглотнула и осмотрелась по сторонам.

— Забудь об этом рисунке, поняла? Никогда не спрашивай у него о нем. Я верну. А ты сделай вид, что никогда не видела.

— Кто это нарисовал?

— Тебе не надо этого знать. Поверь. Так лучше для тебя. Подумай о том, что я сказала... Или завершай начатое. Сюда больше никто не войдет. Твое тело обнаружат через час или два, когда Хан войдет в спальню и не найдет.

Глава 12

Я чувствовала себя пешкой в его игре. У меня было такое ощущение, что это кратковременная роль, после которой будет феерическое окончание спектакля без хэппи энда для меня. Но с момента, как я положила нож на стол и надела великолепный дорогой наряд стоимость которого имела шестизначное число на бирке, прошло целое столетие... И я постоянно думала о словах Зимбаги. Но не в том ракурсе как она хотела... Я думала о том, что легче бежать от прирученного зверя, чем от обозленного и натасканного. Пока одевалась Хан сидел в кресле и оценивающе смотрел на наряды, которые надевала на меня Зимбага. Коротко и отрицательно. Каждое из платьев было вышвырнуто на пол. Пока он не кивнул и не встал с совершенно равнодушным видом и не покинул комнату, а меня расчесали, наложили легкий макияж и наконец-то позволили посмотреть на себя в зеркало. Я испытала шок.

Ничего более вульгарного на мне никогда не было надето. Вызывающее короткое платье серебристого цвета, алая помада на губах, распущенные волосы и туфли на каблучке. Я скорее походила на проститутку или стриптизершу в дешевом клубе. В недоумении смотрела на свое отражение. Разве Хан не монгол и его семья одобрит такой вычурный наряд? Или я продолжаю быть игрушкой и теперь мною будут маячить, как красной тряпкой? Но зачем? Я попросила Зимбагу замазать засос у меня на шее, но она сказала, что не велено. После нашего последнего разговора она делала вид, что мы ни о чем не говорили и держала от меня дистанцию. А я смотрела на нее и не понимала кто она такая на самом деле? Молодая и довольно привлекательная. В услужении Хана и при этом между ними ничего нет... Или было? Эта мысль промелькнула и исчезла. Вызвав ненадолго неприятное ощущение.

Дом, в который мы приехали напоминал восточный дворец, и я потрясенная какое-то время его рассматривала, раскрыв рот. На несколько секунд забыв зачем я здесь.

— Нравится?

Голос Хана вывел из оцепенения. Он, как всегда, во всем черном, как на похоронах. Ни одной вещи другого цвета. Но это несомненно его цвет он и есть сама чернота.

— Красиво. — неохотно ответила и опустила глаза. Никогда не могла долго смотреть ему в глаза и не хотела. Душу выкручивают его бездны мрака.

— Переедем сюда на днях. Будешь хозяйкой.

Сказал, как отрезал, а я судорожно сглотнула. Меня не покидало ощущение, что я проживаю какую-то не свою жизнь в чужом теле. А он так сказал как будто меня это должно было обрадовать.

— Идем, — подставил мне локоть, приглашая опереться, и я невольно подчинилась, под пальцами тут же ощутилось железо его мышц. Кажется, сожму пальцы, и они сломаются. В этом человеке нет ничего мягкого. Ни в характере, ни физически. Запахло барбекю и пряностями. Хан ступал по газону вместе со мной, приближаясь к расставленным на улице столам. Я с трудом поспевала за ним. Его шаг моих три. Создавалось ощущение что он идет, а я бегу. И чем ближе мы подходили к толпе гостей, тем сильнее билось мое сердце от страха и холодели руки.

— Боишься? — спросил мой новоиспеченный муж, не глядя на меня, но с раздражением накрывая мою руку своей лапой чтобы заставить перестать дрожать.

— Да.

— Никогда не лжешь. — не вопрос, а скорее утверждение и меня немного задевает, что он не смотрит, когда говорит со мной, — Не бойся. Если кто-то из них посмеет тебя обидеть я выверну ему кишки наизнанку. Ты — моя жена. А значит в твою сторону нельзя дышать.

Ничего утешительного в его словах я для себя не обнаружила. Но... надо отдать ему должное, когда идешь рядом с самым жутким человеком во вселенной уже как-то странно бояться еще кого-то.

Столы были выставлены буквой «п» и накрыты белыми скатертями. Повсюду сновали официанты, прямо на улице расставлены мангалы, чаны с кипящим маслом, столы для нарезки овощей, бар и огромные колонки в которых играет восточная музыка. На деревьях гирлянды. Неужели здесь собрались праздновать нашу с Ханом свадьбу? Я видела людей, столпившихся возле скрюченного пожилого человека в инвалидном кресле. Один из слуг

махал на старика огромным пестрым веером на палке, а второй застыл с подносом возле него и буквально заглядывал ему в рот, стараясь предугадать каждое желание. Сразу было видно кто хозяин этого дома. Кем он приходится Хану?

Нас заметили едва мы вышли на открытую местность. Все обернулись в нашу сторону и разговоры смолкли. Как внезапно выключенное радио. Потряхивала чья-то маленькая собачка, но даже она замолчала, когда нога Хана ступила рядом с ней и он смерил ее страшным взглядом, от которого она поджала хвост и тут же запросилась на руки к хозяйке. Роскошной брюнетке в белом костюме, похожей на модель с обложки журнала. ее вспыхнувший было взгляд, погас, едва она меня заметила. Аккуратные брови сошлись на переносице. Хан на нее даже не посмотрел. Он шел мимо них, как будто мимо пустого места и я буквально физически ощущала его превосходство над ними. Как будто все эти люди невзрачные мелкие сошки. Дворняжки. По сравнению с ним.

Я смотрела на этих людей и буквально каждой порой ощутила исходящую от них неприязнь, даже ненависть, направленную на моего спутника. Они смотрели на него с нескрываемым страхом и в то же время с ненавистью настолько лютой, что казалось от нее разогрелся и без того горячий воздух. Но в них было еще что-то... что-то неподдающееся определению. Я бы назвала это удивлением и... ожиданием. Их взгляды металась от меня к Хану и обратно, рты презрительно кривились. Одна из женщин даже плюнула себе под ноги. А девушка с собачкой, стоявшая рядом с молодым мужчиной и пожилым седым человеком с тростью, казалось сейчас сожжет меня заживо.

Но Хан на них не смотрел и даже не здоровался. Он направлялся к старику, сидящему в инвалидном кресле. И если вначале тот улыбался, завидев гостя, то теперь улыбка медленно сползала с его бледного морщинистого лица на котором узкие глаза походили на две прорези под которыми скрывается темнота.

— Ты мог заказать себе шлюху после церемонии обручения. Зачем было тащить ее сюда?

Когда я поняла, что старик имеет ввиду меня я захлебнулась воздухом, а Хан сдавил мою руку сильнее.

— Обручения? Ты опоздал, дед. Разве я не обещал тебе привести сюда свою жену? Познакомься — это Ангаахай. Моя женщина и называя ее шлюхой ты оскорбляешь свою венценосную фамилию.

Пальцы старика сдавили бокал, тот треснул на мелкие осколки, и он отшвырнул его в сторону. Сзади послышался сдавленный стон. И быстрые удаляющиеся шаги.

— Жаргал, Жаргааал, — кричал кто-то. Я обернулась и увидела, как брюнетка бежит в сторону ворот, придерживая собаку под рукой, а за ней следом две женщины.

— Батыр! — рявкнул кто-то и я тут же обернулась в другую сторону. Пожилой мужчина, стоявший рядом с брюнеткой с яростью смотрел то на Хана, то на старика. — Я тебе не прощу этого унижения! Ноги нашей не будет в твоём доме! И о сделке забудь!

Развернулся и стуча тростью последовал за девушкой с ее свитой. Но старику, казалось было глубоко плевать на них обоих, он смотрел на Хана и его левый глаз слегка подергивался.

— Значит это твой выбор? Русская шалава?

— Не смей называть так мою жену, дед. Ты хотел, чтоб я женился — я это сделал. В своей дарственной ты забыл уточнить на ком.

Дед какое-то время смотрел исподлобья, а потом расхохотался. Он смеялся так захлеб, что закашлялся и ему немедленно подали платок, который окрасился кровавыми пятнами.

— Ты стоишь того, чтоб у тебя была именно такая... — кивнул в мою сторону, — ничего другого ты не заслужил.

Я с трудом сдерживалась, чтобы не плюнуть этому сморчку в лицо, но меня сдерживала сильная рука Хана, продолжающая сжимать мои пальцы.

— Все же намного лучше той бля****и, которую подсунил мне ты. Продолжай праздник, дед. Я исполнил твою волю. И хочю, чтоб ты исполнил то, что обещал...

Старик поднял голову и посмотрел на Хана таким же страшным взглядом как и у внука. Два мрака скрестившихся в ударе. Я даже услышала раскаты грома.

— Батыр Дугур-Намаев никогда не нарушает данное им слово. Все здесь принадлежит теперь тебе.

— Ппааааа! — закричала женщина лет сорока пяти, в темно-зеленом наряде с покрытой головой, — Кааак? Каааак же так? Ты же говорил... ты же не можешь... Он брата... он же...

— Замолчи! Такова моя воля! Смирись!

Не глядя на нее ответил старик и протянул руку за новой порцией виски. Залпом выпил и в его пальцы вложили сигарету с мундштуком.

— Тебе нельзя, папа, — другая женщина, помоложе, схватила старика за руку, но он отпихнул ее в сторону.

— Поди прочь. Какая разница. Все равно скоро сдохну.

Женщина в зеленом прошла мимо меня и когда поравнялась со мной прошипела мне в лицо:

— Чтоб ты камни рожала, проститутка, или уродов, как и его бывшая! Он тебя все равно убьет, как и ее! Голову оторвет и кошке своей скормит! Долго не протянешь!

От ее слов внутри все похолодело, я посмотрела ей вслед, чувствуя, как сильно сдавило грудную клетку еще непонятным мне сильным страхом. Нет, я не боялась их... я еще сильнее начала бояться того, кого теперь называю своим мужем. От чего-то мне не казались ее слова пустыми... они повергли меня в ужас.

— Пусть она переоденется. В моем доме не принято ходить полуголой.

Старик бросил на меня уничижительный взгляд, а Хан усмехнулся и прижал меня к себе.

— Мне нравится. Я сам выбирал. Пусть все оценят какую красивую женщину я привел в твой дом, дед.

— У тебя ужасный вкус. Просто отвратительный.

— Неужели? Я ведь так похож на тебя. — потом обернулся к гостям, — что все замолчали? Празднуйте! Давайте, веселитесь! У вас есть повод — скоро ни одного из вас в этом доме не будет. Он теперь принадлежит мне.

И, повернувшись к деду, отсалютовал ему бокалом и так же осушил залпом... А я вдруг поняла зачем он на мне женился — насолить своему деду и получить наследство. И я не знала, что ужаснее: быть его игрушкой для плотских утех или стать женой и потом исчезнуть. Если игрушку могут выкинуть... то жену скорее всего закопают, чем отпустят.

— Мне все равно кого ты привел в мой дом... но одно из условий дарственной — правнук. Если в течении назначенного срока она не родит от тебя все обнулится!

Хан с рычанием обернулся к деду и схватил его за шиворот:

— Что значит правнук? Такого не было в договоре!

— Было. Внизу приписка о дополнении к дарственной под названием условие один точка четыре. Там сказано, что в случае невыполнения данного пункта все мое имущество отойдет к мужу моей старшей дочери. Ты всегда слишком тороплив, Тамерлан.

— Тыыыыыы! Тыыыы же знаешь... мне нельзяяяя! Тыыыыыы....

— Старый сукин сын. Я знаю. Но как иначе я бы мог поймать тебя за яйца? Или ты считаешь меня идиотом? — схватил Хана в ответ за воротник, — Решил обдурить самого черта? Хера с два. Или наследник или останешься ни с чем.

Они смотрели друг другу в глаза, а у меня выступил холодный пот на спине и задрожали колени.

За обедом все молчали. Стучали вилками и ложками и максимум шептались. Мне казалось, что обо мне. Я ловила на себе их взгляды. Так смотрят собаки из подворотни, когда кто-то украл их кусок тухлого мяса. Внезапно свалившееся на меня «счастье» назвать иначе я не могла. Хан сидел рядом со мной, развалившись на стуле и презрев все правила этикета, как всегда ел жадно руками. Официант приносил ему добавку, подливал в стакан темно-бордовый

напиток и стоял за спиной готовый выполнить малейшую прихоть.

А я ежилась как от змеиных кусов и буквально кожей ощущала взгляды его семейки. Особенно пристально на меня смотрел глава семьи. И мне было страшно. Этот человек меня возненавидел с первого взгляда. Если и есть кто опаснее самого Тамерлана — это его дед. Особенно при том, что он рассчитывал женить внука на другой женщине.

— Ешь, — уже привычный приказ возле уха, а я ковыряю вилкой и кусок в горло не лезет. В голове крутятся слова деда насчет наследника. От одной мысли об этом я покрываюсь гусиной кожей и мой желудок готов исторгнуть все содержимое.

— Ешь, мне не нравится, что ты худеешь. Скоро не за что будет держаться.

Это звучало как путь к спасению. Перестать ему нравиться и больше никогда не чувствовать на себе его мерзких ласк и не ложиться под него, стиснув от боли зубы.

— Перестанешь меня возбуждать — откручу голову и выкину.

Судорожно сглотнула и вилка дрогнула в руке.

— Пока я хочу тебя трахать — ты жива. Так что старайся мне нравиться.

Я насильно впихнула в себя кусок мяса и запила соком. Мясо оказалось на удивление вкусным и тающим во рту. Аппетит пришел во время еды, и я почти все доела.

— Молодец. Люблю, когда ты послушная. Меня это заводит.

И положил руку мне на колено, заставив сжать бокал пальцами. Погладил ногу и потянул материю платья вверх. Я отодвинулась и резко встала.

— Куда? — глядя на меня исподлобья, сжимая вилку мощными пальцами.

— Мне надо.

— В туалет? Называй вещи своими именами и станет жить проще.

Кивнула и вышла из-за стола. На самом деле, не зная куда идти, но везде дышалось легче, чем рядом с ним. Я пошла в сторону дома, наивно надеясь, что сразу же найду нужное мне помещение. Но оказавшись в доме я словно попала в средневековую крепость. Все двери похожи одна на другую. Направилась по коридору вперед, стараясь не смотреть на головы животных с оскаленными пастьми и на висящие на стенах мечи и ружья.

— Вы видели эту ...эту белобрысую шлюшку? Как он посмел привести ее в наш дом?

Отшатнулась назад и прижалась спиной к стене. Дверь в одну из комнат была приоткрыта и там явно говорили обо мне.

— Отец Жаргал не простит. Идиот Тамерлан. Променять такую женщину на убожество. Во что одел ее. Привел бы голый.

— Плевать. Он ее вышвырнет через месяц-два. Она ни о чем. Тупая и молчаливая моль. Смотрит, как загнанная телка своими глазами и хлопает ресницами. Он заскучает с ней. Нет ни искры, ни изюминки.

И меня задевало. Почему-то ужасно задевало, что они так говорят обо мне. Хотелось ворваться туда и оттаскать обеих за волосы. И плевать, что это дом самого Дугур-Намаева. Я не знаю кто они и знать не хочу.

— Думаешь? Видала, как смотрел на нее? Как будто сожрать готов и кости обглодать. Даже на Чимэг не смотрел так...

— Чимэг мертва. ее смерть была жуткой и эту русскую рано или поздно ждет тоже самое. Скорей бы!

— По завещанию Тамерлан должен вернуться в этот дом.

— Только этого не хватало. Я не стану жить с белой пигалицей под одной крышей. И дети мои с ней за один стол не сядут.

— Уже сидят. Она же здесь на ужине.

— Интересно он свою убогую привезет? Покажет наконец-то людям? Или так и будет держать как чудище взаперти?

— Спрячет снова. Стыдится ее. Позор, выставленный напоказ. Исчадие ада породило такое же исчадие и все пороки видны налицо.

— Где он откопал эту шлюшку? В каком притоне нашел?

— В какой-то очередной подворотне, куда навевывался постоянно. Денег дал. Кто согласится за него выйти? Он же жуткий и мерзкий! Только ради бабла! Да и чудище его безноего никому не сдалось.

Не совсем понимая, о чем они говорят я все равно не вытерпела. Меня вдруг накрыло. Произошло замыкание внутри, и я в ярости распахнула дверь настежь. Увидела двух женщин, стоящих на балконе с дымящимися чашками и гневно посмотрела на обеих.

— Говорит за спиной только тот, кто до смерти боится сказать всю лживую мерзость в глаза.

Они в удивлении уставились на меня.

— А теперь можете повторить. Давайте. Что замолчали?

Но они словно языками подавились, их рты чуть приоткрылись и в глазах промелькнул искренний ужас. Что, сучки злобные не ожидали? Давайте скажите мне в глаза свои мерзости!

— Мои тетушки любят поливать грязью только шепотом и только втихоря. — раздался голос Хана за спиной и его руки легли мне на плечи. — потому что сказать мне это в лицо кишка тонка и памперсы слишком дешевые — протекают. Да, Цэцэг? Ты знаешь, что такое памперсы? Или твой муж все еще взбирается на тебя вхолостую? Или уже не взбирается? Сколько у него бастардов?

Молодая женщина в сиреновом наряде судорожно сглотнула ее глаза сверлили Хана ненавистью, но она не перечила.

— А ты, Оюун, так же красноречива была, когда при тебе невинную убивали или язык в зад заткнула и молчала, как трусливая ослица?

— Я не виновата в смерти Сарнай! Не смей меня обвинять!

Пальцы на моих плечах, как клешни сдавили меня.

— Я буду говорить и делать все что захочу. Слушай меня и слушай внимательно! Одно неверное слово в ее сторону, один неверный взгляд, и я вас не пощажу. Три шкуры спущу. Теперь в этом доме все принадлежит мне.

Та, кого он назвал Оюун поморщилась и выплюнула, как каркнула.

— Сначала пусть твоя родит, а потом своим все называй. Одна уже родила тебе!

— Молчать! — тихий рокот заставил ее замолчать и прикусить язык, — Если хочешь оставаться в этом доме, а не разделить судьбу Чэмег.

— Ты не посмеешь!

— А кто меня остановит? Ты знаешь кого-то, кто на это способен? Твой муж?

Развернулся и крикнул кому-то:

— Пусть сюда зайдет Мунх. Сейчас.

— Не надо! — прошептала Оюун.

— Что не надо?

— Не трогай его.

Хан дернул головой, склонил к одному плечу, потом к другому. На балкон вошел мужчина с шапкой в руках и заискивающе улыбнулся Хану.

— Здравствуй, Мунх.

— Рад видеть тебя. Тамер...

— Хан!

— Хан...

— Очень рад?

— Не надо! — вскрикнула Оуюн, а я не понимала, что происходит, но дышать стало трудно, как будто предчувствовала, что сейчас что-то случится.

— Конечно рад.

— Вот и хорошо. Я забыл почистить свои туфли. Стань на колени и вытри их своим галстуком.

— Не смей! — Оуюн бросилась к племяннику, но тот отшвырнул ее в сторону и хищно посмотрел на ее мужа, глазки которого бегали туда-сюда.

— Давай. Почисть мне туфли, Мунх. Ты ведь знаешь, что должен это сделать верно?

Через минуту я, содрогаясь от жалости и какого-то отвратительного чувства внутри, смотрела как муж его тети чистит своим серебристым галстуком туфли Хана, оттопырив зад и заметая пол лапами пиджака. Оуюн тихо плачет в стороне, а вторая тетка смотрит на все это широко распахнутыми глазами.

— Хватит. А теперь подойди к своей жене и засунь этот галстук ей в рот.

Тот встал с колен, а я смотрела на весь этот кошмар и онемела от ужаса. Никто и никогда не унижал людей на моих глазах, не ущемлял их достоинство таким ужасающим способом.

— Я сказал засунь ей в рот свой галстук.

И... я не поверила своим глазам — Мунх пошел к своей жене, снимая на ходу галстук. Когда он ломая ее сопротивление, прижал женщину к стене я закричала:

— Хватит! Не надо!

Тамерлан обернулся ко мне. Его глаза блестели от удовольствия. Он искренне наслаждался происходящим. И меня это заставляло содрогаться.

— Хватит. Прошу! Пожалуйста. Пусть они уйдут.

Я не ожидала, но Хан вдруг рявкнул:

— Пошли вон обе. Вы мне действуете на нервы. Отправляйтесь на улицу или на свою половину. Завтра в этом доме будут иные законы.

— Отец еще жив! — тихо сказала Цэцег.

— Мне это не мешает вышвырнуть вас обеих к такой-то матери. Теперь я здесь хозяин!

— Сначала выполни условия!

— Считай они уже выполнены! — и клацнул на нее зубами так что она подпрыгнула и шарахнулась в сторону. — Брысь пока здесь не начал ползать уже твой муж и лизать мне зад!

Сестры Дугур-Намаевы выскочили с балкона вместе с мужем Оуюн, а Хан оставил мои плечи и отошел к перилам. Мое сердце тревожно билось. Сцена, свидетелем которой я стала была настолько отвратительной, что я до сих пор дрожала.

— Смело — напасть на змей у них же в гнезде.

— Я не боюсь змей.

Резко обернулся ко мне и без того узкие глаза сузились еще больше.

— А кого боишься? Меня?

Дернул за руку к себе.

— Да. Вас боюсь.

Уголок его рта слегка дернулся вверх. Жуткое подобие улыбки. Иногда мне казалось, что этот человек не умеет улыбаться.

— Люблю твою откровенность. Только до сих пор не понял это недостаток или достоинство.

Отпустил мою руку и провел ладонью по моим волосам, убрал их назад за ухо, грубо провел пятерней по лицу, сжал шею, спустился ниже, сдавил грудь. Его ноздри раздулись и сжались, затрепетали, а глаза почернели.

— Закрой дверь на балконе и иди сюда.

Внутри все взметнулось в протесте, но я заставила себя огромным усилием воли подавить этот всплеск и подчиниться. Закрыть дверь. Вернуться к нему. Тяжело дыша. Пытаясь подготовиться к тому, что сейчас последует. Я твердо решила выжить... Выжить и попытаться вернуться домой. Если Зимбага права то у меня должно получиться это сделать.

— Развернись ко мне спиной, держись за поручни и прогнись.

Но я не пошевелилась. Упрямо качнула отрицательно головой.

— Я сказал развернись и наклонись. Придется потерпеть. Я хочу тебя трахнуть.

— Поцелуйте меня. — вышло неожиданно.

Он в недоумении тряхнул головой.

— Что?

— Поцелуйте меня... вначале.

— Зачем?

Двинулся ко мне, нависая скалой, отодвигая назад к поручням.

— Не знаю... так положено... целовать свою женщину.

— Кому положено? — спросил и оперся руками на поручни, зажимая меня в капкан.

— Мужу... — подняла голову и осмелилась посмотреть ему прямо в глаза. Чернота была настолько черной, что в ней потерялось даже мое отражение. А лихорадочный блеск ослеплял меня своей необратимой тьмой. Мне вдруг стало страшно что он ударит меня за наглость и неповиновение, особенно когда Хан наклонился ко мне.

— Кто-то это делал с тобой раньше? Целовал тебя?

— Нет, — отрицательно качнула головой и почему-то посмотрела на его губы. Они были алыми, красиво очерченными, сочными. Самыми красивыми на его грубом с резкими чертами лице.

— Твой Паша... разве не целовал? Отвечай!

Буквально сжимая меня в кольцо, выкачивая весь кислород вокруг нас и хочется судорожно ловить губами воздух.

— Нет... никто не целовал. Вы будете первым.

И, приподнявшись на носочки, ткнулась губами в его губы мысленно помолвившись и попрощавшись с мамой Светой. Но он вдруг отшатнулся от меня, как от ядовитой и сдавив мне лицо ладонью толкнул назад. Тяжело дыша, глядя мне то в один глаз, то в другой.

— Никогда... ничего... не... делай... пока... я...не ...приказал! Поняла?!

Испуганно кивнула и слезы навернулись на глаза. Схватил за руку и потащил к двери, распахнул ее и поволок меня по коридору.

— Куда? — испуганно спросила.

Но он не ответил и втолкнул меня за одну из дверей, чуть ли не споткнувшись я оказалась в

туалете. Напротив своего отражения с глазами наполненными отчаянным ужасом и слезами. Зимбага ошиблась. Ему не нужны шаги навстречу. Он животное. Дикое, страшное и равнодушное. За ласку загрызет. Но было еще что-то... он впервые не взял меня. Отпустил. И... его глаза. На секунду мне показалось что в них появились недоумение и страх.

Глава 13

РАНЕЕ

Дед вернул его домой. В семью, из которой он сбежал и семьей никогда не считал. Батыр приложил максимум усилий, чтобы блудный внук согласился начать все сначала, но даже не предполагал какого зверя пускает к кормушке и чем это аукнется всему клану потом. Жестокий, беспринципный, грубый и невоспитанный по законам семьи Тамерлан, едва только переступил порог особняка Золотого Скорпиона, сломал всю систему. Но обратной дороги не было. Он нашелся, а значит теперь являлся частью клана и отказаться от него не могли.

Дед завел его в столовую и представил всем родственникам. Лживые, лицемерные суки сделали вид, что рады ему. Целовали и обнимали, сокрушались об исчезновении, смотрели в глаза и сладко улыбались, а он думал о том, что с удовольствием вспорол бы им всем горло, набрал полный бассейн их крови и утопил в ней тела, надев каждому золотую глыбу на шею.

Дядя подошел тогда к нему и крепко обняв, похлопал по спине.

— Вымахал! Гладиатор! — захохотал и ударил кулаком в плечо и тут же скорчился от боли. Племянник перехватил руку Алтана и сдвинул его кулак пальцами с такой силой, что тот присел на полусогнутых.

— Эй! Полегче!

Усмехнулся в ответ и тоже ударил дядю по плечу. Переводя все в шутку, но их взгляды скрестились, как два клинка. Единственный и любимый сын Батыра понял, что внук явно не войдет в число добрых родственников и не собирается уступать место в иерархической лестнице прямому наследнику. Дед забрал Хана в свой кабинет, налил виски и заставил выпить до дна.

— Дугур-Намаевы должны жить под одной крышей и быть одним целым. Мы — империя. Нас боится каждая тварь в этом городе и в этой стране. Золото правит миром, а все золото мира проходит через эти руки.

Он раскрыл ладони и показал их Тамерлану.

— Я хочу научить тебя, чтобы оно проходило и через твои. Бросай свою блажь. Намахался кулаками и хватит.

Если бы он мог бросить, если бы мог объяснить, что спорт — это та отдушина, в рамках которой он может выплескивать свой неконтролируемый гнев. Получая удары в грудь, в живот, в голову, по ребрам, подвергая свое тело насилию он освобождается от демонов, которые сжирают его заживо. Боль не дает жажде мести поглотить Тигра и вырезать весь клан Дугур-Намаевых. И он держался, хоть это было и непросто. Но детские кошмары никуда не делись, они рвались наружу, они продирались сквозь сон и заставляли его вскакивать с мокрых простыней и, тяжело дыша, бежать к холодильнику, чтобы вылить на голову ледяную воду, отрезвляя себя, возвращая в мир реальности.

Она ему снилась — его мать. Мертвая, обезображенная, окровавленная тянула к нему руки и спрашивала: «Ты отомстил за меня, Тамерлан? Ты заставил их харкать кровью? Ты отрезал их обогранные руки? Вырвал языки, которые не вступились за меня? Ты простил их... сынок... сыночечееек, ты их простил? За золото? Продал меня?». И ему казалось, он превращался в безумца. Кричал и бился в стены своей комнаты, колошматил по ним, сбивая руки в кровь. Все заканчивалось так же внезапно, как и начиналось. Он застывал. Смотрел в одну точку и осознание начинало возвращаться. Иногда ему казалось, что вместо стен он бьет своего отца, дубасит, как тряпичную куклу, убивает снова и снова.

Дед предложил подлечиться в клинике, не зная истинной причины, видя только последствия и ремонтируя комнату за комнатой. Но Хан отказался. Живо заинтересовался бизнесом деда. Настолько живо, что переплюнул в этом даже любимого Алтана на которого Батыр возлагал все надежды.

Но внук оказался более способным и Батыра распирало от гордости. Он видел, какой трепет в людях вызывал Тамерлан. Его боялись на первобытном уровне, подсознательно, совершенно неосознанно. Боялись без исключения все. Даже свои.

Его сила и властность произвели должное впечатление. Он был тем, кто мог дать отпор самому Батыру и не стеснялся указать на его промахи. Батыр давал ему свободу. Имея огромный капитал, связи по всему миру, надежную защиту в лице видных политиков и сильных мира всего, Дугур-Намаев старший мог себе позволить дать внуку совершить ошибки и набить свои шишки в семейном бизнесе. Но к удивлению старика, Тигр не только не набил шишки, он нашел новые лазейки для сбыта, пробил каналы и связи в Африке и в Израиле, куда раньше был закрыт ввоз золота так как имелись свои источники.

Лишь один раз они схлестнулись, когда Тамерлан жестоко потопил конкурентов, скупил все активы и все поняли чьих рук это дело.

— Слишком грязно для нас.

— Бизнес — это изначально грязь. Или ты хочешь пожалеть их?

— Я хочу, чтобы ты действовал иначе, Лан.

— Иначе это как? Я подсидел их, я нашел слабое место и месяцами ожидал пока они оступятся. Я отжал для нас мелкое «датское королевство» с начальной стоимостью в миллиард.

— Адам Фон Бергольц застрелился, его жена в реанимации, а дочь пыталась наложить на себя руки. Кстати, он мечтал, что однажды ты на ней женишься.

Тамерлан расхохотался, глядя на деда.

— И что? Мне расплакаться от жалости и вернуть им их бизнес?

— Ничего. Можно было действовать благородней.

— Я готов взять себе их собаку. И один раз вые***ть его дочку так уж и быть... Ладно — два раза. Она блондинка?

Дед какие-то доли секунд молчал, а потом хлопнул внука по плечу и тоже расхохотался.

— Сукин сын! На самом деле я горд. Ты их сделал. Отодрал красиво и больно, прямо в девственный зад. Я pošлю им венок от нашей семьи. И еще... ты должен жениться.

— Кажется об этом мы не договаривались.

— Значит пришло время договориться. Я нашел тебе жену.

— И кто это?

— Чимэг. Дочь одного из моих партнеров. ее отец вчера сделал мне заманчивое предложение, и я не смог отказаться.

— И в чем подвох?

— Ни в чем. Говорит дочь в девках засиделась. Предложил взять, и я согласился.

— Вместо меня?

— Вместо тебя. Брак — это тоже бизнес в какой-то мере.

Она ему понравилась. Насколько вообще могла нравиться женщина такому, как он, чей опыт ограничивался проститутками и шлюшками. Кто никогда не целовался потому что брезговал дотрагиваться до продажных девок, а с нормальных отношений никогда не было. Чимэг — милая, молчаливая, невысокого роста, крашеная блондинка с раскосыми темными глазами, пышным телом и роскошным задом. Он лишил ее девственности в первую брачную ночь и уехал на сборы перед турниром. Не видел около месяца, а когда вернулся решил, что будет хорошим мужем. Не таким, как его проклятый отец и даже дед. У него все иначе, как у людей.

Осыпал жену подарками, золотом, бижутерией, дорогими шмотками, подарил три тачки, меха, гаджеты. Хотел, чтоб она была счастлива. Чтоб ей было с ним хорошо. Но хорошо было только ему и то условно. Она тратила его деньги налево и направо. А по ночам ложилась на спину и раздвигала ноги, молча позволяя ему себя трахать или становилась на четвереньки и оттопыривала задницу. Без эмоций, без страсти. Иногда поскуливала, когда он злился на этот

холод и намеренно натягивал ее яростно и жестоко, долбился по самую матку отбойным молотком, удерживая ее за волосы и оставляя синяки. Хоть какие-то эмоции. Все так же без поцелуев и ласк. Ничем не отличаясь от шалава.

У нее все было маленькое там, узкое. По началу он старался быть нежным, старался даже заставить ее испытывать удовольствие, но у него не получалось. Или ей это было не нужно. Впрочем, он привык. Быть им ненужным. Насрать. У него есть то, что нужно им всем — жирный кошелек, набитый золотом и увесистая фамилия под гнетом которой прогнется каждая тварь.

Да и секс можно получить где угодно и от кого угодно. Если он хотел, чтоб под ним выли и стонали, то шел к блядям. С Чимэг он выполнял долг и делал наследников. Но иногда, когда накрывало, брал ее с особой жестокостью, вгонял член по самые гланды, чтоб давилась до рвотных спазмов, и трахал часами во все дырки так, чтоб она потом сутками отлеживалась в постели и принимала у себя врача. Пару раз ей наложили швы, но он не расчувствовался разве что дал ей перерыв от себя и не входил к ней в спальню. Ничего, она тратит предостаточно его денег, чтоб терпеть. Чимэг действительно ни на что не жаловалась. Она была прекрасной хозяйкой, гостеприимной, красивой, ухоженной.

И он постоянно думал о том, что это с ним, блядь, что-то не так. Он не такой. Уродливый, неотесанный, огромный. Если бы не его бабло, то эта миниатюрная сучка с ним бы не жила и замуж не вышла. Никто бы по доброй воле не вышел. И по хуй.

Он перестал ее драть, когда она забеременела. Они ждали сына. Тамерлан мечтал о мальчике, представлял себе, как воспитает из него свое продолжение, мужчину. Он вырослел и вместе с возрастом пришла ответственность за себя, за семью, за будущее потомство. Уже самому захотелось осесть, и он оставил спорт. Дед радовался. Родственнички рвали и метали, но виду не подавали.

Хан купил огромный дворец. Шикарнейшее, громаднейшее чудовищно красивое строение. Множество спален, три необъятных этажа, десятки комнат, которые никогда не станут жилыми разве что наступит средневековье и дворец станет пристанищем самого царя и его двора. Хан украшал жилище, скупал антиквариат, красивые статуи, дорогущие картины, эксклюзивную мебель, дизайнерские ковры, сотканые лично для него, стоящие баснословных денег. Он даже приказал сделать искусственное озеро и запустил туда пару лебедей.

У него было все, что может пожелать человек. Свои тачки, три бассейна, четыре конюшни с самыми породистыми лошадьми, десять из которых неизменно участвовали в скачках. Но иногда он все же возвращался к боям. Чувствовал, что ему надо. Выпустить пар. Набить морду, сломать кости. Несколько дней в году он уезжал на один из турниров и дрался до полусмерти.

Перед родами решил, что уедет в последний раз. Родится сын и с боями будет покончено. Тамерлану даже казалось, что его жена начала меняться и между ними появилось некое тепло. Нечто похожее на привязанность. Пару раз он приходил к ней в спальню, и она с удовольствием отсасывала ему так, как он любил, даже старалась. Иногда он клал руки к ней на живот и слушал как бьется его сын внутри ее тела. Врач обещал им сына. Хан даже придумал ему имя и представлял как научит драться.

Чимэг родила пока он был на турнире в Тунисе. Без нормальной связи. Он даже не знал, что стал отцом... Не знал, что начался обратный отчет до того момента пока человек в нем захлебнется в вонючем болоте из грязи и предательства и возродится чудовище.

Почуял неладное еще в аэропорту, когда приземлился личный самолет и начальник охраны склонив голову проблеял, что Чимэг исчезла из роддома.

Он мчался туда как бешеный, сломя голову, продрался в больничный покой, расшвырлял врачей, втиснулся в отделение для младенцев и застыл возле кювета, где лежала его дочь. Она родилась недоношенной с врожденной аномалией — у нее не было обеих ног чуть выше колен и пальцев на правой руке. Позже врач объяснит, что это генетическое заболевание и чаще всего оно встречается в семьях с кровосмесительными браками.

Он еще не совсем понял, что происходит... понять не мог куда исчезла его жена. И не сразу поверил даже когда увидел своими глазами, как она собирает вещи, как лихорадочно одевается, звонит кому-то и удирает из больницы через черный ход, даже не попрощавшись с их новорожденной дочерью.

Потом Хан узнает, что она обнулила все свои счета еще до родов, вскрыла в доме сейф и забрала золотые слитки... а вместе с ней исчез и ее доктор, обещавший им здорового сына.

Он нашел их обоих через три месяца. В Таиланде на курорте. Она к тому времени сменила имя, как и ее доктор. Хан следил за ними сутки. В их номера поставили жучки и камеры, и он слушал как она стонет, как орет, как кончает, как с упоением сосет член своего гребаного любовника и просит отодрать ее пожестче. Потом они разговаривали... о нем. Как специально, словно подписывая себе смертный приговор и пробуждая в нем зверя.

— Я ждал пока это случится. Ждал, когда ты уйдешь от него ко мне!

— Я не смогла больше... Не смогла ждать пока сдохнет его дед. Нам хватит и этих денег до конца жизни. Когда он выкупил эти слитки я поняла, что это конец... что рожу эту ... и сбегу с тобой, любимый.

— Не скучаешь по дочери?

— По этому уродцу? Нет. Я испугалась, когда увидела ее. На него похожа. Ничего моего. Волосатое чудовище. От ублюдка могли родиться только уродцы.

— Я боялся, что в тебе проснутся материнские чувства.

— Только к твоим детям, любовь моя.

— Каждый день ненавидел его за то, что трахает тебя! Если бы мог — убил бы его!

— Брось. По-настоящему меня трахал только ты. Забыл? Кто лишил меня девственности? И кто потом ее восстанавливал?

— Мне хотелось тебя убить.

— Ммммм... помнишь, как мы сказали, что ты наложимл мне швы и я всю неделю ездила к тебе в клинику и мы там...

— Хватит о нем!

— Лучши трахни меня... о дааа... да мой лев! Он никогда не умел это делать, как ты. Вылижи меня... оооох... да... дааа вот так. Войди, когда я буду кончать аааааааааа....

Их смерть была мучительной и жуткой. Их вывезли прямо из отеля и привезли в один из их ресторанов, который сука купила на деньги вырученные с его слитков. Хан курил кальян и смотрел, как они оба варятся живьем в огромном чане для мяса. Их останки скормили бродячим псам одного из нищих районов Таиланда.

Когда вернулся домой первым делом сделал тест днк, который показал, что отец ребенка — это он. Следующим шагом были анализы и проверки, поиски причин. И они были ему озвучены... генетические аномалии, сразу несколько хромосомных заболеваний.

Вспомнился бессвязный бред Тахира.

«Сука она... развратная дрянь. Извращенка. Да! Бил! Как думал с кем она... и бил. Как видел рядом с этим... и бил... Любил ее. После всего любил. Никогда бы мне не сосватали. Никогда. Мечтать не смел. Думаешь я виноват? Она заслужила! Чтоб не знал никто мне ее спихнули... прикрылись мной... а она...она тварь... она со своим... с братом»

Он не дал ему тогда договорить. Убил. А теперь вспомнилось все и сложились пазлы в картинку. Мерзкую, настолько отвратную, что Тамерлан задохнулся от гадливости. Под пытками одна из горничных призналась, что видела, как Алтан свою сестру развращал. Потом признался и он сам. Все рассказал, пока еще язык во рту был. Он говорил, а Тамерлан задышался, представлял боль Сарнай и стонал, стискивая пальцы в кулаки.

Когда член дяди отрезал и в рот ему забил, а кишки намотал на вертел, только тогда смог дышать спокойно. Его кровью был залит весь дом. Каждый угол дворца, подаренного дедом своему единственному сыну. А наутро он уехал, оставив после себя кровавое побоище. Ни одна живая душа не узнала кто на самом деле убил Алтана Дугур-Намаева. Ни одна, кроме членов его семьи.

Именно тогда его проклял дед и отказался от него... Они считали, что Хан убил дядю из-за наследства, ведь накануне дед сказал, что вся империя будет принадлежать единственному настоящему мужчине в их семье.

Глава 14

Он хотел увидеть лицо деда в тот момент, когда тот заметит девочку в такой откровенной одежде, а потом узнает кто она такая. Как вызов лживой скромности и благодетели этой семейки, где все красуются в масках святых апостолов и прикрывают свои омерзительные пороки, пытаются выглядеть ангелами. Больше всего Хан ненавидел лицемерие и ложь, и чуял вранье за версту. Нигде не было такого грязного болота из фальши, как в этом доме.

Девчонка должна была стать красной тряпкой для старого скорпиона, потрепать ему нервишки. Хан наслаждался тем, как она выделялась среди них в своем блестящем платье. Бросалась в глаза яркой и экзотической красотой. Он видел, как вспыхнули злобой глаза тетушек и двоюродно-троюродного сброда, населявшего дом деда, как отель с полным пансионом за счет владельца. Они смотрели на нее так же, как и он, когда впервые увидел. Потому что внешность Лебеда притягивала взгляд и заставляла смотреть снова и снова. В ней была порода, несмотря на юный возраст, несмотря на то, что она мало говорила и практически не на кого не смотрела.

Нет, его уже давно не волновали яркие обертки, блески и фантики. Да, Хан выбирал себе очередную игрушку так, чтоб член колом вставал и яйца наливались, но не более. Покапать слюной, отыметь и равнодушно пойти дальше. С Ангаахай изначально все было точно так же. Но с каждым разом ему хотелось еще и еще. Нескончаемая похоть и выделение слюны. Трясучка как за наркотиком. И чем сильнее тянуло, тем больше хотелось ее отшвырнуть от себя подальше. Возможно эта обертка оказалась смазливее и совершеннее всех других, и Хан отдавал себе в этом отчет. Ничего, рано или поздно ему надоеет эта маленькая дурочка с роскошным телом и тогда... А что тогда?

Попытался представить, как избавляется от девчонки и невольно передернул мощными плечами. Внутри неприятно сковырнуло. Наверное, потому что еще не наигрался. Что такое жалость Хан забыл так давно, что был не уверен знал ли вообще.

А еще ему нравилась за ней наблюдать. Она была забавным зверьком. Умела его удивлять. Первое впечатление было ошибочным. На вид бесхребетная жалкая птичка оказалась не такой уж и беззащитной. Протест был во всем, что она делала, в каждом взгляде и жесте. Но никогда не высказывался явно и агрессивно. Как будто интуитивно понимала, что с ним это не прокатит.

Хан терпеть не мог стерь, у него была стойкая аллергия на хамоватых бабенок, возомнивших себя чем-то большим, чем дырка. Попросту дешевая подстилка, пытающаяся выставить свои отверстия золотыми. У него тут же возникало стойкое желание свернуть им шею. И бывало он себе не отказывал в удовольствии прикрыть чей-то грязный рот.

Тамерлан потерял ее из вида, когда дед попытался скормить внуку очередную ересь о рождении наследника. Размечтался. Никаких внуков, правнуков от него он не дождется. С размножением покончено. Одного раза более чем достаточно. Настолько достаточно, что от одной мысли об этом всего передернуло. Обернулся, а девчонка исчезла. Отсканировал местность, выхватил цепким взглядом забор, внешний фасад дома, сад, вольеры с псами, гостей. Нигде нет.

Отпрянул от деда и без объяснений пошел в сторону дома. Долго искать не пришлось. Ушам не поверил, когда услышал ее голос. Обычно он был тихим, робким, а сейчас дерзким и с вызовом. Остановился позади нее, глядя на длинные, волнистые волосы, распущенные по спине, на тонкую талию и стройные ноги. Невольно вспыхнула перед глазами картинка, как наматывает эти волосы на кулак и вонзается в нее сзади. Захотелось болезненно застонать. Но вместо этого он прислушался к тому, что она говорит и довольно ухмыльнулся. А птичка не так проста, как казалась. Только она не знает перед какими змеями стоит и что каждая из сестер Дугур-Намаевых способна проглотить Ангаахай без соли, и кости ее растворятся в их кислоте, задымятся от их жгучей ненависти. Набросятся, как стая голодных ворон, и выключат ей глаза. Они бы так и сделали, если б не заметили его позади девчонки и не отпрянули назад.

И она, смешная, маленькая, сжимала кулаки и продолжала что-то им говорить, думая, что это ее они испугались.

Это была его личная минута славы, когда он унижал их при русской, которую они ни во что не поставили. Он знал, что и не поставят. Даже несмотря на то, что она его жена для Дугур-Намаевых будет всего лишь русской шлюхой. Тогда как сука Чимэг была с ними одной крови и оказалась тварью, каких поискать. Развратная, подлая гадина планировала его отравить после смерти деда. Хан помнил, как нашел в ее вещах капсулу с ядом. Узнал откуда она привезена, у

кого куплена и зачем. Никаких сомнений в том, что капсула предназначалась для Тамерлана не осталось.

Когда тетки оставили их одних Хан готов был разорваться от накрывшей его волны возбуждения. В воспаленном мозгу полыхало лишь одно желание — взять ее. Погрузиться в нежную мякоть и успокоиться. Разрядить в нее свою ярость и испытать острое физическое удовольствие. Он бы так и сделал... если бы нее дурацкое «поцелуй меня», заставившее застыть в недоумении. словно в его четко отлаженной системе наступил сбой. К нему никто и никогда не прикасался, чтобы приласкать. За всю его жизнь. За все двадцать пять лет после смерти матери.

Его били, драли когтями, кусали, драчили член, сосали до иступления, трахали, но не целовали. Поцелуй — это нечто чистое и светлое, с другого измерения. Оттуда, где всегда больно, где все покрыто кровавой коркой и стоит едва тронуть — она оторвется и мясо вывернется наружу. Там ничего не зажило за эти годы. Ласки и поцелуи... они оттуда, где агония. А агония осталась в прошлом, и никто не может и не имеет сраного права вернуть Хана туда. Особенно эта маленькая сучка, которая посмела коснуться его своим ртом... коснуться едва-едва, но достаточно для того чтобы его пронизало током, чтобы все тело вытянулось в струну, а кожу губ обожгло от ее нежных и мягких прикосновений. На долю секунд захотелось наброситься на ее пухлый по-детски рот, с выпуклой капризной нижней губой, накинуться и сожрать, зажевать, затянуть... попробовать на вкус ее слюну, ее дыхание, ее голос, пососать язык, вылизать десна и небо. Впервые. Как ударом молотка в ребра. Неожиданно и до спазма в легких. И тут же возникло уже знакомое и едкое желание схватить девушку за горло и сдавить до характерного хруста за то, что посмела его касаться. Посмела заставить захотеть целовать ее. И испытать боль от понимания, что это лживый порыв... хитрая дрянь пытается выжить любой ценой. Выдрать с нее все перья и сломать лебединую шею... как той нежной птице в озере.

Зашвырнул ее в туалет, а сам заперся в мужском и долго смотрел на свое отражения, трогая изрезанными подушками пальцев свои губы там, где их касались ее. Их жгло. Хотелось тереть до крови, чтоб унять зуд...нет, не отвращения. Зуд неутоленного любопытства, зуд желания ошутить еще раз, что это значит, когда тебя целуют.

Гребаный, не доласканный, жалкий пацан высунулся с темного угла куда его забили сапогами двадцать пять лет назад и посадили на цепь, он жалобно протянул руки за милостыней, пока Хан не отвесил ему по ребрам железной дубиной так, что тот выблевал свои кишки, глядя в зеркало на бородатое лицо себя взрослого и не уполз, волоча тонкие сломанные ноги обратно в свой вонючий, зассанный угол подышать от разочарования.

Хан сбрызнул лицо ледяной водой, протер глаза, вымыл губы, прополоскал рот и сплюнул в раковину, вытер полотенцем лицо и бороду.

Сунул руку в карман и, нахмутив брови, достал смятый лист бумаги. Разве он не потерял его пару дней назад? Он не помнил, как клал его в карман сегодняшнего костюма. Или это очередные проделки Зимбаги. С ее попытками... глупыми и бесполезными попытками заставить его стать тем, кем он быть не умел и... не хотел.

Эрдэнэ... при мысли о ней в горле застрял ком и там, где у людей имеется сердце стянуло железным обручем из-за попытки вдохнуть полной грудью.

Ему сказали, что она умрет. Не проживет и несколько дней. Что он тогда испытал? Он не знает этому названия. Потому что думал уже никогда не сможет этого почувствовать, не сможет согнуться пополам и захрипеть от невозможности вытерпеть... Проклятая человеческая сущность, которую он выводил из себя, вытравливал, выжигал. Как бы не старался любить в этой жизни только одного человека — себя... ощутил, что за это жалкое, безногое, беспомощное существо готов отдать душу дьяволу.

И насрать кто ее мать. Она его. Он ощутил это всем своим огрубевшей, заиндевевшей душой и... не захотел принять. Не знал, что чувствует к ней. Но точно знал, что потерять ее равносильно тому, что он потеряет самого себя.

Он чувствовал боль. Агонию. Ломку от которой выкручивало кости. Больно даже сделать вдох или выдох. Горло раздирало и распирало раскаленным, першащим песком. Вонзаясь в самое сердце тонкие лезвия резали его, кромсали, перемешивали в фарш все внутренности. Его выворачивало наизнанку пока сидел в детском отделении и ждал... ждал, когда существо умрет.

А перед глазами мелькали картинки из прошлого. Из самых ярких и изматывающих кошмаров.

Они были острыми и натуралистичными настолько, словно все произошло несколько минут назад. Он потерял единственную любимую женщину — свою маму. Никогда в своих мыслях он не называл ее «мать». Только мама или Сарнай, или... или плачущий кровью мальчик шептал в тишине больное и обнаженное до костей «мамочка». Он любил ее до сумасшествия. Боготворил. Вознес высоко на пьедестал и ...не позволял себе заходить в склеп своей души потому что похоронил ее вместе с Сарнай.

Как же ему хотелось ее защитить, убить каждого, кто посмел косо смотреть или обидеть. И эти вопли... Он слышал их как наяву. Содрогался вспоминая, как видел одну и ту же ужасающую картину — женщину на коленях, закрывающуюся руками и нелюдя, замахивающегося ремнем или пинающего ее ногами в живот и в лицо. А иногда... иногда этот нелюдь взбирался на нее сверху и дергался на ней, пока она стонала от боли. Он скалился, рычал, а маленький звереныш кидался на него и пытался стащить с матери за что получал кулаками по голове и оказывался запертым в погребу.

Иногда он слышал молитвы. Она просила у бога защитить ее сыночка, уберечь его от боли и невзгод, просила для него счастья и любви. Маленький Хан обнимал ее, подставляя лицо поцелуям, прижимаясь к ней всем телом и жмурясь, чтобы не видеть синяки на ее лице.

— Прости, мой маленький... прости, что видишь это все... если бы я могла тебя защитить... если бы могла уберечь. Заботься о своих детях... жизнь отдай за них... ты сможешь, ты сильный, я верю в тебя. А об этом... Ты вырасти и забудь. Заклинающую. Забудь.

Но он не забыл. Он помнил все до мельчайших подробностей и никогда не позволил бы себе забыть... Но запрещал ворошить воспоминания. До того, как не увидел Эрдэнэ в кювезе и не услышал приговор врачей... Слова мамы пульсировали в голове, отдавали в виски и ныли как свежие ссадины или синяки.

Это был самый адский день в жизни врача.

Хан ворвался в его кабинет и швырнул ему сотовый, где на само воспроизводящемся видео жена хирурга и его малолетние дети, привязанные к стульям тряслись от ужаса и рыдали, под дулом автомата.

— Если ребенок умрет — им вышибут мозги.

Врач трясущимися руками поправил шапку и надел на лицо марлевую повязку.

— Я не волшебник!

— Ты сегодня станешь самым Иисусом или я стану Иродом для твоей семьи и вырежу их, как скот.

— Я всего лишь врач и я выполню свою работу. А вы... если вы детоубийца — выполняйте свою.

Она выжила. Хана впустили в реанимацию и позволили посмотреть на нее.

— Как вы назовете вашу дочь? — спросил врач, снимая перчатки и вытирая пот со лба, — Я знаю вы до сих пор не дали ей имя.

Но Хан его не слышал. Протянул руку и коснулся крошечных пальчиков, сжатых в кулачок.

— Эрдэнэ.

И пальчики вдруг крепко обхватили его палец.

Он не знал, что к ней чувствует. Знал только одно — уничтожит каждого, кто причинит ей боль. Но так и не назвал ее дочкой... ни разу.

Глава 15

Я впервые вышла во двор его дома. Со мной случилась какая-то метаморфоза после этого поцелуя. Она была едва заметной, и я не сразу поняла, что произошло... но внутри меня исчез дикий ужас. Как будто мне удалось прикоснуться к страшному смертельно опасному хищнику и понять, что меня не сожрали за это и даже не укусили. А сам хищник отступил назад... То ли перед новым прыжком, то ли решил повременить с расправой. И это не случайность. С Ханом нет никаких случайностей. Он приказал отвезти меня домой, а сам так и не появился.

Вышла на улицу и вдруг поняла, что больше не испытываю адской дрожи во всем теле от одной мысли, что столкнусь с ним. Ведь наши столкновения неизбежны и мне теперь никуда от него не деться.

А еще появилось странное ощущение... еще не оформленное, не осознанное. Ощущение, что там, когда я стояла напротив его родни, а они поливали его грязью... мне хотелось, чтоб они замолчали. Хотелось закрыть им рты. Я даже не знаю почему испытала именно это желание. Какое мне дело до него и его отношений с семьей? Но эти мерзкие слова о его внешности, о недостатках, о том, что он чудовище... Разве близкие люди могут быть такими тварями? Ведь это подло бить его во так со спины, обсуждая недостатки с таким презрением. На какое-то мгновение увидела страх на их лицах... а потом ощутила себя тяфкающим щенком который не заметил, как за его спиной появился огромный тигр-людоед... и только поэтому злобные шавки поджали хвосты. А щенок продолжал тяфкать... глупый, маленький щенок заступался за тигра, который с легкостью мог перекусить шавкам хребет.

Вышла во двор и втянула воздух полной грудью. Пахнет розами и надвигающимся дождем. Как же здесь красиво. Место напоминает диковинный парк с фонтанами. Замок Чудовища из сказки. Только здесь обитает самое настоящее и злобное чудовище и никакой сказкой не пахнет. А волшебства никогда не произойдет. Прошла мимо вольера с огромной черной кошкой и на несколько минут остановилась. Красивая, блестящая, лоснящаяся зверина прохаживалась вдоль прутьев решетки и лениво поглядывала на меня своими, как ни странно, голубыми глазами. Я бы сказала даже не на меня, а куда-то мимо меня. Как будто я — это пустое место. Но она заметила. Я даже не сомневалась. Потому что кошка повела носом едва я подошла. Приблизилась к вольеру и заговорила с тигрицей:

— Хотела меня сожрать, да? Ничего, думаю скоро тебе позволят это сделать. А пока что можешь только облизываться. Тебе меня не достать.

Внезапно кошка бросилась на решетку и оскалилась, а я так дернулась назад, что чуть не упала на спину навзничь. Хищница мягко отступила и отошла от прутьев, лениво завалилась на бок и принялась вылизываться.

— Гадина! — прошипела я, — Вот ты кто! Нарочно напугала! Я тебя...

Показала ей кулак. Тигрица перестала себя вымывать, приподняв большую голову, и я медленно опустила кулак.

— Ладно. Мир. Я прохожу мимо, а ты меня больше не пытаешься сожрать.

Думаю, ей было совершенно наплевать на то, что я говорю. И едва подвернется случай меня слопают за милую душу. Оглядываясь на зверину, которую перестал интересовать недоступный кусок мяса, я пошла дальше в сторону качелей, которые выглядели мне абсурдными в этом жутком доме, напоминающем склеп. Зачем Хану эти детские строения? Может для кого-то из племянников? Хотя, вряд ли он был бы добрым дядюшкой и к нему привозили бы детишек по выходным. Скорее от него бы их прятали подальше и рассказывали о нем ужасные сказки на ночь вместо страшилок.

Я подошла к качелям и толкнула одну из них от себя. Та качнулась с неприятным скрипом. Сразу вспомнилось детство. Я стою ногами на качелях и раскачиваюсь изо всех сил, на мне какое-то пышное платье и оно летает вместе со мной, а волосы щекочат лицо. Мне кажется я лечу, я — птица, я совершенно свободна. Не удержалась и влезла на перекладину, но едва присела, чтобы оттолкнуться, снова раздался скрип, от которого на зубах появилась оскомина и я спрыгнула на землю.

Пока я шла к озеру, качели продолжали скрипеть. Хотелось обернуться, чтобы убедиться, что после меня на них никто не раскачивается. Обернулась — лучше б этого не делала. Пустые и раскачивающиеся качели выглядели еще страшнее, чем я думала.

Взошла на небольшой мостик и склонилась над водой, где плавал красивый черный лебедь по зеркальной глади, на которую опали красные лепестки роз. Как будто кровавые пятнышки. Я подняла палку, отломала кусок и бросила в воду. Лебедь тут же отплыл в сторону и спрятался под нависшими кустарниками.

— Когда-то здесь было два лебедя. Он и она.

От неожиданности я чуть не закричала. Это был детский голос. Он заставил меня содрогнуться всем телом и резко обернуться, схватившись за перила моста. Передо мной появилась девочка с длинными ровными черными волосами, заплетенными в толстую косу. Она сидела в инвалидном кресле, которым сама и управляла. Ее большие раскосые глаза смотрели на меня с грустным любопытством, личико в форме сердечка выделялось светлым пятном в полумраке. Я судорожно втянула воздух и опустила взгляд ниже, в горле тут же застрял ком — там, где заканчивалась юбка, обшитая кружевами было пусто. У девочки не было ног.

«Да и чудище его безногое никому не сдалось».

И все похолодело внутри, сердце сжалось. Понятно теперь о ком они говорили... Жестокие мрази! Кто эта девочка? Что она здесь делает? Так вот чей это был рисунок... рисунок, о котором запрещено говорить.

— Меня зовут Эрдэнэ. А тебя?

— Красивое имя, — выдавила я, стараясь не смотреть на ее ноги... точнее туда, где их нет.

— А тебя как зовут?

— В... Вера.

Я не стану называться тем жутким именем, которое невозможно выговорить. Оно не мое и никогда моим не будет. Как и все в этом доме, где я совершенно чужая.

— Вера. — перекатывая на языке каждую букву, — Мне не нравится.

Сказала она и подъехала к бортику, посмотрела на лебедя долгим взглядом. Ветер трепал ее ровную челку и ленту в красивой косе.

— Лучше бы отец открутил и ему голову. Как его лебедке.

Я посмотрела на нее и мне стало не по себе. Девочка говорила совершенно серьезно. И это звучало страшно из уст ребенка. Желать смерти несчастной птице, глядя прямо на нее.

— Почему? Разве тебе не жалко его?

— Нет. Жалость унижает. Он хочет свободы, но не может улететь так как ему подрезали крылья. У него была любимая, но ее убили. Он несчастен. Жалость — губительна. Было бы гуманнее его убить еще в детстве, а не запирать в неволе.

Я слышала в ее голосе нотку горечи. Как будто она говорила сейчас не только о лебедь.

— Кто твой отец?

— Я думала ты знаешь? Говорят, я на него похожа. Мой отец — Хан.

Я постаралась дышать спокойнее и не сжимать так сильно поручень моста.

— Ты его боишься, — констатировала она, даже не оборачиваясь ко мне, — Странно. Обычно он их сюда не привозит.

— Кого их?

Тихо спросила, разглядывая ее аккуратный профиль с маленьким курносом носом и крошечным аккуратным ротиком, прикидывая сколько ей лет. Примерно девять. Кажется, слишком умной для своего возраста и прекрасно говорит по-русски.

— Своих женщин. Но думаю, и ты ненадолго. Открутит тебе голову или просто вышвырнет.

Ответила спокойно, жестоко по-взрослому. И я в очередной раз содрогнулась. Почему-то в ее устах это прозвучало зловеще. Намного страшнее, чем, когда об этом говорили тетки Хана.

— Сколько тебе лет?

— Девять.

— Ты уже большая.

Хотелось завязать разговор, но не получалось. Она как будто говорила только то, что хотелось ей. Это был разговор-монолог. Ей не особо интересны мои вопросы и ответы.

— Ты удивилась. Он не рассказывал обо мне, да?

— Нет.

Усмехнулась. Тоже по-взрослому и на щеке появилась ямочка. Красивая девочка... похожа на Мулан из мультика. Как жаль, что у нее нет ног... почему? Вряд ли мне кто-то ответит на этот вопрос.

— Он никогда обо мне не рассказывает. Мне нельзя сюда выходить. Я думала вас нет дома. Когда никого нет я могу гулять... и смотреть на те качели. Они красивые. Их сделали еще до моего рождения. Для меня.

— Почему нельзя выходить?

Я присела на корточки, всматриваясь ей в глаза и в ту же секунду они вдруг почернели, как у ее отца, губы сжались в тонкую полоску.

— Не смей меня жалеть и смотреть вот так! Никогда!

Развернула коляску и быстро поехала прочь от меня.

— Я не скажу ему, что ты сюда приезжала! Хочешь я завтра тоже приду? У нас будет свой секрет? Эрдэнэ!

Но девочка не ответила, она быстро удалялась в коляске, а я смотрела ей вслед и чувствовала какое-то досадное бессилие. Словно только что, что-то испортила. Но сердце так и не отошло. Оно продолжало быть сжатым в комок и саднить. Да, от жалости. Но не потому что девочка без ног... это не приговор, это не конец жизни, а потому что... потому что она бесконечно несчастна и одинока. Как и я.

Глава 16

Я уснула не сразу. Долго лежала и смотрела в полумрак, вспоминая личико ребенка и совершенно взрослые глаза на матовой коже. И ничего не понимала... как будто наткнулась на какое-то чудовищный ребус или куски пазла настолько изодранные и запутанные, что мне оставалось только смотреть расширенными глазами и думать... что это было?

Девочка в этом доме стала для меня полной неожиданностью. То, что она дочь Хана — это шок. Его образ совершенно не вязался у меня с детьми. Особенно с такими детьми. Я с трудом представляла его отцом. И судя по всему не напрасно. Девочка показалась мне глубоко несчастной, травмированной и очень странной. Если вообще ребенок с подобным недостатком может быть всецело нормальным.

И все же наличие ребенка становилось для меня словно свидетельством того, что Хан человек. Слабое утешение, но это возвращало чувство реальности происходящего. Я уснула. Впервые вырубилась без каких-либо мыслей. Без снов. Без дремоты в которой прислушиваешься к каждому шороху.

Проснулась неожиданно посреди ночи. Услышала сквозь сон как Хан приехал домой. Так происходило всегда. Я его слышала. Стоило ему только появиться в доме, как мое внутреннее чувство самосохранения заставляло вскинуться от ужаса в ожидании, что сейчас поднимется ко мне и... начнутся адские минуты боли. Я молилась тому, чтоб он не поднялся в спальню, но этого не случалось. Всегда и неизменно поднимался наверх, и будил меня для совокупления. Не тормозил, нет. Просто раздвигал мне ноги и брал. Иначе я все это и не могла назвать. Даже просто сексом, потому что все что происходило в этой спальне было чем угодно только не этим.

Насилием — да, пыткой — да, грязью — да. Привстала, опираясь на руки, прислушиваясь к шагам и звукам. Но Хан не поднимался наверх. А может это не он? Встала с постели и подошла к окну, отодвинула шторку — нет, он. Машина его.

Легла обратно в кровать и накрылась одеялом. На мне тонкий кружевной пеньюар и стоило бы его снять. Хан любит чтоб я ждала его голой. А для меня этот пеньюар был как какая-то хрупкая защита от его страшных глаз и дикого взгляда. Напряженная до боли в мышцах я ждала, когда он поднимется наверх. Но Хан оставался внизу и мне стало интересно почему он не заходит ко мне...

Вот это ощущение, что что-то изменилось осталось с того поцелуя на балконе. Точнее с того момента, как Хан впервые отодвинул меня в сторону и оставил в покое, так и не взяв. Как будто испугался. Накинув на себя халат, осторожно ступая босыми ногами на носочках, стараясь не скрипеть половицами, я спустилась по лестнице. Готовая в любую секунду удрать обратно и притвориться спящей.

В доме царил тишина. Как будто ОН и не возвращался. Я уже хотела вернуться в спальню как заметила приоткрытую дверь в обеденную залу и полоску света под ней. Не удержалась и прокралась, чтобы заглянуть. Неслышно ступая подошла к двери и посмотрела в щель. Тут же вздрогнула — Хан стоял раздетый по пояс и рассматривал жуткие ссадины на боку, прикладывая к одной из них кусок ваты и не доставая. Он тихо ругался сквозь зубы на своем языке. Даже издали мне были видны порезы, кровь на рубашке и на его руках. Наверное, я все же издала какой-то звук, и Хан резко обернулся, а я тихо всхлипнула тут же желая убежать и не смогла — на его скуле и на лбу были видны порезы или раны от удара, губа лопнула и под глазом вспух кровоподтек. Посмотрел мне в глаза исподлобья... и я впервые не дернулась от ужаса от этого взгляда.

Он отвернулся от меня и снова потянулся с тампоном к ране. Попадая куда угодно только не на ссадину, он скалился и кривил рот. Сама не поняла, как приблизилась к нему и взяла за руку. Вздрогнул и тут же вскинул на меня пронзительный и тяжелый взгляд. Я инстинктивно хотела отвести глаза, но набралась мужества и выдержала. До конца. Пока хищник сам не отвернулся. Резко отнял свою руку, сбрасывая мою ладонь. А я посмотрела на баночку. Сумасшедший. Он заливал раны медицинским спиртом. Это же боль адская. Рядом в аптечке бутылочка с перекисью водорода и заживляющая мазь.

— Зачем спирт? Это же очень больно.

Пожал плечами и плеснул спирт на тампон. Намереваясь все же приложить к ране, но я опять удержала его за руку.

— Сначала перекисью, а потом мазью и заживет. Меня мама Света учила. Дайте я.

Посмотрел сначала на мои пальцы, контрастирующие с его смуглой кожей, а потом на меня. Ничего не сказал, но позволил забрать у него вату. Я налила на нее перекись и осторожно промыла рану на боку, стараясь не думать о том какая она страшная и как видно мясо, затем обработала вторую. Наклеила своеобразные мягкие повязки. Выбросила окровавленный тампон, оторвала еще кусочек ваты и посмотрела на его лицо.

Хан не сводил с меня пристального взгляда, и я не могла понять, что именно выражают его глаза. Их выражение было похоже на то, что было сегодня в доме его деда, когда я осмелилась поцеловать чудовище

— Надо промыть еще и здесь, и здесь, — показала пальцем на его скулу, лоб и вниз на рассеченную губу.

— Промывай.

Выдохнула и потянулась к его лицу, но я не доставала даже до его плеч.

— Сядьте.

Одной рукой придвинул стул, развернул его и уселся наоборот, облокотившись мощными руками на спинку. Стул жалобно застонал под его мощью. Выдохнув я коснулась ватным тампоном скулы, осторожно протерла рану, наблюдая как шипит жидкость во взаимодействии с кровью и не веря, что на самом деле делаю это. Прикидывая сколько займет времени прежде чем хищник меня сожрет.

— Не больно?

И совершенно не задумываясь подула на рану. Хан отпрянул назад и сдавил мою руку.

— Что? Болит, да? Я осторожно.

Перевела взгляд на его глаза и не смогла моргнуть, как загнипнотизированная. Еще никогда я не видела у Хана такого взгляда, как будто удивленного и озадаченного. Вблизи у него оказались очень длинные ресницы, загнутые вверх. Как у девушки. Сейчас его глаза не были угольно-черными. Они были насыщенного каштанового цвета с красновато-золотистыми вкраплениями. Красивый цвет. Необычный. Радужки казались бархатными и очень глубокими.

— Я подую.

Коснулась снова ваткой и подула.

— Зачем?

— Не так больно, — сказала я и протерла с другой стороны от раны. — когда я была маленькой и сдирала колени мама дула и не так щипало.

— Зачем тебе это? Какая разница?

Застыла с ватой в руках.

— Что зачем?

— Вот это все.

Кивнул на вату и снова смотрит на меня, чуть наклонив вперед голову и прожигая своими невыносимыми глазами. Как будто ищет во мне что-то.

— Раны надо промыть иначе будет заражение и может загноится и...

— Ты дура?

Сцапал меня за плечо, не давая к себе прикоснуться.

— Или притворяешься?

Опустил мою руку вниз и завел мне за спину, дернул к себе.

— Зачем тебе протирать мне раны, дуть на них? Что тебе от меня надо? Отвечай!

И я разозлилась, сильно и неожиданно резко, не знаю, как, но вырвала руку из его цепких пальцев.

— Потому что вы человек, и я человек, и я оказываю вам первую помощь, ясно? И не надо искать каких-то смыслов. Не судите других по себе. Дайте закончить!

Ткнула ваткой в рану на лбу, и он дернулся от боли.

— Терпите! Надо продезинфицировать! И не дергайтесь! — рыкнула на него и тут же испугалась, аж похолодела вся. Он же сейчас мне шею свернет. Я сумасшедшая! Ааааа мне страшно! Зачем я это сказала? Он же меня убьет!

Но Хан опустил веки и стиснул челюсти.

— Дезинфицируй.

Прошлась осторожно еще раз по ране и тронула новым тампоном вспухшую губу. И тут же снова непроизвольно подула, обхватив другой рукой лицо Хана. Когда дула его сочные губы с резко очерченным ярким контуром слегка подрагивали. Вспомнила что они очень мягкие и гладкие если их касаться губами и кровь прилила к щекам. Внутри не возникло неприятного ощущения, как тогда, когда он сам касался меня.

— Хорошая, заживляющая мазь и совсем не щиплет. — пробормотала себе под нос, стараясь больше не смотреть Хану в глаза.

Замазала ссадину на губе. Невольно убрала со лба пряди волос, чтоб не налипали на рану. Заклеила кусочками пластыря, сведя края раны вместе. Поглаживая его волосы, успокаивая и не понимая, что делаю это. Пока не заметила и не одернула руку. Все это время он смотрел на меня из-под прикрытых век. Когда я закончила и положила вату на стол Хан встал со стула и тут же возвысился надо мной, как скала.

И страх тут же вернулся, особенно при взгляде на его жуткие глаза, горящие каким-то странным огнем. Он смотрел на меня так... как никогда раньше не смотрел и мне опять стало страшно. Благими намерениями устлана дорога в ад и он сейчас распластает меня на кухонном столе и отымеет как и всегда с особой жестокостью.

Но вместо этого мужчина подхватил свою рубашку и направился к выходу из зала. А я стояла у стола с окровавленными тампонами и не понимала, что сейчас произошло на самом деле... Он не тронул меня. Снова.

Несколько ночью я по-настоящему выпалась. А утром вышла в сад, предварительно осмотревшись по сторонам в поисках «милой домашней» кошечки Хана и охранников, которые прохаживались по двору, появляясь из-за угла, как призраки. Все они ступали неслышно, словно крадучись. Я никогда не успевала их услышать или заметить. Чаще они вырастали как из-под земли и вежливо склоняли голову, когда я проходила мимо.

Ноги сами повели меня к озеру, я взяла с завтрака кусочки хлеба и спрятала в карман. Нет, я не шла посмотреть на лебедя, точнее, не только на него, я шла искать девочку. Она жила в пристройке в одноэтажном домике, спрятанном за яблонями и абрикосами, с решетками на окнах и массивной дверью. Здесь постоянно прохаживался охранник. Окна продолговатого здания выходили к озеру и мостику, на котором я ее и увидела впервые. Не знаю зачем пошла туда, понимая, что Хану это не понравится, но я не могла не пойти. Назовите это как угодно любопытством, желанием не умереть здесь в тоске и одиночестве и... каким-то болезненным желанием узнать хоть что-то о нем. Увидеть своего мужа с иных сторон. У меня не оставалось выбора, кроме как принять свое положение и пытаться выжить, а иначе как узнать того, чьей женой я являюсь, я не представляла.

И мне казалось, что маленькая девочка может открыть мне несколько секретов и приподнять завесу тайны, черное полотно неизвестности, за которым прятался самый страшный человек из всех, кого я знала.

Я зашла на мостик и посмотрела на птицу, плавающую по зеркальной глади воды. Гордый, красивый и одинокий лебедь, с блестящими перьями и красным клювом, словно окрашенным кровью, скользил между опавшими лепестками роз такого же кровавого цвета... Я так и не поняла почему Хан убил лебедку... как и не поняла, где сейчас мать девочки. Если она жива, то рано или поздно появится и внутри появилось неприятное ощущение....судя по красоте

маленькой Мулан ее мать должна была быть невероятной красавицей. Как к ней относился Хан? Он любил ее? Был ли он с ней так же жесток, как и со мной? Или к «своим» женщинам он относится иначе? Почему они не вместе?

Я не понимала почему при мысли об этом внутри все неприятно напрягается и хочется отогнать подальше мысли о матери Эрдэнэ.

Бросила кусочек хлеба в воду, но лебедь не сразу и с опаской подплыл к нему, осмотрелся и склевал крошки. Я бросила еще. Обернулась на окна — темно и никого нет. Девочка сказала, что ей запрещено выходить, когда у Хана кто-то гостит. Но ведь я не гость. Я надолго. Или... все же нет? Как быстро перестаешь думать о смерти, как быстро разум ищет способы избежать страшных мыслей. Так и я вдруг решила, что опасность миновала... и почему? Только потому что Хан не свернул мне вчера шею?

Обернулась снова на окна и увидела ее. Девочка появилась у окна и прижалась к нему лицом. Заметила меня. Я помахала ей рукой, но она не махнула в ответ. Просто наблюдала за тем, как я кормлю птицу. Маленькая пленница золотой клетки. В чем-то мы с ней похожи.

Спустилась вниз к кромке воды и снова бросила птице хлеб. Та подплыла ближе и в этот раз уже осмелилась подобрать еду почти рядом со мной. Но едва я протянула руку, как птица взмахнула крыльями и спряталась в кустах. Приподнялась и увидела, что девочка так и стоит у окна, приложив к стеклу маленькие ладошки. Я осмотрелась в поисках охранника и когда никого не заметила все же решилась пойти к Эрдэнэ.

Когда поравнялась с окном малышка оживилась. Нет, не улыбнулась, а просто появился блеск в глазах и чуть приподнялись брови. Сидит в своем кресле. Похожа на фарфоровую куклу красивую и невесомую. Я улыбнулась и постучала в стекло.

— Привет.

В ответ ни слова. Смотрит и не двигается. Даже не моргает. Это даже пугало. Очень странное поведение для ребенка. Но не мне судить о ее поведении. Я даже представить себе не могла в каком аду живет эта девочка каждый день.

— Давай покормим вместе лебедя.

Она повернула голову и куда-то посмотрела — я и сама заметила охранника с рацией. Ходит туда-сюда вдоль забора. Значит ей таки не разрешается выходить. За ней следят. Я несколько секунд смотрела ей в глаза, а потом направилась напрямик к охраннику. Я еще не была знакома ни с кем из них и мне от чего-то казалось, что все они родные братья, невероятно похожие между собой и одинаково одетые. И я собиралась кое-что сотворить... искренне надеясь что мне это сойдет с рук, особенно когда хозяина нет дома.

— Эй! Вы!

Охранник обернулся и выключил рацию.

— С той стороны кто-то перелез через забор. Я видела из окна.

Он внимательно посмотрел на меня, как будто не понимая что я говорю.

— Что вы стоите? К вам сюда воры влезли. Там! — и показала рукой на противоположную сторону дома. — Трое! В черной одежде!

Глаза монгола округлились он тут же что-то закричал в рацию и убежал в том направлении, что я указала. А я вернулась к дому и дернула на себя дверь. И тут же чуть не подпрыгнула от неожиданности — девочка уже меня ждала за ней, сложив руки на коленях и выпрямив спину. Ее ровные волосы свисали ниже плеч и челка обрамляла треугольное личико.

— Никто не узнает, что ты вышла.

— Нянька узнает... но она сейчас спит, а потом я запугаю ее и она никому ничего не скажет.

Опять меня поразило то, что она сказала. Не уговорит, е подкупит... а запугает. Не похоже на ребенка. Как будто в маленьком тельце сидит взрослая женщина и эта женщина знает, как закрывать людям рты и убивать птиц.

— Идем, пока тот идиот не вернулся. Отвези меня.

Я взялась за коляску сзади и повезла ее в сторону озера, подвезла к самой кромке воды и дала ей хлеб. Девочка швырнула кусочек в воду, но лебедь не торопился выйти из укрытия.

— А ты смелая. Не боишься, что он расскажет отцу, что ты наврала?

— Нет. Не боюсь.

Повернулась ко мне и посмотрела мне в глаза. Пронзительный взгляд, ощупывающий саму душу. Совсем не детский.

— Он называет тебя Ангаахай? Придумал тебе имя. Значит ты здесь надолго.

Повернулась и бросила еще кусок хлеба. Она делала это резко и сильно. Лебедь явно боялся и не выходил.

— Меня зовут Вера.

— Какая разница, — пожала плечами и уже зло швырнула хлеб в воду. — Даже эта птица знает, что я уродливая тварь. Увези меня отсюда и уходи! Зря я к тебе вышла!

Я повернулась к девочке и увидела, как сошлись брови на переносице и в глазах отразилась боль. Она пытается сдержать эмоции и не умеет. Подошла к ней ближе и присела на корточки. Вложила в ее руку хлеб.

— Бросай маленьким крошками и осторожно. Вот сюда. У самого берега. Он выйдет. Для доверия надо время.

Взяла ее руку и бросила ее же рукой мякоть хлеба в воду. От неожиданности девочка вздрогнула и отняла руку.

— Ты трогаешь меня?

— Да. А что здесь такого? Ты вроде не ядовитая.

Я улыбнулась, а она и не подумала. Этот ребенок совершенно не умеет улыбаться и выражать эмпатию.

— Ничего.

Теперь уже сама бросила хлеб в воду не торопясь. Лебедь высунулся из-за кустов и осторожно поплыл в нашу сторону.

— Видишь? Ему стало интересно. Если ты продолжишь крошить хлеб он подплывет прямо к нам. Только не делай резких движений, и он не испугается.

— Ничего, когда подплывет поближе заметит меня и испугается.

Губы сжались в тонкую линию.

— Почему?

— Я уродина безногая. Разве ты не видишь?

— Нет. Не вижу.

Она резко вскинула голову и руки сжались в маленькие кулаки.

— Издеваешься? У меня нет ног, если ты не заметила. Я родилась вот такой вот страшной и недоделанной.

— Ты сказала, что ты уродина, а я этого не вижу. Ты очень красивая девочка.

В этот раз она на меня внимательно посмотрела и застыла с хлебом в руке, вытянутой над водой.

— Я?

— Да ты. У тебя красивые волосы и глаза. Я, правда, не знаю, как ты улыбаешься, но и губы у тебя тоже красивые... может у тебя нет зубов?

— Есть! — она смешно оскалилась, и я рассмеялась. В этот момент лебедь чуть подпрыгнул, махнув крыльями и выхватил из ее ладони хлеб.

— Ой! Ооооой, он у меня хлеб забрал! Ты это видела? Видела? Ааааа забрал, — она улыбалась, ее брови приподнялись вверх, на обеих щеках играли ямочки, а глаза сверкали совершенно преображая лицо. — Наглый Чайковский.

— Чайковский?

— Да. Его так зовут.

Она бросила лебедю еще кусочек хлеба.

— А ее звали Одетта. Как в балете знаешь?

Я кивнула и почувствовала, как на глаза навернулись слезы... Девочка, которая никогда не сможет ходить любит балет.

— Я часто слушала Лебединое озеро и наблюдала за ними. Они были очень красивыми.

Я протянула руку и дотронулась до ее волос, но она отпрянула назад. В недоумении на меня посмотрела и снова на воду.

— Хотела бы я тоже плавать как он...

— Что здесь происходит?

Мы обернулись обе. И я ощутила, как вся кровь отхлынула от лица и сильно забило сердце. Перед нами стоял Хан и держал на цепи свою тигрицу. Его пальцы с намотанными на них железными кольцами сжимали цепь и даже чуть побелели. Он смотрел на нас исподлобья тем самым жутким взглядом, которого я всегда смертельно боялась. Волосы упали ему на лицо и сквозь челку просвечивал пластырь, который я вчера наклеила. Одетый в тонкую футболку и джинсы он казался не просто огромным, а гигантским и черная кошка рядом с ним смотрелась как исчадье ада.

— Возвращайся в дом, Эрдэнэ! Сейчас же!

Он даже на нее не посмотрел. Только на меня. С такой злостью, что казалось мое сердце остановится раньше, чем последует наказание... а оно последует.

Глава 17

Сделал несколько шагов ко мне и схватил за горло всей пятерней. Настолько огромной, что казалось он зажал всю мою шею в тиски. И отступить уже поздно. Сама виновата.

— Кто тебе разрешал сюда ходить?

— Никто не запрещал, — тихо возразила и не отвела взгляд, стараясь до конца выдержать, не сломаться, не дать ему унюхать мой страх, который мелкими точечными мурашками поднимался от щиколоток вверх, заставляя каждый волосок приподняться. И с чего это я вдруг решила, что больше не боюсь его. Какая чудовищно глупая самоуверенность.

— Если мне что-то запрещено, то я хотела бы об этом знать.

Смотрит зло, страшно и молчит. И молчание пугает намного сильнее, чем если бы он рычал.

— Тебе запрещено приближаться к... к ней.

Он споткнулся, когда говорил. На секунду показалось, что не знает, как назвать девочку. Поперхнулся словом, оно застряло у него в горле, и он так и не произнес его. И я кажется знала что это за слово.

— Почему?

— Я так сказал! Чтоб духу твоего не было возле нее!

Прорычал и у меня волосы зашевелились от этого рыка.

— Ей нужно общение... она ведь ребенок.

Пальцы сдавили мое горло сильнее, сдавили так, что кислорода в легкие стало поступать меньше.

— Заткнись! Тебя никто не спрашивал!

— Почему? Что не так? Или ты боишься, что я причиню ей зло?

Оскал был улыбкой, но такой жуткой, что мне захотелось зажмуриться.

— Бояться тебя? — переспросил и засмеялся, — Не льсти себе. Ты ничто.

— Я твоя жена.

Я не заметила, что впервые говорю ему «ты» и сама не знаю, как это произошло и в какой момент это стало возможным. Нахмурился, улыбка пропала, брови словно срослись в одну душу и выступили две морщины на широком лбу. Кривая усмешка:

— Ты реально считаешь, что это имеет какое-то значение? — придвинулся ко мне, — Я вдовец... и ничто не помешает мне стать им дважды, когда я этого захочу.

— Это... это была мать Эрдэнэ... твоя жена? Что с ней случилось?

Зря спросила взгляд вспыхнул дикой злобой такой жгучей, что меня всю прошибло током.

— Я сварил ее живьем в чане за предательство. Тебе же просто оторву голову. Возможно, прямо сейчас!

Ужасаться времени не было. Да и я устала ужасаться. Если сейчас он меня убьет. То значит так и надо. И все закончится. Что-то должно измениться. На одной ноте невыносимо!

— Ты запираешь свою дочь в клетке, как и свою кошку. И если ты оторвешь мне голову ничего не изменится! Ни в твоей, ни в ее жизни. А могло бы! ее жизнь могла бы быть лучше... Ты можешь... Но ты не даешь ей жить! И себе! Ты тоже в клетке!

Поднял за шею вверх и глаза налились кровью. Таким злым я никогда его не видела, мне казалось передо мной не человек, а дикая зверина. Кожа вспыхнула болью, потянуло мышцы. Я должна была молчать. Должна была прикусить язык. Но точка невозврата пройдена.

— И тебе не дам... — прошипел мне в лицо и сдавил пальцы так, что я успела лишь схватить

воздух и захрипеть.

— Папа! Нет! Не надо!

Резко обернулся и лицо разгладилось мгновенно. Пальцы разжались, он отшвырнул меня как тряпичную куклу и я, оцарапавшись скулой о перила моста, рухнула на землю, задыхаясь и отползая назад, подальше от взбесившегося зверя, пытаюсь отдышаться. Девочка никуда не уехала. Она сидела в своем кресле и смотрела на нас. Нет, в ее глазах не было ужаса, не было и особой жалости ко мне. В них была мольба... она даже ладошки сложила вместе и трясла ими. Наверное, так же другие дети выпрашивают жизнь для котят, которых собрались утопить или просят не выбрасывать бездомного щенка.

— Не надо... она хорошая. Не обижай ее.

— Я сказал в дом вернись.

Стоит, сцепив руки за спиной. Боком ко мне. Огромный, как исполинский утес, заслоняет собой даже солнце. И отчеканенный, резкий профиль выступает на фоне неба. Напротив света вся его фигура кажется огромной тенью. Иногда мне кажется, что в нем собралась вся тьма вселенной и загустилась, растекаясь вязким маревом по его венам.

— Пожалуйста. Не трогай ее. Она мне нравится.

— В дом!

Указал пальцем на здание.

— Сейчас же! — нет, на нее Хан не кричал. Его тон не терпел возражений, но был иным.

Девочка развернулась в кресле и поехала в сторону дома, а я встала на ноги, придерживаясь за поручень моста. Это было необыкновенное зрелище. Я никогда не представляла насколько может измениться хищник рядом со своим детенышем. В нем изменилось абсолютно все, даже осанка, выражение лица, мимика. Густые брови поползли вверх, уголки рта опустились и в глазах появилось болезненно-растерянное выражение. На какие-то мгновения. Когда она просила. А он не смог отказать. Но ведь это не любовь к ребенку. Что угодно только не любовь. Такие не умеют любить. Это слово не созвучно с его сущностью. Он даже не подозревает что это такое.

Когда девочка исчезла из вида и за ней закрылась дверь, Хан обернулся ко мне. В глазах уже нет такой обжигающей ненависти. Он успокоился.

— Не подходи к ней, ясно? Если жить хочешь!

Судорожно сглотнула, но горло болело, и я закашлялась. Дернул к себе за шиворот и посмотрел на мое лицо вблизи. На шею. Провел по ней пальцами. Изучая. И я не могла понять, что это за порыв? Рассматривает следы от своих пальцев или считает, что недостаточно придавил? Потом схватил меня под руку и потащил в сторону дома. Приволок на кухню, где Зимбага отдавала распоряжения насчет ужина.

— Займись ею. Она упала.

Швырнул меня на молодую женщину и скрылся в недрах своего чудовища-дома такого же страшного, непонятного и непостижимого, как и он сам.

— Что ты натворила?

Я судорожно выдохнула.

— Познакомилась с Эрдэнэ.

Зимбага тут же осмотрелась по сторонам и толкнула меня к стулу.

— Зачем ты это сделала? Я предупреждала тебя забыть о ней!

— Так получилось.

Женщина убрала волосы с моего лица и повернула на свет. Тронула скулу кончиками пальцев, и я вздрогнула от боли.

— Он мог тебя убить... очень странно что ты еще жива. Охранник уже давно ушел на корм

рыбам.

Пропустила последнее предложение. Об этом не думать сейчас. Ни к чему не приведет. А ужасаться бесполезно. Я перехватила ее руку.

— Но это же абсурд. Девочка не общается с людьми, живет в затворничестве. Почему нельзя с ней общаться? Почему никто не должен к ней подходить? Что за бред?

Зимбага убрала мою руку и смазала ссадину какой-то мазью. Начало слегка щипать и греть кожу.

— Потому что, когда ты исчезнешь ей будет больно. Потому что ты — это не ненадолго. Он не хочет причинять ей боль. Он заботится о ней как умеет, ограждая от всего, что может ранить. Тебе его не понять.

Я нахмурилась, позволяя Зимбаге смазывать синяки.

— Любовь не может ранить. Любовь созидает и оживляет. Как можно ограждать от любви?

— Он не знает что это такое. Его не любили и он не умеет.

— Это чудовищно!

— Неужели? А ты думаешь ты умеешь любить?

Я думала, что смогу сразу ответить на ее вопрос, но от чего-то не смогла.

Когда Зимбага вывела меня в коридор я шла к себе в комнату и думала о ее словах, чувствуя все еще хватку на своем горле и слыша у себя в голове ее голос.

«Потому что, когда ты исчезнешь ей будет больно. Потому что ты — это не надолго»

Я остановилась и подошла к окну. Внизу вольтер Киары. И кошка ходит по нему взад и вперед. Но ведь какую-то привязанность этот монстр умеет испытывать. Чем-то они ему дороги девочка и тигрица. Но не я. Но ведь и я до сих пор жива и гуляю по клетке, меня так же кормят...

Домой я вернуться уже не смогу, он мне не даст. Как Хан сказал — я никто. У меня нет прав. Я ненадолго. Я эпизод.

Нет. Я не хочу быть эпизодом. Я хочу стать свободной, хочу быть живой, хочу увидеть маму Свету. И у меня нет иного выхода, кроме как попытаться все изменить. Иначе я и правда никто. Несколько секунд стояла на месте, потом повернулась на пятках и быстрым шагом вернулась на кухню, подошла к Зимбаге, развернула ее лицом к себе.

— Я хочу быть надолго. Научи меня быть надолго. Ты знаешь его лучше меня. И я хочу его знать. Хочу быть настоящей женой.

И на ее лице появилась улыбка. Не сразу сначала заиграла в уголках глаз, потом на губах, пока они не растянулись, преображая внешность всегда угрюмой женщины. Она провела руками по моим волосам, расправила мои плечи.

— Сначала узнай себя.

— Себя?

— Узнай свое тело, не бойся его, познакомься с ним и полюби его, научись доставлять себе удовольствие. Женщина соблазнительна, когда знает себе цену, когда знает, что такое наслаждение. И хочет получать его снова и снова...

Краска прилила к моим щекам. Я не сразу поняла, что она имеет в виду.

— Как это?

— Изучи свою плоть. Испытай оргазм. Сначала сама с собой. Ты когда-нибудь трогала себя в ванной?

Отшатнулась от нее, как от прокаженной. Со мной никто и никогда не говорил на такие темы, особенно так откровенно. Прямо в глаза.

— И... при чем здесь это? — промямлила едва слышно, трогая покрасневшие щеки.

— Пока ты задаешь мне этот вопрос ты точно ненадолго.

— Почему?

— Потому что ты не любишь себя, стыдишься и не знаешь.

Она вернулась к поварам и хлопнула в ладоши, привлекая их внимание и что-то начала говорить на своем языке.

— Что такое Эрдэнэ?

Она не обернулась, но когда я почти подошла к двери все же ответила:

— Драгоценность.

Любить свое тело?

А разве его можно любить? Я никогда об этом не задумывалась. Подошла к зеркалу, присматриваясь к себе. Впервые пристально и внимательно. Мне не говорили комплиментов. Попросту было некому, я всегда считала себя той еще замухрышкой и заучкой. В школе была «задротом» с длинной косой у которой все списывали, и которая всегда одевалась в школьную форму до колен и не красилась. Я не прогуливала, я не кокетничала с мальчиками, я не курила и не пробовала спиртное. Мама Света меня воспитывала не в строгости, но оберегала от внешнего мира как могла... И зря. Если бы я была знакома со всей его грязью меня бы так жестоко не подставили, и я бы сейчас поступила учиться...

Зимбага сказала о прикосновениях к себе. Что я не знаю свое тело. Она ошибалась. Я его знала. Все же в моем распоряжении был интернет, были книги, кинематограф и ...даже порносайты. Девочки туда тоже заходят. Даже такие скромные и воспитанные как я. Правда не часто и потом неделю ходят с пунцовыми щеками только об одной мысли об этом.

Когда я фантазировала о Паше и том, как он меня возьмет я трогала себя. И там тоже. Не до конца. Но трогала. И представляла себе его руки. Было волнительно, жарко и... и все заканчивалось горькими вздохами о несбыточной мечте. Я не совсем поняла, как это поможет изменить мои отношения с Ханом... Но я дала себе слово, что все изменится. Что я приложу к этим изменениям максимум усилий иначе я погибну. И никто не спасет бедную Веру, кроме нее самой.

Глядя на свое отражение, судорожно глотая слюну, потянула за тесемки на груди, развязывая легкую шнуровку тонкого платья в незамысловатый голубой цветочек. Еще несколько дней назад мое тело вызывало у меня отторжение. Я считала его источником всех моих страданий и боли. Оно принесло мне несчастье. Оно вызывало желание в этом страшном человеке, и он использовал его в своих потребительских целях, мучал его и пытал...

Но сейчас я решила, что так больше продолжаться не может. И если у меня ничего не выйдет и этот ад не закончится я открою клетку с тигрицей, и сама отдамся ей на ужин.

Бретелька сползла вниз, обнажая грудь. Я закрыла глаза и прикоснулась к ней кончиками пальцев. По коже пошли мурашки, когда ноготь задел сосок. После грубых ласк Хана они стали очень чувствительными и отзывались на самое слабое прикосновение. Если бы он хоть раз прикоснулся к ним именно так. Осторожно, нежно.

Мои пальцы обвели сосок и слегка сжали кончик. У Хана шершавые пальцы и когда они грубо касались моей кожи, то уже терли ее, но если бы он делал это нежнее мне ведь могло бы понравиться? Если бы его руки подхватили мою грудь снизу, сжали, потирая соски едва-едва... Или его губы. Если бы они сомкнулись на них и обводили их языком. Намочила пальцы и приласкала себя, кусая губу. По телу прошла легкая судорога и перед глазами возникло лицо... которое я никогда не думала, что представлю именно так. Словно увидела, как он склоняется к моей груди и берет в рот сосок. Не хватает, не давит, а целует и облизывает. И ему нравится то что он делает.

Стало горячо внизу живота. Странное ощущение и незнакомое мне совершенно. Провела ладонями по бокам, по животу. Медленно спуская ткань к коленям и та с шуршанием упала на пол. Снова поднесла пальцы к губам и проведя ладонью по животу скользнула под резинку трусиков. Тут же остановилась. Судорожно схватив пересохшими губами воздух. Отступила назад к постели, представляя, как он обнимает меня за талию и ведет, обжигая горячим взглядом, как опускает на спину. Осторожно и медленно. С любовью. И его непослушные

волосы падают ему на лицо, а я убираю их назад, чтобы видеть его губы... они такие мягкие, такие упругие. Я хочу их попробовать еще один раз на вкус.

Стягиваю с себя трусики, оставляя их болтаться на щиколотке. Запрокинула голову, не открывая глаза, представляя, как Тамерлан раздвигает мои ноги не рывком, а мягко, за колени разводит в стороны, и его губы касаются моего живота, моих ребер, живота, пупка. Как сейчас мои пальцы. Это приятно. У него колючие щеки и мне щекотно. Я улыбаюсь. Мне не страшно. Я хочу, чтоб он ко мне ТАК прикасался. Мне даже кажется, что вся кровь прилила вниз, к губам, к входу, к клитору, и там все набухло, даже слегка пульсирует.

У Хана красивые большие руки, но я никогда не видела их на своем теле, я всегда крепко закрывала глаза и терпела пока все не закончится. А сейчас представила его смуглую ладонь на своем бедре и поняла, что это будет красивый контраст белое и темно-бронзовое. Если бы он прикасался ко мне вот так... Раздвигая пальцами нижние губы, отыскивая клитор, мягко надавливая на него и заставляя меня вздрогнуть. Под пальцами было влажно, в подушечку уткнулся затвердевший узелок и всю меня пронизало током от этого прикосновения. Перед глазами вспыхнуло лицо Хана с горящим взглядом и влажными губами. Он жадно смотрит на меня, не по-звериному... а иначе. Как смотрят, когда любят... когда ласкают, а не дерут, как шлюху.

Я обвела клитор вокруг, чувствуя, как начинает дрожать мое тело, как сильно налились соски и пульсирует у самого входа. Со страхом коснулась там и скользнула внутрь. Тут же сжалась и вытщила палец. Нет... так не нравится. Отдышалась, унимая страх и отторжение и снова вернулась к клитору.

Может если бы он не вдирался в мое тело вот так сразу, а ласкал меня, говорил что-то нежное, ласковое. Вот этими своими чувственными губами шептал на ухо о том, какая я красивая, как он меня хочет взять. Если бы прижался губами к моим губам, скользнул в мой рот языком как я видела в фильмах, а его пальцы гладили и нежно растирали меня внизу, едва касаясь. Как сейчас. Я бы даже стонала... очень тихо, жалобно. Мне было бы безумно хорошо, мне бы не хотелось его оттолкнуть. Я бы просила его не останавливаться... и он бы мягко дразнил меня, сжимал... вот так. И я бы изогнулась на постели, распахивая ноги шире, а не закрываясь от него, наполненная каким-то разрывающим чувством, от которого напряжены все мышцы, а бугорок под пальцами стал каменным и ноющим до боли, если убрать руку можно расплакаться от разочарования. Но он не уберет... он будет ласкать меня, целовать и очень долго ласкать. Тяжело, со свистом дыша, остановилась, испуганная приближающимся чем-то ужасно мощным. Не готовая к тому что может последовать. Это неправильно... а он никогда таким для меня не станет.

— Продолжай! — этот голос взорвал мои фантазии, и они рассыпались разноцветными осколками, заставляя широко распахнуть глаза.

От ужаса подскочила на постели и чуть не заорала от ужаса, отняла руку и сжала колени. Вся кровь бросилась в лицо и мне захотелось сдохнуть на месте. Хан стоял прямо возле постели, широко расставив ноги и сдавив руки в огромные кулаки, его челюсти были сжаты, а на лбу выступила жилка и она пульсировала. Он смотрел на меня именно тем взглядом, который я себе представляла... но наяву этот взгляд ужасно пугал. Я знала, что за этим последует. И мне захотелось разрыдаться... потому что этот Хан был совсем не таким, как в моих фантазиях. Передо мной стояло возбужденное животное. Его ноздри раздувались, подрагивали, и он сейчас набросится, а я опять буду корчится под ним от боли.

— Я сказал продолжай. — голос хриплый, срывающийся. — я хочу смотреть.

Невольно опустила взгляд к его паху и увидела, как вздулись в этом месте штаны.

Отрицательно качнула головой и прикрылась руками. А он сделал шаг к постели и навис надо мной, опираясь на руки.

— Кого представляла, когда делала это? Отвечай! Своего пидораса?

Судорожно выдохнула, не отводя взгляда и чувствуя, как от него пахнет свежестью и чем-то звериным. Личным. Уже привычным мне и узнаваемым. Яркий, въедающийся запах мужского тела.

— Тебя.

Он даже головой тряхнул от неожиданности и свел брови, пронизывая меня голодным и в тоже время злым взглядом.

— Ложь!

Снова качнула головой, продолжая прикрывать грудь.

— Что именно представляла?

— Как... как ты... как ты меня ласкаешь.

Верхняя губа дернулась, и он заскрежетал зубами, как будто сдерживал себя от чего-то, как будто вот-вот сорвется.

— Тогда смотри на меня и сделай это снова... Сделай или я разорву тебя на куски.

И ничего не изменится... ничего. Он снова меня пугает, парализовывает, давит своей мощью. НЕТ! Изменится! Я хочу, чтоб изменилось!

— Сделай ты. — осмелившись и бросаясь камнем вниз с обрыва на самые острые рифы.

Оторопел и даже чуть дернулся назад от неожиданности.

— Приласкай меня ты..., - всматриваясь в черные глаза, в бушующий в них адский ураган, — нежно, — облизнула пересохшие губы.

Глава 18

Чуть прищурился и этот взгляд... я не могу понять, что он означает и мне страшно до такой степени, что в горле не просто пересохло — глоток слюны сделать больно.

— Я не могу, — сказал как-то сухо и совершенно отрешенно, только голос очень севший, как будто ему надо прокашляться. Но эти слова... они не сочетались с ним, как будто их произнес какой-то совершенно другой человек, незнакомый мне ранее. Потом он вдруг потянул в себя воздух схватил меня за талию и попытался перевернуть на живот, но я вцепилась в его руку.

— Пожалуйстаааа, Тамерлан, пожалуйста.

— Повернись сама и раздвинь ноги.

— Нет... нет. нет... пожалуйста. Я не хочу тебя бояться, прошу... не хочу тебя больше бояться!

Пока я говорила он пытался перевернуть меня и уже схватил за волосы, чтобы ткнуть лицом в кровать.

— Не хочу боятьсяяяя, — всхлипывая, хватаясь за его руки. Откуда только силы взялись.

Все же сжал мои волосы и рванул к себе.

— А чего ты, блядь, от меня хочешь? Я не понимаю!

И снова это выражение в глазах, как будто действительно не понимает, что мне надо, как будто сам растерян и злится до дьявольской дрожи во всем теле.

— Хочу... хочу, чтоб мне было хорошо с тобой. Хочу... хочу хотеть тебя. Хочу нежно... хочу не больно. Пожалуйста. Попробовать. Один раз.

Удерживая за волосы смотрит в мои глаза и хватка постепенно ослабевает, а я все еще держусь за его широкое запястье, сжимающей мои волосы, руки. Стиснул челюсти до боли и мне видно, как ему больно, мне даже слышно, как эти челюсти хрустят. Потянула его ладонь к своему лицу, не прекращая смотреть ему в глаза, в этот страшный черный взгляд.

Поднесла руку ко рту и медленно взяла в рот сначала один палец, потом другой, наблюдая как в звере идет адская внутренняя борьба, как искажается его лицо. И вблизи оно красивое, четкое, резкое настолько мужское, насколько вообще внешность может быть мужской. Медленно опустила его руку к своей груди и повела его влажным пальцами по своему соску. Хан ничего не делает, просто позволяет мне делать это самой. И я трусь соском о подушку его пальца. Он настолько большой, что накрывает вершинку полностью. От шершавости по коже бегут мурашки и сосок напрягается. Но в этот раз не от боли и не от страха. Судорожно сглотнув смотрю в глаза Хана, как будто если отведу взгляд и момент будет утерян, очарование разобьется о его привычную жестокость. Повел пальцем сам. Вверх-вниз и остановился, еще раз посылая по моему телу разряды электричества, а я облизала пересохшие губы, и слегка кивнула, накрывая его руку своей, поглаживая грубую кожу.

— Еще... так..., - тихо и осторожно, приоткрыв рот, чтобы дышать было легче. А он перевел взгляд на мои губы и взгляд стал тяжелее, чернее.

Потянула его руку вниз, кусая губу, поглаживая мужской ладонью свой живот, ужасно боясь, что он сейчас разозлится, отшвырнет меня и все сделает быстро и грубо, но Хан смотрел на меня застывшим взглядом, не отрываясь от моего лица, как будто жадно сжирал на нем что-то известное только ему. Иногда он быстро моргал, а потом снова жадно смотрел.

Горячая шершавая ладонь приятно щекотала кожу, посылая импульсы по всему телу, заставляя кончики груди сжиматься сильнее, а низ живота дрожать. Положила его руку на свою промежность, и он дернулся всем телом, а я сильнее сжала его запястье и подалась вперед, касаясь горячей плотью его пальцев, потираясь о них напряженным бугорком. Впервые напряженным с ним.

Хан вдруг хрипло выдохнул, а я вскинула другую руку и обняла его за шею, привлекая к себе очень осторожно, чтобы не спугнуть зверя, не заставить разъяриться и разодрать меня. Иду по раскаленным углям и мне ...мне нравится это ощущение опасности и... в тоже время хрупкого контроля.

Провел пальцами сам между нижними губами, а я положила его вторую руку к себе на грудь,

ткнулась в ладонь острым соском и в ту же секунду ощутила как его большой палец надавил на клитор едва ощутимо, потом погладил его еле касаясь, заставляя меня вздрогнуть от остроты ощущений, тихо застонала не в силах вытерпеть это изнеможение и предвкушение...видя как приоткрылся его рот и как он нервно облизал губы, не прекращая наблюдать за мной.

— Хорошо? — спросил хрипло и сглотнул сильно так что его кадык дернулся и вернулся на место.

— Да, — едва слышно прошептала и потерлась о его палец сильнее, все тело содрогнулось от сладкой истомы и я, удерживая его руку, скользнула ею вверх-вниз и вокруг напряженного узелка, как делала это сама, он тут же уловил ритм и повторил за мной, заставляя резко запрокинуть голову от режущего удовольствия.

— Нежно? — шепотом... а я и не думала, что он умеет шептать. Это так волнительно слышать его голос так... так тихо. — Это нежно?

— Да... это... нежно, — и закатила глаза, когда ощущения стали невыносимо сладостными. Его стон был низким и гортанным, а выражение лица как при запредельном страдании... и этот сжирающий взгляд он жадно что-то ищет в моем лице, а я то открываю глаза то закрываю, уже не удерживая его руку, моля только об одном про себя, чтоб это не прекращалось, чтобы не останавливался. Чтобы зверь не вернулся. Чтобы со мной был этот Хан. Переводя взгляд на его губы... представляя как они вопьются в мой рот, как жадно на него набросятся, как накроют мой сосок и втянут в себя сильными сосущими движениями и... вдруг меня словно пронизало чем-то огненно острым, выгнуло дугой, парализовало на доли секунд и ослепило, вскинуло вверх, обожгло таким невыносимым удовольствием, что я невольно тихо закричала, содрогаясь всем телом... перепуганная сильными спазмами сотрясающими все мое существо под какой- оглушающий рокот, как раскат грома... пока не поняла, что это он ревет, сжимая меня одной рукой, впившись в меня озверевшим взглядом и стонет, выдыхая мне в лицо, сотрясаясь вместе со мной, не прекращая двигать пальцами... уже внутри меня и... это не больно это настолько приятно, что я невольно сжимаюсь вокруг них и не понимаю почему там настолько мокро, что слышны неприличные хлюпающие звуки.

— Хорошо? — почти беззвучно спросил, замедляя толчки и снова всматриваясь в меня... его взгляд пьяный, отрешенный... и не страшный. Он как будто болен и у него лихорадка. Весь дрожит.

— Хорошо..., - ответила так же беззвучно и коснулась ладонью его щеки. Провела по бороде, но он отпрянул назад, а я убрала руку.

Напряглась в ожидании что сейчас он навалится сверху и войдет в меня, но этого не случилось. Хан встал в полный рост, выругавшись на своем языке и я увидела темное мокрое пятно на его штанах. Он кончил... кончил от того, что мне было хорошо? Проглотила вязкую слюну и все еще быстро дыша перевела взгляд на его лицо. Мужчина дышал так же тяжело, как и я. Его кожа покрылось мелкими бусинками пота. Он развернулся и направился к двери, потом остановился несколько секунд постоял, обернулся ко мне... посмотрел долгим взглядом и вышел, впервые не хлопнув дверью.

А я откинулась на подушку и закрыла глаза. Тело все еще подрагивало и было наполнено горячей истомой... Это ведь и есть оргазм? То, что я испытала только что? Это ведь оно? И я точно знала ответ — оно.

Приоткрыла веки... А ведь Хан не причинил мне сегодня боли. Ни разу... мне действительно было хорошо. И от собственного бесстыдства к щекам прилила вся краска. Перевернулась на живот и спрятала лицо в подушку. Перед глазами его образ... его пьяный взгляд и приоткрытый рот. Его гортанный стон, от которого меня снова бросило в дрожь. И нет это не была дрожь ужаса. Мне хотелось услышать его снова...

Я вышла к ужину и меня не сковывало чувство непреодолимого ужаса, как раньше. Мне даже захотелось есть. Впервые. Настоящий аппетит. Не просто, чтоб не сдохнуть, а именно сесть за стол и поднести вилку ко рту, даже втянуть запах блюда. Вошла в столовую и остановилась в дверях — Хан уже сидел за столом, но он не ел, как обычно, когда я опаздывала. И едва я вошла тут же поднял голову и посмотрел на меня. И если раньше мне всегда казалось, что вместе с его взглядом меня придавило каменными глыбами, то сегодня я всего лишь смутилась тому как нагло себя повела и ощутила, прилив краски к щекам. Опустила взгляд и села за стол рядом с ним.

Слуги поднесли блюда на подносах и расставили рядом со мной и рядом с Ханом. Обычно

меня не интересовало, что подали к столу, но сегодня я заглянула под крышку.

— Утка с яблоками и рис. — сказал мой муж и я удивленно на него посмотрела, — каждый день готовят разные блюда. Еще ни разу не повторились.

— Почему?

— Потому что ты почти ничего не ешь. Я приказал готовить пока не съешь.

Застыла с вилкой над тарелкой и встретила с ним взглядом. Непроницаемый. Но уже не черный, а шоколадный. И я различаю зрачки, чуть расширенные в них отражаюсь я сама и стол. Они готовят каждый день разную еду, пытаюсь угодить мне? Или я что-то не так поняла?

Отрезала кусочек мяса и съела. Хан по-прежнему смотрел на меня, не отводя взгляда. Потом вдруг положил на стол футляр и подвинул ко мне.

— Открой.

Посмотрела сначала на футляр, потом на него.

— Что это?

— Открой.

Взяла футляр и распахнула его. На бархатке лежал браслет из белого золота с голубыми камнями. Я тут же его захлопнула и подвинула обратно Хану.

— Я не возьму это.

Он тут же подался вперед и посмотрел на меня исподлобья

— Чего это?

— Мне не надо платить за секс. Я не хочу подарки.

И решительно толкнула футляр к нему, а он вдруг усмехнулся в тот момент, когда я ожидала адского взрыва. Но рано расслабилась Хан вдруг поманил меня рукой.

— Иди сюда.

По телу прошла привычная волна страха. Когда он звал меня к себе обычно это заканчивалось тем, что он распластывал меня на столе и имел сзади. Растолкав в разные стороны тарелки или сметя их на пол. А я впивалась пальцами в скатерть и глядя в одну точку ждала, когда он кончит. И мне больше так не хотелось. Не хотелось возвращаться туда где боль и страх. Я попробовала что значит по-другому.

— Подойди ко мне, Ангаахай.

Я встала со своего места и преодолевая страх подошла к нему. Стала перед столом, глядя на мужчину сверху вниз. А он взял меня за руку и открыл футляр, достал браслет и надел мне на запястье. Приподнял мою руку, какое-то время рассматривая свой подарок. Потом поднял тяжелый взгляд на меня.

— У тебя нет драгоценностей. Так неправильно. Жена Тамерлана Дугур-Намаева должна быть вся в золоте. Или ты не любишь золото?

— Не в нем счастье, — ответила тихо, продолжая смотреть в его раскосые глаза. Он впервые разговаривал со мной... впервые, как с человеком.

— Счастье? — как будто это слово ему незнакомо.

— Да, когда человека что-то радует, заставляет улыбаться, ощущать ...как будто он летит высоко в небе.

— Глупое ощущение.

— Нет. Это самое прекрасное ощущение из всех, что даны человеку. Как и любовь.

Все это время он держал меня за руку, а я не вырывалась.

— Ты была счастлива?

— Да. Была. Когда мама Света пекла мне малиновый пирог, или когда летом после жаркого дня начинался проливной дождь, или когда у меня появилась кошка.

— Или когда недоносок сделал тебе предложение?

И пальцы сдавили мое запястье с силой. А я судорожно сглотнула понимая, что очарование разрушено и зверь возвращается. Это было неожиданно и не была к этому готова.

— Когда он сделал мне предложение я не знала, что он подонок. И да тогда я была счастлива. Это было лживое счастье.

— А сейчас ты бы ему отказала?

— Он мертв.

— Если бы был жив. Сейчас ты бы отказала? Отвечай!

Глаза снова стали черными и страшными.

— Я бы сама лично его убила!

Черные брови в удивлении приподнялись. А я медленно выдохнула и накрыла его руку, сжимающую мое запястье своей рукой.

— Мне нравится браслет. Он очень красивый. Я буду его носить. Мне никогда никто ничего не дарил. Спасибо тебе.

Брови приподнялись еще выше, и складка между ними разгладилась, и он вдруг резко привлек меня к себе.

— Нравится?

— Да, очень.

Уголок губ приподнялся, а я вдруг заметила, что на его лбу отклеился пластырь и на коже засохла капля крови.

— Твоя рана. — потянулась и убрала волосы со лба, всматриваясь в раскрывшийся край рубца. — болит?

— Нет.

И вдруг ощутила, как его ладони легли мне на талию, опустились сбоку по ногам вниз, приподнимая платье, скользя по ногам, задирая подол вверх. Сердце замерло и тревожно забило. Но ладони Хана двигались медленно вверх к моим бедрам. Он поднял голову и посмотрел мне в глаза.

— Боишься меня?

— Нет, — отрицательно качнула головой.

И стало жарко от этого взгляда, наполненного жаром, горящего и голодного до такой степени, что у меня мгновенно пересохло в горле. Я осмелела и села к нему на колени, продолжая перебирать его жесткие волосы и смотреть в глаза, чувствуя, как мужская ладонь гладит внутреннюю поверхность бедра.

— У тебя красивые волосы и... губы, — тронула его рот указательным пальцем, а он снова напрягся, нахмурился, но не отбросил мою руку, и я провела пальцем по его верхней губе и по нижней.

Ладонь легла сверху на кружево трусиков, и он горячо выдохнув хрипло спросил:

— Тебе нравится?

Кивнула, затаив дыхание и нагло взяв его за вторую руку положила ее к себе на грудь. Его рот приоткрылся, и Хан опустил взгляд на мое декольте, сдернул пуговицы одну за другой, обнажая кожу. И под его взглядом соски сильно сжались, увеличиваясь, твердея и болезненно заныв. Обхватил полушарие всей пятерней, а я потянула его за голову к себе, когда ощутила

горячие мягкие губы у себя на соске вскрикнула и запрокинув голову изогнулась, подставляя грудь под его ласки, а когда приоткрытый рот Хана жадно сомкнулся на соске громко застонала и впиалась пальцами в его волосы, тут же услышав его низкий стон в ответ.

— Мне нравится, — тяжело дыша и чувствуя, как сильно всасывает сосок и проникает под трусики пальцами, — мне очень нравится.

Поднял голову и посмотрел на меня пьяными глазами.

— Хочу чтоб кричала для меня. Будешь кричать.

Не спросил, скорее утверждал и я опять кивнула сжала его запястье.

— Буду... поцелуй меня, пожалуйста... Когда я буду кричать...

Настороженная, каждую секунду ожидающая, что он сорвется, дрожащая, как листья на ветру, в объятиях самого жуткого смертоносного урагана. Но движения пальцев осторожные, как будто продолжает изучать и ловить голодным взглядом реакцию. А я, как замороженная, сжираю его реакцию и оказывается нет ничего более сводящего с ума чем эти эмоции на грубом лице, в глазах, засасывающих меня своей глубиной и бездонным мраком.

— Ты горячая, — снова шепчет, — очень горячая.

От его шепота по коже рассыпаются мурашки, ее как будто тоненько режут осколками острого возбуждения неведомого мне никогда раньше. Этот тембр до неузнаваемости меняет его голос, делает низким, бархатным, завораживающим.

— Мне горячо, — очень тихо, протягивая руку и касаясь его губ снова, скользя по щеке, к сильной шее. Подо мной сама смерть, сам черт, которого боится каждая тварь, живущая в этом доме и вне его. И этот черт... ласкает меня.

Провел пальцами вдоль складок, и я тихо застонала, когда он задел клитор его лицо тут же исказилось в ответ на мой стон, а у меня по телу вспыхнули мелкие горящие искры, они обожгли нижние губы, кончики груди, заставив их сжаться намного сильнее. Хан накрыл ладонью мою грудь и сдавил сосок. В этот раз даже легкая боль отозвалась острым покалыванием внизу, между разбухших складок и даже у входа внутрь.

Его пальцы уже безошибочно нашли ритм, от которого меня начало трясти как в лихорадке и мои руки сжали его шею, а тело выгнулось назад. Осторожно спустился ниже, потрогал тут же сжавшееся отверстие, не пытаюсь проникнуть вернулся назад, надавливая на бугорок, выдыхая сквозь стиснутые зубы, не спуская с меня горящего взгляда, а я держусь за этот взгляд и от какого-то странного нетерпения дрожит подбородок.

— Я... я тебе нравлюсь? — наклоняясь к его лицу, встречаясь своим поплывшим взглядом с его обжигающим и диким от страсти. — скажи мне, пожалуйста, что я тебе нравлюсь.

— Нравишься, — тихим рычанием, — Ты мне нравишься... Ангаахай.

Сжал затвердевший от возбуждения узелок двумя пальцами, наслаждение словно плетью протянулось горящим следом между ног. Закатила глаза и вздрогнула всем телом, сжимая бедрами его руку. Похоже на пытку, но она настолько сладкая, что хочется плакать, и я изнемогаю, растекаюсь патокой, превращаюсь в пластилин. Провел по чувствительному клитору еще раз, и я громко застонала, а он в унисон со мной, прижимая сильнее к себе, удерживая одной рукой за талию. Непреодолимо чувствую приближения той мощи, того огненного и сумасшедшего состояния от которого кажется можно умереть, накрывшего меня утром. Оно покалывает, как тонкими иголками там, где хаотично двигается его палец, и моя плоть такая твердая под ним, такая напряженная. Меня вот-вот взорвет. И чувствительность становится ярче, сильнее, обжигающей. И Хан не останавливается, вдавливая меня в себя, не сводя взгляда с моего лица. Сильнее. Быстрее. Я неожиданно для себя действительно закричала, когда меня пронизало невыносимо острым удовольствием. В этот раз оно было ярче, ослепительней. Низ живота свело судорогой оргазма и мое тело словно разлетелось на кусочки. Чувствую сокращения мышц влагалища и его пальцы уже внутри, как и в прошлый раз, и мне не хочется их вытолкнуть, не хочется, чтоб он останавливался. Они творят нечто немислимое, они сводит меня с ума. Впиалась ногтями в его шею, выгнувшись дугой, запрокинув голову назад. Не прекращая вздрагивать от наслаждения, сокращаясь вокруг его пальцев, не дающих передышки, продлевающие экстаз.

Замерла... а он жадно прижался губами к моей шее, спускаясь вниз к ключицам, к груди, покусывая, вжимаясь в меня лицом. Резко поднял и хотел развернуть лицом к столу, вместо дыхания громкие вылетающие со свистом рычащие звуки. Он на пределе. Его терпение лопнуло. Но я удержала его за руки, своими дрожащими руками и села к нему на колени лицом к лицу. Пауза в несколько секунд и я чувствую, как дрожащий от напряжения зверь сдается, позволяет оседлать себя. Огромные горячие ладони лихорадочно задирают мое платье, но я снова их перехватила и склонилась к его лицу, не отпуская одичалый голодный и безумный взгляд.

— Я сама... пожалуйста. Я сама.

Смотрит исподлобья, но не мешает и когда я сама расстегнула ремень, его глаза расширились, а зрачки увеличились. Мои руки осторожно сжали его горячий член и сквозь стиснутые зубы раздался рык нетерпения.

— Я сейчас..., - прошептала приподнимаясь, удерживая его плоть, стараясь не думать о боли, не думать ни о чем. Отключить любые мысли о том, что это принесет мне страдания. — сейчас.

Направила в себя головку члена и медленно опустилась, сверху наблюдая как открывается его рот, как закатываются уже его глаза и слыша, как что-то трещит под его пальцами, и на пол летят крошки стекла. И... мне не больно. Там внутри все чувствительно, очень скользко и горячо. Ощущение наполненности запредельное, но не болезненное. Опустилась до конца, ощутив, как его плоть полностью вошла в меня, мой лобок коснулся его жестких волосков, и я замерла.

— Бляяаяядь, — он запрокинул голову, со свистом выдыхая и дрожа от нетерпения.

— Можно... можно я тебя поцелую?

Молчит тяжело дыша, так тяжело что его грудь ходит ходуном. Наклонилась и накрыла его губы своими, приподнимаясь и насаживаясь на каменную плоть, настолько напряженную, что мне кажется она сейчас взорвется. И в эту секунду он вдруг сдавил меня обеими руками, заорал мне в губы, жадно набрасываясь на них, проникая языком внутрь, сплетаясь с моим. И рывком насадил на себя еще и еще. Не давая вздохнуть, сминая мои губы своими, выдыхая в меня огненным дыханием. Но мне не больно несмотря на то, что толчки резкие, сильные... где-то внизу появляется сильное ощущение трения. Внутри. Не глубоко, спереди. Оно нарастает, и я сама подставляю губы под дикие поцелуи Хана. Пока он вдруг не заорал, запрокинув назад мою голову, впиваясь губами уже мне в шею, толкаясь быстро, мощно и очень глубоко, и я ощущаю, как внутри бьет его горячее семя, а мои руки обвивают его голову, прижимая к себе. Я даже двинулась вверх-вниз, инстинктивно... в каком-то первобытном стремлении усилить его удовольствие.

Мы так и застыли, сдавливая друг друга в объятиях и мои пальцы запутались в его волосах, а его срывающееся дыхание обжигало мне шею. Я гладила его волосы, какая-то ошеломленная, растерянная и впервые не ощущающая себя оскверненной, разорванной... скорее какой-то целой, ожившей. И очень-очень повзрослевшей.

Хан отстранился, приподнял голову заглядывая мне в лицо, его глаза, чуть прикрытые тяжелыми веками, изучают мое лицо и губы сжаты, напряжены. Он всматривается в меня, словно с большой настороженностью. Его плоть все еще внутри меня, и я чувствую, как она подрагивает и эти легкие судороги проходят по его огромному телу. Перевела взгляд на смуглые пальцы, сжимающие мои бедра и тихо выдохнула — на платье остались кровавые следы. Хан раздавил бокал, стоящие на столе... По всему полу были рассыпаны осколки.

— Хорошо? — спросил хрипло и повернул мое лицо к себе, пачкая мою щеку кровью.

Перевела взгляд на его красные, сочные губы, влажные и такие манящие и неожиданно наклонилась к ним, в миллиметре остановилась, чтобы прошептать...

— Дааа... мне хорошо, с тобой, Тамерлан, — и сама прижалась губами к его губам.

Глава 19

Темнота похожа на жесткую вату, испачканную в черную краску и продираться сквозь нее все равно, что идти наощупь через болтающиеся обмазанные клеем, марлевые лохмотья. Я словно брала жесткую темень руками и раздвигала в стороны, а за ними еще один слой темноты. Лабиринт из мрака.

— Вераааа, Верочка, доченька... иди сюда. — голос чужой, но мне кажется, что я его давно знаю и он очень родной.

«Иду, мамочка, я же иду». Эхо доносится через расстояние где-то очень далеко, и я до безумия хочу туда попасть. Увидеть маму. Мне кажется меня там ждет нечто прекрасное и светлое, меня там ждет рай. Но я никак не могла продраться сквозь густоту ночи и в отчаянии пробиралась вперед, пока вдруг не оступилась и не упала. Мое тело полетело в пропасть, набирая скорость пока я не упала лицом в липкую грязь и не услышала тихое шипение. Вокруг по-прежнему тьма. Приподнялась на руках, утопая в вязкой жиже посмотрела наверх — там кусок голубого неба, а я в каком-то колодце и мне невыносимо страшно. Мне кажется, что вокруг меня вселенское зло.

Шипение раздалось снова и когда я рассмотрела в полумраке что это за звук, то от ужаса заорала. Меня окружали змеи. Их было так много, что они опутали мои голые ноги, руки, вылезали из грязи и ползли ко мне кишачим отвратительным, склизким клубком, пока чьи-то руки не вырвали меня из этого клубка, подняв вверх, и я с диким воплем не распахнула глаза, чтобы встретиться с черными глазами Хана.

— Ты кричишь, — сказал тихо, удерживая меня за голые руки, приподняв над подушкой. Одетый, от него пахнет улицей, свежестью и его особым мускусным запахом. Я точно помню, что уснула без него... Как он оказался в комнате? Как пришел, что я не услышала?

— Страшный сон, — все еще дрожа и пытаюсь прийти в себя после отвратительного ощущения скользких тел под руками и под ногами. По щекам текут слезы ужаса. Какое-то время смотрел мне в глаза, потом аккуратно уложил обратно на подушки и встал в полный рост, чтобы уйти, и я не знаю зачем горячо и отчаянно попросила:

— Не уходи! Пожалуйста!

Резко обернулся, с неверием глядя на меня, как будто ослышался. В его глазах отражается свет от ночника, блестит оранжевыми пятнами в расширенных зрачках.

— Побудь со мной немного. Мне очень страшно.

Ощущение реальности сна все еще не отпускало и казалось, что в темноте из-под кровати покажутся змеи, заползут на постель и задавят меня насмерть или начнут жалить. Ожидание затянулось. Я была уверена, что он сейчас уйдет. Как обычно. Но Хан вдруг вернулся и лег рядом поверх атласного покрывала, закинув руки назад за подушку, и я какое-то время в полумраке смотрела на его лицо, а потом подползла ближе, улеглась под самым боком и нагло склонила голову ему на грудь. Дернулся всем телом и напрягся, как каменный, а я устроилась поудобней на выемке между рукой и мощной грудной клеткой, положила ладонь ему на живот... скользнула выше пока не ощутила, как гулко бьется его сердце. Горячий, сильный, огромный, как скала и страх начал рассеиваться, отступать. Рядом с ним можно бояться только его самого. Смотрела на его профиль, на четкую линию скул, покрытую густою порослью, на сочные губы, на прикрытые веки и волосы, упавшие на высокий лоб. Захотелось убрать их назад и коснуться его рта, очертить его линию. Он больше не казался мне страшным, отвратительным. И не верилось, как я раньше до обморока его боялась. Мне вдруг подумалось, что он ужасно одинокий, настолько одичавший, что стал злым и агрессивным, как зверь, которого морили голодом или жестоко мучили. Но ведь на самом деле Хан совсем не жуткий... и, возможно, кто-то когда-то причинил ему много боли и теперь он никого к себе не подпускает. Может быть я строю иллюзии и... не права, но мне так легче к нему привыкать.

Меня снова начало обволакивать сном и веки сами собой закрылись и тут же резко открылись, когда я почувствовала, как его ладонь легла на мое плечо. Смотрела в темноту, чувствуя, как большой палец поглаживает мою кожу медленно и как-то неуверенно и глаза снова закрылись, я погрузилась в сон под эти поглаживания. Они словно укачивали меня.

На этот раз мне ничего не снилось. И проснулась я поздним утром. Потянулась на постели, укутанная в одеяло. Вставать не хотелось. Мне нравилось валяться на его подушке от нее пахло этой самой защищенностью, как и ночью.

Я не спеша встала, не стесняясь своего голого тела, не кутаясь в простыни и стремясь броситься в ванну, чтобы быстро умыться и натянуть на себя одежду. Накинула полупрозрачный халат, лениво прошлась по комнате, подошла к окну, глядя через штору во двор. И тут же чуть настороженно замерла, увидев, как Эрдэнэ в своем кресле едет по тропинке. Издалека ее длинные черные волосы развеваются на ветру с вплетенными в них алыми лентами.

Странно. Разве она не говорила мне, что ей запрещено выходить из дома... Или малышка решила, что здесь никого нет и нарушила запреты отца. Я какое-то время наблюдала за ней пока вдруг не поняла куда она едет и какой-то неприятный холодок не прополз по моей спине. Эрдэнэ направлялась к вольеру Киары. Другие дороги туда не вели. Девочка ехала прямо к клетке. Ведь ничего страшного в этом нет... клетка закрыта и тигрица не может причинить вреда девочке. Пока не ощутила, как сердце сдавило стальными клещами — в маленькой ручке что-то блеснуло. КЛЮЧ! О Боже! У нее ключ, и она открывает вольер!

Я сбросила халат, натянула на себя платье и босиком побежала в коридор, а потом вниз по ступенькам, сломя голову, чувствуя, как кровь пульсирует в висках, как от страха за девочку немеет затылок и отнимаются ноги, но бегу, быстро, как только можно. И мне кажется, что расстояние от дома до вольера настолько огромное, что я не успею остановить Эрдэнэ и случится самое ужасное.

Вижу издалека, как та открывает клетку. Поворачивает ключ в замке, снимает его, бросает в траву. Все это время ветер треплет ленточки и те развиваются вокруг головы девочки, как кровавый нимб.

— Неет! — кричу изо всех сил, — Эрдэнэ, нет! Нельзя! Закроооой!

Повернула ко мне треугольное личико и потянула на себя дверцу, открывая настежь. И я смотрю расширенными от ужаса глазами на тигрицу, которая тут же встала на четыре лапы, и пригнула голову. Прошла один круг по вольеру и начала приближаться к девочке. А я бегу и расстояние между мной и клеткой не уменьшается. Как же она далеко и все происходит как в замедленном кадре фильма ужасов. Подскочила к вольеру и встала между девочкой и кошкой, глядя в суженные желтые глаза жуткой твари, видя, как она ускорила шаг, как быстро приближается к нам... и плотоядно облизывает морду. Какие-то доли секунд и она стоит уже перед нами.

— Киара! — громовой голос Хана доносится за спиной... лапа тигрицы приподнялась с выпущенными когтями и взметнулась вверх, а я обернулась и увидела в руках, бегущего к нам монгола ружье. Но ведь тигрица не виновата, что Эрдэнэ открыла вольер... она всего лишь хищник.

— Не стреляй — я закрою! Я ее закрою!

Тут же повернулась обратно и изо всех сил налегла на дверь клетки... вдруг ощутила, как в плече вспыхнула адская боль, настолько сильная, что в глазах потемнело, но я не выпустила прутья, налегая на них всем телом... ощущая, как на меня наваливается темнота из-за боли и страха.

— Она не виновата...не стреляй... не стреляй в нее.

Тигрица шарахнулась в угол клетки, а он с громким воплем отшвырнул ружье. Подхватил на руки легкую, как пушинку девчонку и, задыхаясь повернулся к дочери, которая смотрела на него расширенными от ужаса глазами. Он еще не понял, что именно чувствует... но это было похоже на нечто огромное, огненно-красное и болезненное, как ожог кипятком до мяса.

— Я нне хотела, — и на глаза слезы навернулись, а он заскрипел зубами и рывкнул на своих людей, дрожащих от ужаса, на их лицах читался суеверный страх и по вискам стекали капли пота.

— Врача везите немедленно! — просипел и быстрым шагом понес свою ношу в сторону дома. Он испытывал адское желание взвыть, взреветь так, чтоб треснула земля и содрогнулось небо. Он думал, что никогда не почувствует эту боль. Она осталась в прошлой жизни, и он забыл ее навсегда.

Занес Ангаахай в спальню и осторожно положил на постель и плевать, что атласные простыни окрасились в алый цвет. Это кровь сочилась из трех глубоких царапин на хрупком, худеньком плечике. Он смотрел на них и весь трясся от бессильной злобы, от ощущения, что он потерял контроль. Над всем. Над ней, над собой, над кошкой, над дочерью. Особенно над собой... и

когда точно это произошло и сам не понял.

Склонился над ней, всматриваясь в бледное лицо... перевел взгляд на раны и заскрежетал зубами.

— Больно?

— Немножко, — едва слышным шепотом.

Немножко, блядь? Там кожа висит лохмотьями, а она говорит немножко? Когда-то его резали кривым турецким кинжалом, вспарывали ему бочину возле ребра. Болело так, что темнело перед глазами. Эти раны практически не отличались. Когти Киары смертельно опасны. Она могла выдрать своей жертве сердце и судя по всему туда и метила.

— Зачем? — а сам невольно убрал волосы с ее лба золотые пряди обмотались вокруг пальца и свернулись в блестящую пружину. Шелковистые, гладкие. — Она тебе никто!

— Она твоя дочь...

— И что? — продолжая убирать волосы огромными дрожащими пальцами. Он не мог смотреть на ее раны, что-то в груди скручивалось, сжималось и пульсировало адской болью. Как будто это его разодрало, но только изнутри.

— Если ей будет больно ты будешь страдать... Я не хочу, чтоб ты страдал.

А он смотрел на бледное, почти голубое лицо и не верил, что слышит это. Разве можно настолько притворяться? Или... что здесь не так? Почему от ее слов ему становится больно... почему хочется заорать. Она ломает его мир, она крошит изнутри отлаженную годами идеальную систему, она потрошит его машинное сознание, всегда подчиняющееся разуму.

— Дура ты!

Кивает и на глазах слезы, он понимает, что ей больно и уже вслух громыхает матами, хватая сотовый и оглушая начальника безопасности:

— Где, сука, мать твою, врач или ты хочешь, чтоб я скормил твои яйца кошке?

Снова склоняется над ней, всматриваясь в затуманенные болью светлые глаза. Каждый, кто виновен в ее боли понесет наказание. Самое страшное. Настолько жуткое, что этот дом содрогнется и захлебнется кровью.

— Сейчас врач придет, потерпи... Ангаахай.

— Терплю, — кивает и тонкие пальцы ищут его руку, находят и сплетаются с его пальцами. — ты ведь не убьешь ее?

Всматривается задумчивым взглядом в ее глаза, отыскивая в них намек на хитрость, намек на скрытую манипуляцию... но их нет или он настолько ослеп и оглох, что просто не видит. Она ведь не может быть такой... таких не бывает. Такие, как он, таких не заслужили.

Врач вошел в спальню вместе с Тимуром, и Хан тут же повернулся к невысокому человеку с густой седой шевелюрой и чисто выбритым миловидным лицом.

— Сделаешь ей больно — я сделаю больно тебе.

Врач никак не прокомментировал эту угрозу и обошел Хана, чтобы склониться над девушкой, осмотрел раны.

— Промыть и зашить. Нужна вакцина от столбняка, антибиотики.

Повернулся к Хану.

— Животное привито?

Тот кивнул, глядя на врача исподлобья.

— Вы можете выйти.

— Нет! — вскрикнула и умоляюще посмотрела на Хана, — Не уходи. Я... я уколов боюсь... и иголок. Вы будете меня зашивать, да?

Он бы засмеялся если бы внутри все не содрогалось и его не пожирало неизведанное ощущение зарождающегося апокалипсиса. Эта маленькая птичка спасла его дочь от смертоносной тигрицы... и спасла эту тигрицу от пули. Девочка Киара... слишком дорогая, чтобы выстрелить и раздробить ей голову... после всего, что она пережила. Но он собирался это сделать... Она посмела тронуть ЕГО женщину.

— Я уколою обезболивающее прежде, чем зашивать.

— У меня аллергия на анестезию.

— Значит придется терпеть.

Оказывается, он тоже их боялся... уколов, порезов. Всего что угодно, что могло причинить ей страдания. Это было болезненное и совершенно неожиданное открытие. Лебедь смотрела на него и сжимала его руку, пока врач проводил манипуляции с ее плечом и когда она вздрагивала он вздрагивал вместе с ней.

— Больно?

— Нет, — а сама губы кусает до крови и ему хочется свернуть врачу башку прямо здесь и сейчас.

— Расскажи мне... расскажи про Киару. Откуда она у тебя?

— Я ее прирежу, — шипит и от напряжения болит каждый нерв. Он не может смотреть, как врач тыкает в тонкую ручку иглой, его швыряет в холодный пот. Его. Того, кто сам лично умел причинять своим врагам самую адскую и невыносимую боль, тот, кто мог придумать самую изощренную пытку. И... причинял боль ЕЙ сам.

— Нет... нет, нет. Не надо. Она не виновата... не она дала ключ Эрдэнэ...расскажи мне о ней, пожалуйста, прошу.

Он никогда и никому ничего не рассказывал. Ни о себе, ни о ком-либо еще. Ангаахай тихо застонала и в глазах появились слезы... и он заговорил.

— Это был цирк. Бродячий. Они разбивали шатры в городах, неделю давали представление и шли дальше. Их хитом был номер с тигрятами и с маленькой акробаткой монголкой. Тигрята должны были возить на себе своих укротителей и прыгать с ними через препятствия.

Киара сорвала представление и бросилась на своего укротителя, когда тот ублюдок еб***ый приказал ей прыгать через огненное кольцо... Ее били на сцене железными палками по голове. Она кричала и плакала, забивалась в угол. Люди смотрели на это и скандировали «сдохни тварь». Я выкупил ее полумертвую у хозяина цирка, у этого ушлепка... ее и ту маленькую женщину — акробатку. Игрушку хозяина. Он избивал ее после каждого выступления, за то, что за нее мало платили, морил голодом и не давал ни копейки. Когда я зашел за кулисы ...он тушил об нее сигареты и расставлял на ее спине еду... как на столе.

Пока говорил по щекам Ангаахай текли слезы, а расширенные глаза не отрываясь смотрели на него.

— Ты... ты такой хороший.

— Я сжег этот цирк вместе с хозяином.

— Я горжусь тобой...

И он рассмеялся, сжимая ее тонкие пальцы. Его называли каким угодно, но только не хорошим. Он мог бы высмеять эти наивные слова, мог бы их исковеркать, опозлить, испоганить... но не стал. Потому что... потому что, блядь, ему захотелось, чтоб она так считала. Зачем? Он и сам не знал. И... им никогда, и никто не гордился. Восхищались, завидовали, ненавидели, лебезили, но никогда не гордились. Когда Хан побеждал на рингах... он представлял себе, как бы его мама им гордилась. Только она была способна сказать ему «я горжусь тобой», потому что только она любила его...

Потом, когда врач ушел, а она спала под действием транквилизаторов, Хан не отрываясь смотрел на ее лицо и трогал кончиками пальцев ее скулу, изгиб длинной шеи, плечо, руку, тонкую кисть... и думал о том, что внутри него поселилось зверское чувство. Страшное по своей силе, слишком сильное, чтоб с ним справляться. Она дала ему то, что никто и никогда не давал... ощущение нужности. Ему нужно было обладать ею целиком.

Этот наркотик оказался губительно ядовитым. Стоило лишь лизнуть кончиком звериного языка капельку и все. Долбаный, изломанный наркоман. ее удовольствие от его ласк. Неподдельное, настоящее....Видеть как трепещут тонкие веки, испещренные нитками-венами, как закатываются глаза и приоткрывается рот... как твердеют соски, как они наливаются и становятся алого цвета, а у него яйца разрываются. И этот запах возбуждения. Он вынюхал ее тело, как животное, как взбесившийся от похоти кобель изучил запах своей самки, так и он различал любую интонацию ее запаха и когда впервые уловил эти умопомрачительные мускусные оттенки сдурел окончательно.

Она его хотела. По-настоящему. Так как никто никогда не хотел. Этим невозможно обмануть. Он ощущал ее желание пальцами, языком, губами, всем своим существом. Эти спазмы оргазма на своем члене и ее крики от которых его вскидывало в самую высокую адскую бездну неба и швыряло обратно к ней в объятия. Она хотела в нем мужчину. Хотела его самого. Ни денег, ни подарков, ни золота. Она хотела того забитого, изломанного пацана, сидящего в углу и покрытого кровоподтеками... Он еще не смел показаться из своей вонючей дыры. Но поднял голову и всматривался пустыми глазницами в тоненький луч света и медленно тянул к нему скрюченные сломанные пальцы. Хану впервые не хотелось раздробить этому осмелевшему ублюдку все кости.

Когда рано утром, вышел из спальни, чтобы принести ей поесть, отворил дверь и остановился как вкопанный. За дверью оказалась его дочь. Сидит и смотрит, не моргая сквозь него.

— Я пришла к Вере.

— ее зовут Ангаахай.

— Ей больше нравится Вера.

Глава 20

— Возвращайся к себе. Кто тебе разрешил сюда приходить?

Почему мне раньше казалось, что голос Тамерлана жуткий и очень низкий? Сейчас я прислушивалась к тембру и мне нравилось его гортанное звучание. То, как он произносит буквы, как тянет их с характерным акцентом.

— Я принесла ей подарок. Хочу отдать.

Не смотрит на него... как и обычно. А он... я вижу лишь его голую спину и чуть склоненную вперед голову.

— Иди к себе.

— Отдам подарок и пойду.

Алые ленты все еще вплетены в косы только теперь падают ей на плечи.

— Уходи. Ты должна быть наказана.

— Отдам подарок и наказывай.

Я слышала их голоса за приоткрытой дверью, и вся внутренне сжалась в ожидании взрыва, в ожидании, что он сейчас вышвырнет малышку.

— Накажу не сомневайся.

— Дай мне увидеть Веру.

Она стойко перечила ему, и я лишь устало выдохнула, когда дверь открылась настежь и Хан позволил девочке въехать в спальню. Я приподнялась на одном локте, глядя как маленькое кресло подъехало к моей постели и малышка подняла на меня треугольное личико, а потом протянула рисунок.

— Я принесла тебе подарок.

Взяла лист бумаги, устраиваясь на подушке, примащиваясь так чтоб не болело плечо и посмотрела на рисунок. На нем изображена девушка с крыльями, как у ангела и длинными распущенными волосами. От ее крыльев вниз падают красные цветы. Она закрыла лицо руками и словно парит в воздухе. Рисунок нарисован акварельными красками. Эрдэнэ очень талантливая девочка. Я бы не сказала, что этот рисунок нарисовала девятилетняя малышка.

— Красиво. Кто это?

— Это ты.

Я присмотрелась к рисунку внимательней и улыбаясь положила рядом с собой.

— Я ангел?

— Нет. Ты — лебедь.

Склонила голову к плечу и смотрит на меня пытливо, с интересом. У нее такой вид будто ничего не произошло, и она не открывала клетку, не подвергла свою жизнь опасности.

— Почему лебедь?

— Не знаю. Ты похожа на птицу. Нежную, красивую.

— Спасибо.

Я улыбнулась ей и чуть прикрыла глаза, но тут же широко их распахнула, потому что она вдруг спокойно сказала:

— Все равно он сломает тебе крылья и твои перья рассыплются вокруг... я там нарисовала их.

Взяла рисунок и присмотрелась — действительно на земле валялись выдранные перья красного цвета. Я вначале приняла их за цветы. Медленно отложила рисунок, стараясь справиться с сильным сердцебиением.

— Зачем ты это сделала? Зачем открыла клетку?

Девочка пожала худенькими плечами.

— Он любит ее больше, чем меня. Гуляет с ней, заходит в клетку, разговаривает с ней, кормит....Я хотела, чтоб она умерла... или я. Всегда должен оставаться кто-то один. Кого любят больше.

Я невольно подалась вперед и почувствовала, как что-то саднит под ребрами и сохнет в горле так будто я наглotalась песка. Как же ужасно звучит все что она говорит. Такая маленькая и столько боли внутри. Как же мне тебя отогреть?

— Отец и тебя любит. Намного сильнее Киары. Ты видела, как он схватил ружье? Он выбрал тебя!

— Или тебя! — упрямо и пронзительно на меня посмотрела. Карие глаза настолько темные, что ее взгляд кажется не подъемно тяжелым.

— Тебя! Кто я? Никто... а ты его дочь! — поправила ее я и села на постели, чувствуя легкое головокружение, опустила ноги вниз и взяла девочку за руки. Она хотела их одернуть, но я сильно сжала маленькие ладошки.

— Неправда. Тебя. — закричала Эрдэнэ и неожиданно сильно сжала и мои пальцы, — Он всегда выбирает кого угодно, но не меня. Я вечно заперта в этом доме как в тюрьме. У меня нет друзей, нет животных, нет никого.

— А я?

— Ты? — девочка попыталась еще раз высвободить руки, но я не дала. — Ты можешь исчезнуть в любой момент.

— Все мы можем исчезнуть в любой момент. Я бы отдала все на свете, чтобы мои родители в один день вдруг не исчезли, но они попали в аварию, и я никогда не знала их. А у тебя есть отец... Если бы у меня был отец...

— У меня его нет.

Все же вырвала ручки и развернув кресло, отъехала к окну, а я встала с постели и подошла к ней сзади, любуясь длинными, блестящими волосами так ярко контрастирующими с алыми лентами.

— Есть. У тебя он есть. И если ты рядом с ним в этом доме, накормлена, одета, обучена, то ты ему дорога. Если родители не любят своих детей, они отказываются от них, убивают...

— Нет! Он меня ненавидит! Стесняется! Я уродина! Выродок! Безногое мясо! Лучше бы он меня убил, когда я родилась!

Я развернула кресло к себе и посмотрела в бездонные глаза малышки наполненные слезами, опустила на колени и провела ладонью по ее щеке.

— Но ведь он этого не сделал... он тебя вырастил. Смотри какая ты красивая. Разве красота только в ногах? А глаза — твои похожи на расплавленный шоколад. А волосы? Блестящие, длинные, густые. Может быть твой папа любит тебя и просто не знает, как сказать об этом или показать свою любовь. Твое имя....ты ведь знаешь как оно переводится? Драгоценность. Это папа тебя так назвал.

Она смотрела на меня и по ее смуглым щекам катились слезы, а меня разрывало от жалости.

— Ты ведь тоже его любишь...

Она кивнула, а я подалась вперед и обняла ее одной рукой, привлекая к себе, чувствуя ладонью выпирающие косточки позвоночника.

— Ты говорила ему об этом? Говорила, что любишь его?

Отрицательно качает головой.

— Хочешь мы придумаем как ему об этом сказать?

Отстранила малышку от себя.

— Или подарим ему подарок... Не знаю. На какой-нибудь праздник.

— У... у...не-го, — Эрдэнэ тихо всхлипывала, — не-го день ро-ж-де-ни-я... сссоро.

Так трогательно. Я бы в жизни не подумала о дне рождения такого человка, как Хан... наверное, потому что тогда надо было представить его ребенком, а мне было сложно это сделать.

— Вот... мы сделаем для него подарок.

Эрдэнэ отрицательно качнула головой.

— Он не разрешит нам общаться.

— Разрешит, — не знаю почему я это сказала с такой уверенностью, но я собиралась выдрать это право с мясом. Или наперекор всем запретам приходиться к девочке.

— Я знаю... знаю почему ты все еще здесь?

Вдруг сказала она и тронула мои волосы, пропустила между темными пальчиками.

— Ты красивая.

Я улыбнулась... хотела сказать спасибо, но девочка вдруг ткнула пальчиком мне в грудь.

— Вот здесь красивая. И он видит твои крылья... как и я. А у меня нет крыльев.

— Есть. Просто их видят другие, а не ты.

— Я злая. Так все говорят. Я — исчадие ада!

Я улыбнулась и убрала ее волосы назад на спину.

— Нет. Ты очень добрая и милая девочка. Мы найдем твои крылья и покажем их всем. Особенно твоему папе.

Эта поездка в три дня заставила его ощутить себя самым настоящим идиотом. Он набирал охрану по тысяче раз в день. Он постоянно смотрел в камеры и считал время, дни, часы. Договора о поставках золота лежат перед носом, а он тычет пальцем в смартфон, чтобы посмотреть, где она сейчас и что делает. До этого у Хана был обычный кнопочный телефон... пока он вдруг не понял, что ему необходимо видеть ее двадцать четыре часа в сутки. Он наблюдал за ней постоянно. Это стало каким-то наваждением, ритуалом.

Влетел в дом, сбросив на ходу куртку на пол, переступая через одну ступеньку. Прошел быстрым шагом мимо залы, к ней в комнату, где Ангаахай часто читала книги из его библиотеки, в которой он ни разу не был.

И замер как вкопанный, как будто его сзади ударили по голове и его выбило из реальности. Ничего более красивого и нежного он в своей жизни не видел никогда. Его в свое время никто не приобщал к великому искусству и единственные танцы, которые лицезрел Тигр, у которого еще не было гордого имени Хан — это стриптизерш у шеста с прыгающими сиськами, мясистыми задницами и оголенными гениталиями. Их можно было лапать, если сунуть в трусы лишнюю двадцатку, а еще за двадцать они могли подрочить ему член и уж совершенной роскошью был минет. На него у Тигра денег обычно не бывало. Но бабы его боялись и если он давал команду «на колени и открыть рот», то обычно так и поступали, безропотно отсасывая и не смея пожаловаться.

Танцы ассоциировались у Хана с грязью, шлюхами и сексом... Ровно до этого момента. На ней было короткое белое просторное платье, воздушное и легкое, как облако, под ним просвечивали тонкие белые трусики. Волосы собрала в высокую прическу, но несколько непослушных прядей выбились ей на лоб и легко касались нежной кожи, когда Ангаахай поворачивала голову.

У него отнялся голос и все тело парализовало. Она не танцевала. Нет. Она летала по залу. ее тонкие длинные руки плавно и нежно порхали то вверх-то вниз, длинная шея изгибалась вместе с тонким станом, а ноги... они ведь не касались пола. Ему казалось она танцует на самых кончиках больших пальцев или в воздухе. Самый настоящий лебедь, нежный, легкий, светлый. Настолько ослепительно чистый, что невольно хочется зажмуриться, и он почему-то потирает свои грубые большие руки о штаны. Они показались ему грязными.

Танцует без музыки....а он ее слышит. Музыку. Какую-то особенную, незнакомую, неожиданно нежную. Да, он узнал значение слова «нежность». Оно ассоциировалось только с ней. С ее золотыми волосами, с ее белой кожей, с мурашками на теле... они появлялись, когда он касался его кончиками своих темных пальцев. Она научила его касаться. Не мять, не сжимать, а ласкать. И это оказалось в миллион раз охуительней, чем оставлять синяки под стоны боли. Потому что это были хоть какие-то звуки... Но ни один стон боли не сравнится с ее стонами наслаждения. Когда его пальцы медленно входят в ее влагалище, погружаются глубоко осторожными толчками, а ее глаза в ответ закатываются, и она так жалобно и тихонько умоляет его не останавливаться. Бляяяядь, ничто не сравнится с этим ощущением, что он Бог, мать вашу.

Ему больше не хотелось сдавливать хрупкие бедра, заламывать руки, тыкать лицом в подушку, чтобы грубо оттрахать и кончить. Нееет, он хотел смотреть на ее лицо, хотел пожирать каждую эмоцию, подаренную ему. Хотел услышать ее «мне хорошо». Нежным тонким голосом, полным истомы. И ему становилось хорошо. Так хорошо, что казалось он от этого хорошо сдохнет. Рухнет мешком на пол и просто задохнется от распирающего его «хорошо», оно проломит ему грудину и оттуда выкатится его сердце... прямо к ее ногам. Вот этим тонким, стройным ногам, выплясывающим что-то невообразимое, легко отталкивающимся от пола, чтобы взлететь в шпагате так высоко, что он вздрагивает от неожиданности.

Она творила с ним что-то сумасшедшее, что-то неподдающееся описанию... И не только с ним. Со всеми, кто приближался, кто с ней соприкасался. Его расперло от досады от той настойчивости, с которой Эрдэнэ требовала встречи с девчонкой. Дочь осмелилась настаивать и перечить ради. ради никого. По сути. Тогда он все еще называл ее никем... В последний раз. Хан уступил... чтобы стоять за дверью и жадно слушать, о чем они говорят.

Хотел узнать какое он чудовище. От них обеих. Услышать привычное мнение и злорадно запретить им общаться, разодрать эту идиотскую дружбу против него. Но... ничего подобного не услышал, только облокотился спиной о дверь и закрыл глаза, чувствуя, как глубоко внутри разливается жгучая боль. Та самая, которую он почувствовал, когда впервые увидел маленькую Эрдэнэ и взял на руки.

«У меня его нет». Кривым ножом в грудь. У нее его действительно нет. Отца. Как и у него все это время нет дочери. Больно ранят слова... раны открываются снова...

— Есть. У тебя он есть. И если ты рядом с ним в этом доме, накормлена, одета, обучена, то ты ему дорога. Если родители не любят своих детей, они отказываются от них, убивают...

— Нет! Он меня ненавидит! Стесняется! Я уродина! Выродок! Безногое мясо! Лучше бы он меня убил, когда я родилась!

— Но ведь он этого не сделал... он тебя вырастил. Смотри какая ты красивая. Разве красота только в ногах? А глаза — твои похожи на расплавленный шоколад. А волосы? Блестящие, длинные, густые. Может быть твой папа любит тебя и просто не знает, как сказать об этом или показать свою любовь. Твое имя....ты ведь знаешь как оно переводится? Драгоценность. Это папа тебя так назвал.

— Ты ведь тоже его любишь...

И он бежит прочь. Быстро, сломя голову, удирает, чтобы не услышать ответ, чтобы не разочароваться настолько, что захочется биться головой о стены, как когда-то давно... когда ему говорили, что этот кусок мяса не выживет.

«Что ты возишься с ней? Ты знаешь, как поступают в нашей семье с несостоятельным потомством? Тебе дадут справку о естественной смерти и всем будет хорошо. Родишь потом себе сына»

Голос деда прозвучал в голове и его передернуло, а кулак врезался в дерево. Это был их последний разговор. Хан больше не общался с дедом... до тех пор пока тот сам не позвал его спустя много лет. Первые ночи оказались самыми тяжелыми. Он не давал ей имя... ждал, что она умрет, боялся, что привяжется, боялся, что она уйдет, а он окончательно сдвинется мозгами. Он даже не подходил к кровати, спал в дальней комнате. За младенцем ухаживала нянька. Это были ночи полные детского крика. Он доносился нескончаемо долго. Хан затыкал уши, пил, прятал голову под подушку. Пока не выдержал и не пошел быстрым шагом в спальню малышки и не выдрал из рук перепуганной сиделки.

Она кричала, она выгибалась и плакала у него на руках. Он плакал вместе с ней. Огромная

туша с младенцем-инвалидом на руках, металась по комнате и сходила с ума от детского плача. Но ему удалось ее укачать и уснуть вместе с ней на своей постели.

Да, он назвал свою дочь драгоценность... после жуткой ночи, когда чуть не потерял ее. Пожар случился под утро. Пристройка полыхала адским огнем, когда он спал мертвым сном после очередного боя и развлечения с тремя потаскушками найденными для него импресарио.

Хан мог только метаться вокруг пылающих стен, только пытаться заскочить в дом, но огонь и дым не давали ему этого сделать. Он орал от отчаяния и рвал на себе волосы... пока вдруг не увидел, как огромная тень выпрыгнула из-под падающих досок. Киара тащила в зубах сверток, перепачканный золой, ее бока были обожжены, а кое-где еще дымилась шерсть. Она положила попискивающий комок на траву и тяжело завалилась на бок рядом. Она спасла его единственную драгоценность. С тех пор за малышкой присматривала Зимбага и три няньки... а он... он решил, что ему не место рядом с младенцем.

И, нет, он не боялся, что кошка поранит Эрдэнэ...он испугался, что она убьет его лебедя... испугался настолько, что был готов пристрелить свою любимую и верную девочку. Но Лебедь не дала...

Шагнул решительно в залу и Ангаахай резко замерла, обернувшись к нему. Момент, когда он окаменел, считывая эмоции на ее лице, ожидая привычную ненависть, ужас, неприязнь... но вместо них она вдруг улыбнулась и пошла к нему навстречу, а потом вскинула свои руки-крылья и обняла его за шею, уткнулась лбом ему в подбородок, привстав на носочки.

— Как долго тебя не было, — и склонив голову ему на плечо тихо добавила, — я скучала.

Растерянно сомкнул одну ладонь на ее талии, а второй накрыл золотистую голову и закатил глаза от удовольствия. Он тоже скучал. Да... именно так это называется. Он по ней скучал. Она перестала быть никем....

Глава 21

— Скучала?

Повторил за ней и жадно привлек к себе, сжимая ладонями тонкую талию, чувствуя, как загорается, как воспаляется его кожа, как наливаются член. Кивает и продолжает улыбаться. Если лжет ...если она лжет он ведь способен оторвать ее золотистую головку голыми руками.

— Я иду в ванну. Жди меня голая. Покажешь, как скучала. — так привычной. Швырнуть на постель, отыметь и уснуть. Избавиться от сумасшествия. Ведь раньше так и было.

Поднялся наверх в спальню, включил свет и открутил кран с водой на полную мощность. Пиликнул сотовый и он бросил взгляд на дисплей — названивает импресарио, и он знает зачем. Хану бросил вызов чернокожий Мухаммад ибн Сади Аль Разаян. Ставки столь высоки, что от мельтешащих нулей рябит в глазах. Но ему было плевать на ставки. Ходили слухи, что Муха может завалить Хана с одного удара. Что он готовился к этому бою десятки лет. Тучная рожа Разаяна, заснятая на любительское видео кривлялась и показывала язык, он растягивал свои глаза до висков и изображал рыдания. Насрать на макаку. Его и не так доставали. Где они, а где сам Хан.

Тамерлан не отреагировал на вызов и собирался через несколько дней драться с китайцем. Три заказных боя, которые он должен был выиграть, запланированные заранее, оплаченные с менее высокими ставками, но выбранные им самим. Он уже давно сам «заказывал музыку». Но перед глазами скачет морда Мухи и эти узкие глаза. Сука намеренно дразнит его, распалает.

Потянул руку к вороту рубашки и увидел, как повернулась ручка двери, напрягся. Ангааахай зашла в ванную комнату. Щеки чуть размялись, глаза блестят. От удивления Хан застыл на месте, а она подошла к нему и взялась за ворот его рубашки.

— Можно я?

Он опустил руки, чувствуя, как пересыхает в горле и гулко колотится сердце. Она пришла к нему? Сама? Медленно расстегивает пуговицы его рубашки, а он смотрит за ней из-под полуопущенных век и чувствует, как по телу проходят волны невероятной дрожи. Сняла с него рубашку, и та соскользнула на пол. Обошла его и остановилась сзади, а он чувствует, как становится трудно дышать. Горячие женские ладони прошли по его спине, вниз. Она повторила пальчиками линии его шрамов.

— Их так много..., - словно разговаривает сама с собой, а у него глаза закрываются от дикого удовольствия. Снова оказалась перед ним и теперь ее ладони прошли по его груди, изучая, поглаживая, заставляя его стать каменным от напряжения.

Потянулась вперед и коснулась губами его шрама, а ему показалось, что он сейчас кончит настолько сильно налились яйца и защекотало головку члена. Ни слова не говорит. Его трясет всего. Никто и никогда к нему вот так не прикасался, не ласкал и не целовал.

Нет его слюнявили губами, лизали похотливо языками... но его никогда с придыханием не целовали, едва касаясь мягким ртом, обжигая боязливым дыханием. Дернула ремень на штанах, расстегнула их сама, стянув вниз вместе с трусами. А он так и стоит перед ней голый, с расставленными ногами, со вздыбленным членом с которого выступает каплями смазка и понимает, что как только она его коснется его разорвет на хер.

И когда маленькие пальчики касаются живота, паха, опускаясь к яйцам он тихо стонет, закрывая глаза, стискивая челюсти. Давая ей себя изучать и зверея от этого контроля, под которым он держит себя и чуть ли не воет от этой боли желания. Но он готов терпеть, чтобы не спугнуть.

Проводит ладошкой по стволу члена, мягко обхватывая, и Хан в голос стонет, запрокинув голову, приоткрыв рот, хватая воздух и стискивая руки в кулаки. Мучительно долго ее ладошки исследуют его плоть, трогают складки, проводят коготками по вздувшимся венам, сжимают мошонку. Пока она вдруг не прижимается к нему всем телом и не просит его очень тихо.

— Сделай мне хорошо... сейчас... Я очень хочу тебя.

Пиз***ц. Его накрыло. С головой. Так сильно, что казалось ошпарило все тело. Приподнял

девчонку за талию и усадил на шкафчик для полотенец. Смотрит ей в глаза, содрогаюсь всем телом, истекая потом и видит, как напряженно она ждет. Тело просвечивает под платьем, и он замечает тонкую полоску белых трусиков.

Хану понравилось то, что она делала с ним и он хотел сделать это с ней. Хотел, чтоб она кричала для него. Он покусывал ее тело, посасывал камушки сосков через тонкую ткань и стонал вместе с ней, опускаясь вниз к ее животу, раздвигая ноги в стороны, стянув с нее трусики и шумно выдохнув, увидев блестящие складки плоти так близко. Провел по ним смуглым пальцем, раскрывая ее, жадно осматривая эту нежность. И его тянет попробовать на вкус перламутровый блеск, обвести языком эти аккуратные губки и розовую сердцевину. И едва коснувшись ее там дернулся от удовольствия. Вкусно... мать ее, она везде ...чистая. Нет ощущения грязи. Есть только невыносимая тяга. С утробным рычанием потянул в себя напряженный клитор, чувствуя, как колотит от ощущения этой остро-сладкой влаги в раскаленной пасти, сжав ладонью собственные яйца, чтобы не спустить опять в никуда. Чтобы потом в нее. Язык мечется на нежных складках, на твердом узелке клитора, вспоминая как ей нравилось больше, когда он делал это пальцами, а она мечется под ним, выгибается, стонет, впивается в его волосы.

— Хорошо... мне хорошо... хорошо... пожалуйста... даааа....

Пока не срывается в крик. Так сладостно, жалобно, так надрывно. Стиснув его голову коленями. И Хана трясет вместе с ней, но он терпит, весь взмокший от пота, мечтающий излиться глубоко в ней. И жадно вылизывает с рычанием всю влажность, поддевая пульсирующий бугорок, трепая ртом ее нижние губы, дразня кончиком языка сочащуюся дырочку.

Отстранился, чтобы посмотреть на разбухшую, заласканную ярко-красную плоть. И ощутил, как возбуждение превратилось в невыносимую агонию. Приподнял Ангаахай за бедра и упираясь ладонями в кафель рывком вошел в нее. Такую мокрую. Скользкую, все еще сокращающуюся от оргазма, с запрокинутой головой и закатившимися глазами. Набросился на ее губы, отдавая ей ее вкус. Впервые испивший женщину, сожравший все ее соки и ошалевший от этого. Взыл, когда ощутил, как сжала его изнутри. Начал медленно толкаться вглубь, скрипя зубами, но она потянула Хана к себе и тихим голосом попросила:

— Сильнее.

И он сорвался. Вбивался, вдирался в ее плоть безжалостно быстро, набирая скорость под ее крики... на мгновения останавливаясь, чтобы понять не причиняет ли ей боль... и видя, как она выгибается, как извивается, и сама насаживается на него, с воплем входив еще глубже, по самые яйца. Все быстрее. Перехватил за талию обеими руками и начал насаживать на член, толкаясь навстречу, ощущая, как поджимаются яйца, как скручивает желудок от потребности кончить и как ослепляет оргазмом выпрыскиваясь в нее сильной струей.

Приподнял голову, чтобы встретиться с ее затуманенным лазурным взглядом.

— Теперь веришь?

Усмехнулся и тут же оторопел, когда она поцеловала его в губы и тихо сказала.

— Ты пахнешь мною.

И она даже не представляла насколько глубоко в него въелся этот запах.

Спустя некоторое время

— Я хочу поехать с тобой.

Не оборачиваясь застегнул первые пуговицы рубашки, а она соскочила с постели в прозрачном пеньюаре и, оказавшись перед ним, растрепанная, еще не остывшая после сна, пахнувшая их адским сексом ночью, сама застегнула еще одну пуговицу.

— Возьми меня с собой.

Бредовая просьба. Если бы его попросила любая другая женщина он бы оттолкнул ее от себя, как надоедливое насекомое.

— Тебе там не место.

— Почему?

Не смотрит ей в глаза. Так проще отказывать. Последнее время это стало невыносимым наваждением. Ощущение, что он не может сказать ей «нет». Особенно если она смотрит на него вот так. Снизу-вверх, заглядывая ему в глаза, чуть приоткрыв свой розовый рот, привстав на носочки, чтобы хоть немного до него дотянуться.

— Потому что я так сказал.

Он привык, что женщины, улюлюкающие в толпе обычно вульгарные, готовые раздвинуть ноги разукрашенные соски. Такими он их видел. С похотливо-алчным блеском в глазах. А потом выбирал любую и жестко драл во все щели в комнате для отдыха, или в туалете, или в машине. По пути в гостиницу. Они отсасывали ему, а затем оказывались на дороге с парой купюр в зубах и его автографом в виде спермы на их лице или волосах.

Да... были и те, кто брали с собой своих женщин и жен. Но у Хана нет своей женщины, а жена...

— Когда ты уезжаешь мне становится очень страшно.

Отвлекла его от мыслей, и он опустил все же глаза на ее нежное лицо в обрамлении тонких золотистых локонов. Потом бросил взгляд на плечо, на котором остались кривые розовые шрамы от когтей Киары. Благодаря Зимбаге раны зажили быстро. Провел по ним кончиками пальцев.

— И чего ты боишься?

— Что ты не вернешься ко мне.

Она его обескураживала. Каждый раз ставила в тупик, отнимала у него дар речи и превращала в немого идиота, неспособного противостоять маленькой, хрупкой девчонке. Она выдрала из него согласие общаться с Эрдэнэ. Так искусно и ловко заставила его согласиться, что он сам себе не верил.

«Пожалуйста, я хочу с ней общаться. Ей нужно это и мне... я совсем одна в этом доме. Она очень одинока целыми днями только учебники, музыка... Она такая умненькая, талантливая. Я бы приходила к ней раз в день, хотя бы на час. Прошу тебя. Разреши.»

— Нет.

— Я здесь ненадолго, а она привыкнет ко мне, а потом...потом ей будет тяжело со мной расставаться, да? Поэтому «нет»? Чтоб не общалась с твоей игрушкой и не привыкла к ней?

Сцапал девчонку за плечи и дернул к себе

— Кто тебе такое сказал?

— А разве это не так? Я ведь никто для тебя. Тридцать дней уже давно прошло, и ты можешь в любой момент избавиться от меня.

Долго смотрел на нее, на прозрачную белую кожу, на золотистые ресницы, на тоненькие венки на веках. Избавиться? Нет, блядь... он уже давно понял, что не сможет от нее не только избавиться, а провести без нее двадцать четыре гребаных часа.

— Ты можешь общаться с Эрдэнэ когда захочешь.

Он никогда не забудет, как в этот момент ее глаза наполнились слезами.

— Значит не никто?

— Ты можешь общаться с Эрдэнэ я сказал.

Обняла его за шею и быстро-быстро покрыла его бородатое лицо поцелуями.

— Спасибо, спасибо, спасибо.

— Перестань!

Отстранил ее от себя, не понимая почему у него разливается какое-то невыносимое тепло

внутри.

— Почему? Тебе не нравится, когда я тебя целую.

Смотрит так искренне, так открыто, так невозможно пронзительно, что у него начинается болеть в груди.

— Не нравится? Хорошо я не буду.

Хотела вырваться, но он приподнял ее и ткнулся носом в ее нос.

— Ни хрена. Целуй».

— Возьми меня с собой. Один раз.

Тянет его к себе за рубашку, обнимает за плечи, обволакивает ароматом соблазна. Искушает настолько сильно, что он забывает куда хотел идти, зачем одевался. Подхватил Ангаахай на руки так, что она обхватила тонкими ногами его бедра и волна волос упала ему на лицо, сводя с ума, заставляя член не просто каменеть, а ныть от адского возбуждения.

— Повтори...

— Что повторить, — сильнее обхватывает ногами его бедра и впивается пальцами в его шею, прогибаясь назад, открывая его взгляду грудь, едва прикрытую тонкой тканью и он с рыком впивается в ее сосок жадными губами.

— Возьми меня ..., - под ее голосок его пальцы лихорадочно дергают змейку вниз, высвобождая член и на весу насаживают ее на стоящий колом член, под их обоюдный стон. Бляяядь, как же там узко и горячо, как тесно ее мышцы сдавили его плоть, орошая влагой... Она его хочет. Вот что лишало рассудка и превращало его в обезумевшее животное. Она. Его. Хочет. ее ладони сжимают его лицо, а глаза закатываются, когда Хан легко поднимает ее и насаживает на себя снова, стоя посередине комнаты совершенно одетый, опутанный ею и золотыми волосами, как лебяжьим пухом.

— Взял, — гортанно ей в губы, ловя ее стоны. — чувствуешь... я тебя взял.

Дааа, он возьмет ее с собой. Да... да... да. Черт возьми. Чтоб не разлучаться с ней. Отметит этот проклятый день рождения с навязанной дедом семьей и уедет с Ангаахай на две недели.

Глава 22

Он смотрел в окно, как они съезжаются к его дому. Многочисленные крутые тачки с купленными номерами. Внизу снуют слуги в белых накрахмаленных рубашках, серебряные подносы сверкают в бликах от вывешенных по периметру поместья гирлянд. Последний раз в этом доме были гости после свадьбы с той лживой суккой, чье имя вызывало гадливую дрожь во всем теле. После ее собачьей смерти здесь не было ни единой души, кроме него самого и Эрдэнэ. И не было бы еще тысячу лет.

Когда дед настоял на воссоединении семьи и перемирии Тамерлан оскалился. Единение? Перемирие? С кем? Со стаей шакалов, готовых сожрать друг друга за кусок пожирнее.

— *То, что ты называешь семьей на самом деле стая. И каждый из них ждет, когда ты сдохнешь.*

— *Даже ты?* — спросил старик, хитро щуря черные глаза и покручивая иссохшими пальцами набалдашник трости.

— *В свое время мне было плевать жив ли ты, так какого хрена мне ждать твоей смерти?* — пожал плечами и налил себе дорогой виски двадцатого года.

— *Ты главный наследник.*

— *Я и без твоих золотых побрякушек не особо нуждаюсь, если ты не заметил.*

Дед впился в запястье внука, приблизив к нему морщинистое лицо.

— *Именно поэтому ты возьмешь все в свои руки и будешь держать эту стаю в когтистом кулаке. Династия должна возродиться. Окрепнуть. У нас много конкурентов. Но вначале выполнишь мои условия!*

— *Я их выполнил!*

— *Не до конца. Я жду правнука!*

— *У тебя уже есть правнучка....*

Старик брезгливо поморщился.

— *Не смей называть это существо моей правнучкой. Это позор семьи. Аномалия. Сбой системы. ее не должно было быть. Отшли ее отсюда подальше пусть родня со стороны моего двоюродного брата позаботится о ней. Не рыба, ни мясо.*

Тамерлан сбросил старческую руку со своего запястья и с трудом сдержался чтоб не оттолкнуть старика так чтоб коляска перевернулась.

— *Она — не существо! Я и только я буду решать судьбу своей дочери!*

— *Не будешь! Если хочешь владеть моей империей! Скрой ее от глаз людских подальше. У Красного Скорпиона не может быть уродов в семье.*

Тамерлан глухо зарычал и дернул инвалидное кресло старика.

— *Да что ты? Вся твоя семейка сплошные уроды! Если бы ты следил за своим извращенцем сыном, кастрировал его в детстве, то никаких аномалий не было! Но чем ты там был занят? Поиском очередной золотой жилы? Или сам тыкал свой член в своих многочисленных любовниц пока твой сын сраный ублюдок насильничал мою мать? Твою родную дочь!*

— *Молчать!*

— *Не затыкай мне рот. Если думаешь, что поймал меня на крючок своим наследством — ошибаешься. Срать я хотел на твои миллионы!*

— *Не зли меня, Лан! Я порву дарственную и завещание!*

— *Я сам могу их порвать!*

И дед вдруг усмехнулся тонким ртом, похожим на вертикальную прорезь в коре моренного

дуба.

— Упрямый, наглый сукин сын! Ну кто лучше тебя сможет держать их всех за яйца? Я жду праздника. Пусть твоя русская хозяйка примет гостей... Она все еще в твоём доме? Или уже спровадил куда-то? Нееет, вижу, как глазки загорелись — еб**шь ее с утра до вечера, да? Мне тоже были по нраву русские блондиночки. Правда я не женился на них...

Хан отошел от окна, подтянул рукава белого свитера и поправил ладонью волосы. Да, на нем был белый свитер и светлые джинсы. Ангаахай сказала, что ей надоело черное и что его смуглой коже невероятно подходит белый цвет.

Утром она разбудила его страстными поцелуями и когда он нехотя открыл глаза — на маленьком столике стоял торт с одной свечой, и она с сияющим видом принялась орать всемирно известную дурацкую песенку и размахивать воздушными шарами. Вначале он опешил. Ничего подобного и более глупого не видел никогда в своей жизни.

— Что это?

— Твой День Рождения!

— И что?

— Как что? Надо веселиться и отмечать. Это же праздник!

Праздник? Ему никогда не отмечали дни рождения. Обычно он и не помнил этой даты. Последний раз мать дарила ему в подарок деревянного солдата, но и тот остался где-то в прошлой жизни в доме деда.

Но это было забавно. То, как она пела, размахивала руками, прыгала, пыталась заставить его кружиться. Мелкая, гибкая, смеющаяся так заразительно, что он и сам начал лыбу давить. А потом Ангаахай кормила его тортом собственного приготовления, измазала его и себя кремом.

— Тебе вкусно?

— О даа, — стонал он и покусывал ее шею.

— Я про торт. Это «Наполеон». Я сама его испекла. Для тебя.

Он жадно ее брал прямо на ковре, усыпанную крошками от торта, сладкую от заварного крема, посреди рассыпавшихся воздушных шаров.

Хан не видел Ангаахай с самого утра... но слышал, что в доме происходит странная суета. А когда спустился вниз удивленно осматривался по сторонам. Дом был украшен гирляндами, слуги бегали в дурацких колпаках. Ей удалось нарядить даже угрюмых охранников. Хан не понимал, каким образом эта девчонка умудряется получить все что хочет. В доме все заметно меняется. И вот уже слуги шныряют по этажам, где-то слышны разговоры, с кухни доносится запах выпечки. Они все, без исключения, с восхищением смотрят на хрупкую девочку и... и подчиняются ей. Один из безопасников влез на лестницу и вешал какой-то плакат в прихожей. Все это казалось Хану глупым и хотелось немедленно прекратить цирк... Но Ангаахай вдруг выбежала из зала, одетая в воздушное светло-сиреневое платье, с волосами, заплетенными в косу, и схватила его за руку.

— Идем, посмотришь, как я расставила столы. Скажешь нравится ли тебе.

Ее глаза сияли от радости, она смотрела на него и улыбалась, тянула за собой. Нет, Хан не стал запрещать ей украшать его дом, да и вообще что-то запрещать. Ему слишком нравилось, как она улыбается и суется. Блядь! Ради него суется! То чего никто и никогда не делал. И как бы безвкусно не выглядели все эти картонные гирлянды, плакатики, колпаки от всего этого веяло радостью и счастьем. Детством, которого у него не было. Он кажется начал понимать значение и этого слова тоже. Пусть делает что хочет.

Сейчас свой собственный дом напоминал ему старика, на которого напялили банты и ленты. Казалось, что он недовольно поскрипывает лестницей, гремит окнами и хлопает дверьми, но также наслаждается происходящим, как и его хозяин.

Оглянулся на двери, ведущие в залу — Ангаахай должна была появиться раньше гостей, но ее не было, она еще не спустилась вниз. Это важный момент — встреча гостей. Они обсудили этот момент несколько раз.

— Что за дурацкие бумажки здесь висят? Мы в цирке? — раздался надменный голос Цэцэг и Хан напрягся. Старшая дочь Батыра всегда заставляла его ощутить прилив необъяснимой мрачной злости.

— Русская жена Лана украшала дом в своем деревенском вкусе. — Оюун рассмеялась и отдала накидку одному из слуг. — скоро здесь повсюду будут скоморохи, матрешки и свиньи с коровами во дворе.

Хан шагнул к ним навстречу и голоса тут же смолкли, но презрительные взгляды все еще окидывали прихожую, украшенную красными шарами. Цэцэг в роскошном длинном серебристом платье продефилировала навстречу брату, следом за ней одна из сиделок толкала кресло с Батыром, позади шла Оюун и остальные сестры с мужьями, детьми, дальние дядя, двоюродные и троюродные родственники. Первым должен был поздравить внука сам Батыр. Но тот не торопился, он осмотрелся по сторонам, тоже презрительно хмыкнул и повернулся к внуку, с таким видом, словно вот-вот расхохочется.

— С Днем Рождения внук. Надеюсь твоя жена не забыла о празднике и закончила лепить поделки на стены?

Лан стиснул кулаки и бросил взгляд на внутреннюю дверь. «Где же ты, Ангаахай? Я же сказал быть здесь раньше гостей!».

— Наверное у нее золотая дырка между ног, если она позволяет себе такое неуважение и знает, что ей за это ничего не будет.

— Ну, что ты. Папочка, она, наверное, выбирает наряд. Он ведь должен соответствовать окружающей обстановке, а такое дерь... красоту найти безумно трудно.

Тамерлан ощутил, как чешутся ладони свернуть тонкую шею Цэцэг, сдвинуть ладонью и до хруста. ее муж, поддакивал ей во всем и с ненавистью смотрел на Хана. Без Цэцэг он мало что из себя представлял, но его семья была довольно могущественной и имело свои связи в правительстве. Остальные поздравления он получал от родственников и ощущал, как постепенно начинает выходить из себя, как от злости начинает всего трясти и хочется найти Ангаахай и вытрясти из нее душу.

Гостей разместили за столами, когда вдруг двери приоткрылись и все повернули головы, вместе с Тамерланом, который от бешенства так сдвинул столовый нож, что тот погнулся. Разговоры стихли и воцарилась гробовая тишина. Ангаахай везла впереди себя маленькую инвалидную коляску... Как она смела?! Как ... как могла выкинуть такое? Привезти сюда Эрдэнэ! Девочке запрещено выходить к гостям!

— Кто это?

— Дочка Хана инвалидка без ног.

— Аааа... а чего ее раньше никто не видел?

— Так она ж убогая. Он ее прятал.

— Понятно. Я не думала, что у него есть дети.

— Ничего русская родит ему еще парочку безногих блондинчиков.

Сдвинул нож еще сильнее, так что даже тупое лезвие продрало кожу на ладони и кровь капнула на салфетку.

— Прикажи им убраться, — тихо прорычал дед, — пусть охрана выведет обеих!

Но Тамерлан не слышал деда, он смотрел на свою жену и на девочку в коляске. Обе одеты в белые балетные костюмы, волосы собраны и из-за спины Эрдэнэ виднеются белые крылья, посыпанные блестками. Еще одна дурацкая мишура.

Но когда девочка посмотрела на отца и улыбнулась ему ярость начала сменяться странным жаром и каким-то ...каким-то невероятным ощущением. Ангаахай кивнула куда-то в сторону и заиграла музыка. Довольно известная даже для тех, кто совершенно не разбирается в балете.

И он не поверил своим глазам. Они начали танцевать. Вместе. Девушка в пуантах (откуда только достала?) и девочка без ног. Их движения были синхронными, плавными и через какое-то время Хан перестал думать о том что девочка на коляске, она двигалась всем своим

тельцем, взмахивала руками изгибалась вместе с девушкой, которая то накрывала ее руками крыльями, то кружила вместе с коляской. Это было не просто красиво. Это было настолько завораживающе прекрасно, что он ощутил жжение в глазах и в груди.

«Если бы у меня были ноги я бы стала балериной»...когда-то он услышал, как Эрдэнэ говорит это Зимбаге. Но никогда бы об этом не вспомнил...

Когда танец закончился тишина все еще висела в воздухе, а покрасневшая Ангаахай, подвезла Эрдэнэ к Хану. Они стояли напротив стола вдвоем. Раскрасневшиеся с блестящими глазами и смотрели на него.

Потом Эрдэнэ перевела взгляд на девушку та ободряюще ей кивнула, и та опять посмотрела на отца.

— С Днем Рождения, папочка! Я выучила этот танец для тебя! Знаю, что... что мною трудно гордиться, но я буду стараться, чтоб ты не разочаровался во мне. Вся сила не в ногах, а в голове!

И тут раздалась одинокие аплодисменты. Хлопал в ладоши дед. Следом за ним зарукоплескали и остальные. Девочка повернула к нему личико, а Хан весь внутренне сжался, готовый перерезать Батыру горло если тот скажет какую-то гадость.

— А она смелая эта малышка. Настоящая Дугур-Намаева! Иди-ка сюда!

И поманил девочку пальцем.

Ангаахай посмотрела на Хана и тот усмехнулся, чувствуя, как его распирает, раздирает, буквально разносит от гордости. Это было смело, нагло и очень красиво.

Но Эрдэнэ не торопилась подъехать к деду, она смотрела на отца.

— Подойди сюда, крошка, я кому сказал! — поманил прадед еще раз, но она грозно свела вместе брови.

— Я еще не договорила со своим отцом.

Снова повернулась к Хану.

— Я хочу сказать, что люблю тебя, папа.

И он ее любит, до безумия, до демонизма. Так любит, что готов был прятать Эрдэнэ от чужих глаз и языков всю жизнь, лишь бы кто-то не посмел ее обидеть даже словом.

— Прости, что ослушалась тебя... ты можешь меня за это наказать.

Ангаахай опустила веки.

Оооо, он ее накажет. Так накажет, что она выть будет под ним и умолять его не останавливаться ее наказывать.

В эту секунду распахнулись двери залы и вбежал испуганный охранник, он дико вращал глазами.

— Кто-то... кто-то ранил Киару! Она умирает!

Хан вскочил из-за стола и бросился во двор, за ним следом все гости. Монгол бежал к клетке, видя перед собой лишь черную тушу тигрицы, из-за прутьев в траву стекали ручейки крови. Он резко распахнул дверь, упал на колени, наклоняясь к морде своей девочки. Она еще дышала, но из ее живота, из зияющей кривой раны сочилась кровь, и тигрица вздрагивала в мучительных конвульсиях. Хан протянул дрожащую руку, погладил голову кошки между ушами.

— Я здесь... сейчас боль прекратится. Обещаю. Я здесь.

Примостил ее голову к себе на колени, чувствуя, как каменеют все мышцы, как комок в горле мешаает дышать. Рука медленно достала нож из-за пояса. Он уткнулся лбом в бархатный лоб тигрицы и прошептал «прости», когда лезвие мягко и очень быстро перерезало сонную артерию.

Завибрировал сотовый Хана, тот достал его из кармана окровавленными пальцами и глухо

заревел так что прутья клетки затряслись от этого рева. На дисплее корчилось в деланных рыданиях лицо Мухаммада. Он растягивал глаза и фальшиво заливался слезами.

«Жалко кошечкуuuuuuu».

Глава 23

— Сукааа! Ублюдок! Мраааазь! Урою!

Хан ревел, вбивая кулаки в грушу, обрабатывая ее со всех сторон, а перед глазами яма, деревянный ящик, в который он сам положил Киару и прикрыл мягким пледом, а потом забил крышку и засыпал землей. Они стояли там втроем Он, Ангаахай и Эрдэнэ. Никто не плакал. Никто, кроме него. Изнутри. Он был привязан к кошке, настолько сильно, что сейчас вместе с дикой яростью ощущал горечь утраты. Долгие годы она была рядом, и он... да, он ее любил.

Гости давно разъехались. А точнее, он на хер всех разогнал. Они бежали из его дома так, что пятки сверкали. В гневе Хан был страшен, он рушил все вокруг. Через час дом напоминал руины. Дед уехал самым последним, не преминув раздать свои указания и запреты.

— Не смей соглашаться на бой. Ты на виду! Ты больше не мальчик для битья под ставки. Ты — наследник империи Дугур-Намаевых, а не ху*в гладиатор!

— Иди к черту, дед! Уходи! Пока я не сказал что-то, о чем мы оба пожалеем!

— Из-за чего? Из-за кошки? Купи себе еще с десяток! Тебя провоцируют, а ты ведешься!

— Уходи!

— Выйдешь на бой — забудь о наследстве!

— Имел я его в зад, твоё наследство! Убирайся!

— Давайте, я проведу вас, — тихий голос Ангаахай прервал адски напряженное молчание.

— Не смей вмешиваться в разговор мужчин, девка!

Рявкнул на нее дед, а Хан сжал кулаки и двинулся в сторону старика.

— Все очень расстроены. Давайте, завтра или послезавтра вы приедете к нам, — она смотрела старику прямо в глаза, отгораживая его от Хана, — посидим за чашкой кофе и...

Старик дернул уголком рта, но напряжение начало спадать.

— Я не пью кофе!

— Чай. Я сварю вам чай из трав. Меня мама Света учила варить самые вкусные чаи. — повернулась к Тамерлану. — Правда? Ведь мы можем встретиться завтра?

Хан смотрел на свою жену, на это хрупкое существо, посмевшее встать между ним и самим Батыром Дугур-Намаевым, перед которым все падали ниц, посмела ему перечить, и при этом дед все еще продолжает вести беседу с ней, хотя и зол... а сам Хан ощущает, как тиски ярости уступают место отчаянной тоске и желанием уйти к Киаре и заняться ее телом.

— Можем...

Ответил и бросил взгляд на деда, который с прищуром и внимательно смотрел на Ангаахай. Потом повернулся к внуку.

— Научи ее молчать, пока ее не просили открыть рот!

Развернул коляску и быстро поехал к выходу. Но у самой двери не забыл громко сказать:

— Не смей драться с этой обезьяной!

Хан воткнул лопату в землю и, не глядя на дочь с женой, пошел в дом. Заперся в спортзале, разглядывая мини-копию Киары, сделанную из черного дерева и покрытую лаком. Когда-то он заказал ее у известного мастера. Оплатил его дорогу из Индии к себе домой. Она восседала у стены с его кубками и медалями, охраняла золото его достижений. В дверь зала робко постучали. Он знал кто это, но открывать не хотел. Не привык, чтоб кто-то разделял с ним его эмоции. Одному всегда комфортнее.

— Ты можешь там сидеть один, и я больше не стану тебя беспокоить. Но я здесь. За дверью и скорблю вместе с тобой.

Смотрел на статую, поглаживая ее кончиками пальцев, чувствуя дикое опустошение, какой-то каменный пресс, придавивший его грудь и мешающий дышать. Потом молотил грушу, выплескивая ярость, боль и досаду.

— Убью суку!

Три удара правой

— Загрызу бл*дь!

Три левой.

— Ты будешь молить о смерти, мраааазь!

Со всей дури бил кулаками в несчастную грушу, которая сорвалась с крепления и отлетела в сторону. Глухо ударилась о пол, и эхо разнеслось по пустому залу. Тяжело дыша, глотая камни вместо воздуха и согнувшись пополам, он стоял, опираясь о колени и понимая, что вызов примет. Он проломил череп этой твари, вывернет ей мозги и размажет по всему рингу, а также по мордам его фанатиков. Впервые Хан ощутил себя уязвимым. Ощутил, как у него нашли болевую точку и силой в нее воткнули гвоздь. Пока только гвоздь. Ничего, взамен он зальет все кровью. Достал сотовый и написал смс «Завтра. Давай время и место. И начинай молиться».

Потом подошел к двери и резко ее распахнул — она сидела у стены, обхватив колени тонкими руками. Едва увидела его, вскочила, крепко обняла, обвилась вокруг него, окутывая сладким ароматом, обволакивая его боль своим нежным и теплым пухом. И Хан вдруг подумал о том, что сам не знает, как мог жить без нее раньше.

Вдавил в себя, жадно вдыхая запах золота, рассыпанного по атласным плечам, ища утешения в ее ласке, в ее поцелуях.

— Я знаю, что ты будешь драться, — шепчет и целует его глаза, которые жжет, и, кажется, они высохли до дичайшей боли в склерах, — я хочу поехать с тобой. Не оставляй меня одну. Пожалуйста. Я хочу быть рядом.

Это странное ощущение появилось еще до боя. Какое-то кратковременное двоение в глазах. На мгновения, так, что, тряхнув головой, он снова был в полной боевой готовности.

— Ты в порядке?

Тим размял плечи Хана, потер затылок, сдавил бицепсы, постучал по ним, расслабляя.

— В полном порядке.

— Слабые стороны ты знаешь. К бою готовился?

— На хер мне к нему готовиться? Я его раздеру на части, расчленю!

— Ты помнишь, что нельзя недооценивать соперника?

— Он мне не соперник. Клоун, посмевающий меня провоцировать! Я его поломаю!

Посмотрел на свое отражение в зеркале. Давно не выходил на ринг в этом состоянии дикого всплеска адреналина. И тут же снова слегка подвоилось собственное отражение. После травмы головы остались последствия. Врач говорил ему об этом, но кто, бл*дь, слушает этих эскулапов, готовых по любому поводу приписать инвалидность.

— Что такое? Двоится в глазах?

— Все он, бл*, знает!

— Я обязан знать. Что с давлением?

— В норме!

— Ты отказался пройти проверки.

— И срать на них. Или ты во мне сомневаешься? Дай воды.

Тренер протянул бутылку минералки, но Хан отрицательно качнул головой.

— Там на столе... другая.

«Я сама воду для тебя набирала. Там мята и лимон... сделаешь глоток, и силы прибавятся».

Только мысли о ней этих сил и добавляли. Ему казалось, он вырастает до гигантских размеров и способен свернуть небоскребы. Открутил пробку и с наслаждением сделал несколько глотков, думая о том, что после боя он увезет ее, как и обещал, к океану. Ее и Эрдэнэ. Теперь у него на одну девочку меньше... и ни с одной из них он больше не готов расстаться.

Вышел на арену, выискивая глазами соперника, и, едва увидел, ощутил стремительный взлет адреналина. Кривляющийся ублюдок мяукал и сгибал пальцы, как поднятые вверх лапы. Это будет первое, что он ему переломает и вырвет — пальцы! Желание убивать зашкаливало и принимало сумасшедшие размеры. Он жаждал смерти твари, посмевавшейся прокрасться к нему в дом... но смерть слишком просто. Тварь должна рассказать, кто ему помогал. Без соучастников внутри дома повернуть такое было невозможно. Это был кто-то, кому он всецело доверял, кто-то близкий, кто-то стоящий рядом или у него за спиной. И он найдет предателя во что бы то ни стало.

Люди верезжали, улюлюкали, вскакивали с мест, отбивали ритм ногами. Иногда ему хотелось разодрать и парочку из них, а то и всех. Зрители. Неотъемлемая часть всеобщей мясорубки. Жадно желающие смотреть за чужой болью, подсчитывать кровоподтеки, сломанные кости и выпущенные кишки. Он хотел быть хладнокровным, но у него плохо получалось, жажда крови казалась неуправляемой. Как будто он лишился привычного контроля.

Мухаммад стоял напротив и играл бицепсами.

— Слышал, ты привел с собой белую курочку. Когда ты сдохнешь, я натяну ее на свой член, и мы помянем тебя. Я буду ее жарить. Тынь-тынь-тынь.

Соответствующие движения бедрами вперед и руками назад, а Хан стискивает челюсти, стараясь совладать с адской ослепляющей яростью. Бросил взгляд на ряд, в котором сидит Ангаахай, и на секунду сердце забилось чаще. Как она смотрит только на него во все глаза, подавшись вперед. Не улыбается. Ее глаза расширены. И он видит — ей страшно. За него. Разве так можно притворяться. И ему впервые верится, что его... да, его любят. Не за что-то. А вопреки всему.

Вначале Хану казалось, что он не может сосредоточиться на бое из-за своей злости, пропустил несколько ударов и постарался взять себя в руки, отключить все мысли. Особенно о мертвой Киаре. Но у него не получалось. Во время короткого перерыва сделал еще несколько глотков воды, пытаясь набраться тех самых сил... думая только о ней. Подарить ей победу и забыть о ринге навсегда.

Но вместо сосредоточенности на лице и выпадах противника начало казаться, что перед ним не Мухаммад, а... его отец. Вначале лицо то появлялось, то исчезало, и Хан наносил сокрушительные удары противнику. А потом у Мухаммада появилось несколько лиц. Одно родного отца, одно отчима и третье лицо мертвой жены Хана. Все они смеялись над ним и держали в руках кинжалы. У них было сотни рук. Хан старался увернуться от каждой из них, бил в головы, но попадал всегда мимо, головы исчезали, и одна громко ржала над ним, а его ослепило болью, он шатался и летал по рингу, как резиновая кукла.

Взгляд на трибуны, поиск... и отчаянное понимание, что ее там нет. Нигде нет. Сокрушительный удар в голову, и он летит назад, падает навзничь на спину, широко открыв глаза, смотрит на прожекторы вверх. Слышит голоса, счет вслух, и лицо заливают кровью. С диким ревом встает и наощупь идет на врага, не важно, какое у него лицо и где оно. Похер. Главное найти, сдавить руками и раздробить... бешеный рев толпы. Все тело наливается какой-то сатанинской силой, и вот он уже сверху, с наслаждением прислушивается к дикому ору противника и мягкому треску кистей. Хан рвет и ломает. Что именно — не важно. Под ладонями жесткие курчавые волосы Мухаммада. Раздается сильный треск, и Хан воет на весь зал... еще хруст, и его безуспешно пытаются оттащить в сторону. А он ломает и... и понимает, что ломается вместе с этой мразью. И что лучше бы он там сдох.

Бешено вращая глазами, всматриваясь в четверящиеся лица, он ищет ее и ищет. Издалека слышит:

— Оторваны уши. Перебиты все пальцы, Сломан позвоночник. Уносите.

Его самого выводят куда-то, в дверь ломятся фанаты, кто-то орет о ставках и компенсации для покалеченного и полумертвого Мухаммада.

Его предали... ему что-то подсыпали в воду... Анализ уже готов. Это наркотик, он вызывает галлюцинации и слабость в мышцах. Но как? Кто? ОНА НЕ МОГЛА. Только не она. Не... Ангаахай. Она на такое не способна. А Хан держится за звенящую голову и смотрит в никуда, пока охранник дрожащим голосом докладывает о том, что Ангаахай сбежала из зала, пока шел бой. У нее были помощники.

— Кто?

— Пока не знаем, но уехала она на машине, явно ожидающей у входа.

«Я сама воду для тебя набирала. Там мята и лимон... сделаешь глоток, и силы прибавятся».

— ее уже ищут, прочесывают каждый квадратный метр. Найдут и привезут к вам.

— Не надо.... Найдите и закопайте ее живьем.

— Где?

— Насрать где.

И вырубился от адской боли в голове.

Эпилог

Рассвет унылого молочно-серого цвета, разбавленный туманом, расплзался вокруг особняка рваной, липкой паутиной. Хан ощущал, что его самого поглотили сумерки. Он очнулся уже дома, куда его доставили под жесточайшей охраной деда. У Дугур-Намаевых правило — никаких больниц. Даже подышать надо только дома. Но он не сдох. Получил очередной нокаут в голову с рваной раной на черепе, отделался небольшим сотрясением и сломанными ребрами. А мог... мог сдохнуть прямо на ринге, между пальцев Мухаммада были примотаны битые стекла. Ровно настолько, чтобы удар был более сокрушительным и рвал плоть. Учитывая нестабильное давление, действие наркотика — удар должен был стать для Хана смертельным. Кто-то очень хорошо изучил его медицинскую карту и сделал домашнее задание. И этот кто-то был настолько близко, что смог... смог заставить его купиться на лживую маленькую сучку и на ее внезапные перемены в отношении к нему. Размечтался... Таких уродов не любят. Он забыл об этом и был жестоко наказан за свою амнезию. Как красиво сыграла, так чисто, так невероятно... нежно. Он поверил каждому жесту, каждому взмаху ресниц, каждой улыбке. Даже его покойная шлюха-жена не смогла настолько красиво сыграть. Напряг кулаки, и по руке потекла кровь. Шов на плече разошелся.

Но раны не болели. Физическая боль никогда не волновала Хана. Он привык с ней справляться и не обращать на нее внимание. Приветствовать, как явное доказательство того, что он жив. Ночью лил дождь, земля за окнами промокла, в ямках собралась вода, и издали поблескивала пустая железная клетка Киары.

Охрана изучала записи с камер. Как на ринге, так и в доме. Но везде в определенный промежуток времени они были отключены. Кто-то сработал настолько чисто, что и придраться не к чему.

Он приказал не докладывать ему о поисках. Приказал найти ее, засунуть в мусорный мешок и закопать в глубокую яму. Хан даже не хотел знать, где будет эта яма... чтобы не приползти туда и не валяться на ней, сожалея о сделанном. На его заросших щеках было так же мокро, как и на улице. И эта влага казалась монголу до отвращения позорной. Ему хотелось схватить сотовый и проорать в него, чтоб везли сучку проклятую к нему, чтоб нашли и не смели трогать. Из него наружу выдиралось невозможное, сумасшедшее отчаяние. Оно изнуряло и сдавливало грудную клетку так сильно, что каждый вздох давался ему со свистом. Ему было насрать, что дед отрекся от дарственной и разодрал ее к такой-то матери, насрать на очередное лишение наследства. Он чувствовал себя разломанным на части.

Приблизился к клетке и изо всех сил несколько раз ударил по прутьям, так, что они погнулись. Побрел мимо качели, по мостику в сторону лабиринта. Иногда он находил там покой. Бродил по узким проходам вместе с Киарой и вдыхал сильный запах алых роз полной грудью. Становилось легче.

Но не сейчас... не тогда, когда мозг пульсировал, исходился ядовитыми сожалениями, а сердце корчилось, орало, билось о ребра до крови, и ему казалось, что он весь ею переполнен. Ноги сами шли к памятнику женщины, стоящей на коленях и протягивающей руки вперед. К нему. Такой он запомнил свою мать. Такой ее изобразили для него.

Обхватил эти руки и закрыл глаза. Почувствовал, как задрожали плечи, как боль пульсирует внутри, как разъедает ему внутренности вместе с ненавистью к себе... за то, что поверил.

А потом вдруг увидел белое пятно в мраморном постаменте, как в зеркале. Резко обернулся и застыл, как вкопанный. Она шла издали, по узкой тропинке лабиринта, пошатываясь, как пьяная.

Боль на мгновение стала ослепительно сильной и заглушила все эмоции. Любые. Ярость, гнев, ненависть. Только боль и адская жажда увидеть... посмотреть в глаза, с сумасшедшим непониманием КАК? Неужели у него галлюцинации? Двинулся навстречу, быстрее, еще быстрее. И по мере приближения уже различал сбитые босые ноги, грязное платье, всклокоченные волосы. Боль разливалась по всему телу, билась, трепыхалась, лишая воли, отбирая любой контроль.

Она шла к нему навстречу. Его Лебедь, со сломанными крыльями, вся в грязи и слезах. Когда они поравнялись, он взглянул в огромные голубые глаза и сдох. Мгновенно. Разложился, прогнил до костей, и каждая из них наполнилась страданием. Он уже выносил приговор всем... всем, кто посмели ее тронуть. И впервые молился Богу, что никто из его людей не смог ее найти.

— Я... рискнула... они говорили, что ты убьешь, если я вернусь... Говорили, чтоб бежала... Я вернулась! Мне некуда бежать. Мой дом здесь. Убей меня, если хочешь!

Ее ноги подкосились, а он подхватил ее под хрупкие плечи и жадно прижал к себе, голодно целуя самое бесценное золото, выдыхая рыданием, стискивая пальцы на ее спине. Его трясло с такой силой, что он слышал, как стучат его зубы, как клацают клыки хищника, который едва не разодрал самое драгоценное, что у него есть.

— Зачем...? — приподнял ее лицо, перепачканное, заплаканное, мокрое. — Зачем вернулась?

— Я люблю тебя. Мне с тобой хорошо.

И спрятала головку у него на груди. А он смотрел на памятник... на лицо женщины с протянутыми руками и на мгновение ему показалось, что она улыбается.